

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН

2017

Том 9

№ 4

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2017

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2017
Том 9
№ 4

Редакционная коллегия

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2017.
171 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция

Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — главный редактор (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, БФУ им. И. Канта — зам. главного редактора (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниemi*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии, СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Ляхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор, РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук, НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития, Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и истории международных отношений, СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия).

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-46309 от 26 августа 2011 г.

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

BALTIJSKIJ REGION

2017

Volume 9

№ 4

Kaliningrad
Immanuel Kant Baltic Federal University Press
2017

BALTIJSKIJ
REGION
2017
Volume 9
№ 4

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2017.
171 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders
Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office
Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel/Fax.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2017

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Bussygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Perti Joenniemi*, senior researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolosov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Gennady V. Kretinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spirajevus*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia.

Mass Media Registration Certificate PI № FS77-61749,
on 26 August, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

География

Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т., Студженицкий Т., Федоров Г. М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» 7

Дружинин А. Г., Горочная В. В., Гонтарь Н. В., Дец И. А., Лачининский С. С., Михайлов А. С. Трансграничные кластеры в приморских зонах Европейской части России: инвентаризация, типологизация, идентификация факторов и перспектив развития 29

Экономика

Лиухто К. Роль иностранных граждан в советах директоров десяти крупнейших нефинансовых предприятий России, инвестирующих за рубежом 45

Рахманов А. Б. Миллиардеры и миллионеры Балтийского региона: сравнительный анализ национальных бизнес-элит 69

Волошенко К. Ю., Пономарев А. К. Внедрение в практику регионального управления секторальных моделей: оценка влияния управляющих воздействий на экономику 93

Волчецкая Т. С., Малевски Г. М., Ренер Н. А. Проблемы развития янтарной отрасли и противодействие незаконному обороту янтаря в Балтийском регионе 114

Туризм

Степанова С. В. Трансграничные туристские маршруты: возможности Северо-Запада России 129

Ходачек В. М., Шамахов В. А. Туристско-рекреационный потенциал исторических городов Северо-Запада России 152

CONTENTS

Geography

- Klemeshev A.P., Korneevets V.S., Palmowski T., Studzieniecki T., Fedorov G.M.* Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region 7
- Druzhinin A.G., Gorochnya V.V., Gontar N.V., Dets I.A., Lachininskiy S.S., Mikhailov A.S.* Transboundary Clusters in the Coastal Zones of the European Part of Russia: Inventory, Typology, Factors, and Prospects..... 29

Economics

- Liuhto K.* Foreign nationals on the Boards of Directors of Russia's Ten Largest Non-Financial Companies Investing Overseas 45
- Rakhmanov A.B.* Billionaires and Millionaires of the Baltic Sea Region: A Comparative Analysis of National Business Elites..... 69
- Voloshenko K.Yu., Ponomarev A.K.* Introducing Sectoral Models into Regional Management: An Assessment of Regulatory Impacts on the Economy..... 93
- Volchetskaya T.S., Malevski H.M., Renner N.A.* The Amber Industry: Development Challenges and Combating Amber Trafficking in the Baltic Region 114

Tourism

- Stepanova S.V.* Cross-Border Tourist Routes: The Potential of Russia's North-West 129
- Hodachek V.M., Shamakhov V.A.* The Tourist and Recreation Potential of Historical Cities in North-West Russia..... 152

ГЕОГРАФИЯ

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

А. П. Клемешев¹
В. С. Корнеевец¹
Т. Пальмовский²
Т. Студжиницки³
Г. М. Федоров¹

Балтийский транснациональный регион относится к числу наиболее сформировавшихся международных регионов. Здесь активно взаимодействуют хозяйствующие субъекты, некоммерческие организации, органы государственной власти и местного самоуправления стран, расположенных на побережье Балтийского моря и поблизости от него. Однако в формировании Балтийского региона существуют нерешенные проблемы, и имеется много возможностей для его дальнейшего развития. Это объясняет актуальность определения территории региона, где есть предпосылки для создания особенно эффективных взаимовыгодных межгосударственных и международных связей. Для решения этого вопроса изучены литературные источники, учтены разрабатываемые международные программы и деятельность межгосударственных и межрегиональных организаций, применены методы картографического анализа. В результате установлены три пространственных сферы, различающиеся по степени влияния Балтийского моря на развитие связанных с ним территорий. Это позволяет говорить о возможности понимания Балтийского региона — в зависимости от задач исследования и в соответствии со степенью тесноты внутренних связей — в трех смыслах: узком, расширенном и широком. В узком смысле в его состав входят полностью Швеция, Дания, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония и расположенные на побережье административно-территориальные единицы России, Германии и Польши. В расширенном — кроме перечисленного Польша полностью, Беларусь, Норвегия и большее количество регионов России и Германии. В широком смысле — дополнительно Исландия, некоторые территории России, Германии, Чехии, Словакии, Украины.

---

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

² Гданьский университет, 80—309, Польша, Гданьск, ул. Яна Бажиньского, 8.

³ Морской университет в Гдыне, 81—225, Польша, Гдыня, ул. Морская, 81—87.

Поступила в редакцию 10.07.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-1

© Клемешев А. П., Корнеевец В. С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г. М., 2017

Ключевые слова: Балтийский регион, Балтийское море, водосборный бассейн, приморская зона, зона притяжения, международное сотрудничество

1. Содержание понятия «Балтийское море»

Понятие «Балтийское море» возникло, вероятно, в XI веке при определении немецким хронистом Адамом Бременским части современного Балтийского моря [39]. Со временем значение слова «Балтика» изменилось и появилось много новых терминов, обозначающих Балтийское море (табл. 1).

Таблица 1

Этимология термина «Балтийское море» на некоторых языках

Язык	Название	Значение
Английский	Baltic Sea	Балтийское море («море балтов»)
Белорусский	Балтыйскае мора (Baltyjskaje Mora)	
Латышский	Baltijasjūra	
Литовский	Baltijosjūra	
Французский	Mer Baltique	
Испанский	Mar Báltico	
Польский	Morze Bałtyckie	
Русский	Балтийское море (Baltiyskoye More)	
Немецкий	Ostsee	Восточное море
Датский	Østersøen	
Норвежский	Østersjøen	
Шведский	Östersjön	
Финский	Itämeri	
Исландский	Eystrasalt	
Эстонский	Läänemeri	

Источник: разработка авторов.

Балтийское море относится к средиземным морям, поскольку соединяется с Северным морем, а через него с Атлантическим океаном достаточно узкими проливами: Эресунн, Большой и Малый Бельт, Каттегат и Скагеррак. Но однозначное понимание водных границ Балтийского моря отсутствует. Речь идет, во-первых, о том, что Балтийское море может рассматриваться без проливов (вариант 1 на рис. 1). Во-вторых, в практических целях проливы часто включаются в состав конкретного моря. Так, Скагеррак часто относят к Северному морю, а остальные Датские проливы — к Балтийскому морю, причем граница между проливами Каттегат и Скагеррак проводится по-разному (варианты 2 и 3 на рис. 1). Иногда в состав Балтийского моря включают даже Скагеррак (вариант 4 на рис. 1).

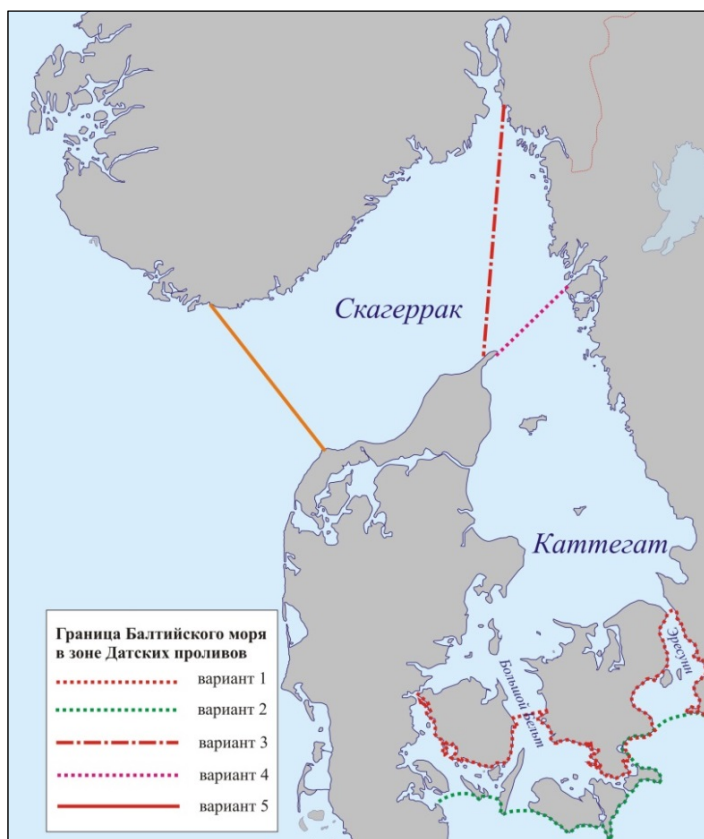

Рис. 1. Водные границы Балтийского моря

Источники: 1) [1; 21]; 2) [27; 37; 74]; 3) [16]; 4) [28; 57]; разработка авторов.

Представляется, что с позиций определения состава Балтийского региона целесообразно границу Балтийского моря провести между проливами Каттегат и Скагеррак. Тогда впадающие в пролив Каттегат реки можно считать реками бассейна Балтийского моря. Два известных нам варианта определения подобным образом границ Балтийского моря отражены в легенде к рисунку 1 цифрами 3 и 4. Цифрой 5 обозначен вариант с включением в состав Балтийского моря также и пролива Скагеррак.

2. Физико-географические определения Балтийского региона

2.1. Определение границ водосборного бассейна Балтийского моря

В физико-географическом плане исходной точкой для определения границ Балтийского региона часто является территория водосборного бассейна Балтийского моря [55; 74; 82].

Размеры площади водосборного бассейна сильно различаются в зависимости от того, включаются ли какие-либо из Датских проливов в состав Балтийского моря (рис. 2). Согласно Брогмусу, его площадь составляет 1 634 000 км² [80], тогда как Микульский оценивает ее в 1 721 000 км² [26], а С. В. Короткова — в 1 721 233 км² [9]. В публикациях ХЕЛКОМ это 1 740 000 км² [36] и 1 720 270 км² [35]. Последняя оценка встречается особенно часто [45; 59; 63; 76].

Рис. 2. Водосборный бассейн Балтийского моря:
 А — Балтийское море без Датских проливов по версии [1];
 Б — дополнительно с проливом Каттегат по версии [37; 74];
 В — дополнительно с проливом Каттегат по версии [16];
 Г — дополнительно с проливом Скагеррак по версии [57; 73]

Источник: разработка авторов.

Водосборный бассейн Балтийского моря относится к 14 странам, 9 из которых имеют непосредственный выход к Балтийскому морю (Россия, Германия, Польша, Швеция, Дания, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония); Норвегия — только к Датским проливам, а Беларусь, Чехия, Словакия и Украина удалены от балтийского побережья. Наибольшая часть водосборного бассейна (93,2 %) относится к странам, расположенным непосредственно на Балтике. Доля каждой из стран в общей площади водосборного бассейна представлена на рисунке 3. Наибольшая часть принадлежит Швеции (26,6%), наименьшая — Словакии (0,1%), а из стран, имеющих выход на Балтику, — Германии (14,3%).

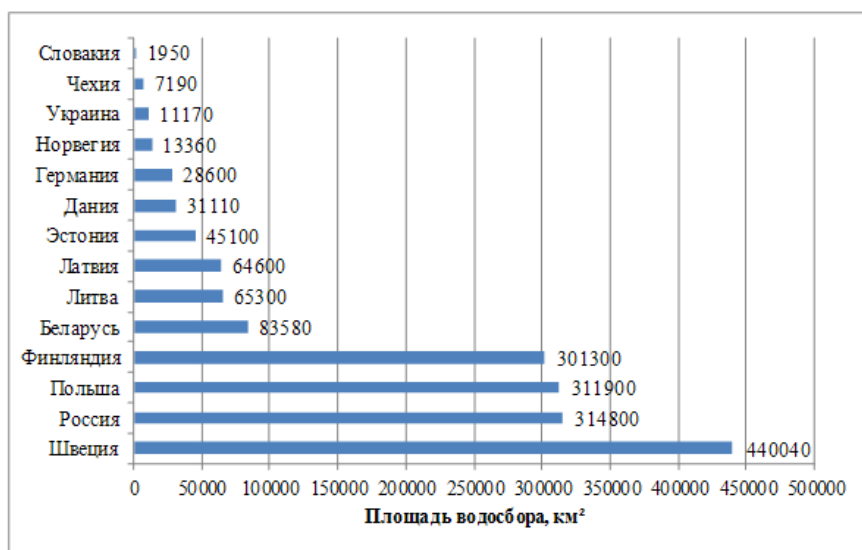

Рис. 3. Распределение общей площади водосборного бассейна Балтийского моря по странам

Источник: [45].

2.2. Определение 50- и 200-километровой зон «притяжения» Балтийского моря

Близость моря является одним из важных факторов размещения населения и развития территории. Чаще всего выделяются две зоны «притяжения моря»: 50-километровая (прибрежная) с наиболее сильным прямым морским влиянием и 200-километровая (приморская), где за пределами 50-километровой зоны начинает преобладать косвенное влияние [2; 3; 12; 17; 18; 20; 44; 51].

На рисунке 4 обозначены обе эти зоны, относящиеся к Балтийскому морю (водной границей которого принимается граница проливов Каттегат и Скагеррак по версии *Helcom, Baltic Sea Programme 2007—2013*, см. рис. 3).

Рис. 4. 50- и 200-километровая зоны удаления территории от побережья Балтийского моря

Источник: разработка авторов.

Можно заметить, что 50-километровая зона охватывает лишь часть каждой из прилегающих к Балтийскому морю стран. Но здесь расположены пять из девяти столиц соответствующих стран (Копенгаген, Стокгольм, Хельсинки, Таллин, Рига) и одна бывшая столица (Санкт-Петербург).

При этом 200-километровая зона включает Данию и страны Балтии (Литву, Латвию и Эстонию) полностью, Швецию и Финляндию почти полностью, но Россию, Германию и Польшу лишь частично. Понятно, что в первых шести странах влияние Балтийского моря сказывается особенно сильно, тогда как в трех остальных сильное влияние затрагивает лишь часть территории.

3. Критерии делимитации социально-экономического Балтийского региона

Мы согласны с Л. Хакансоном, который утверждает, что границы Балтийского региона могут быть в одних случаях шире, в других — уже [34]. Это зависит от предмета и целей исследования. Заслуживает

внимания позиция А. Мончака и Х. Самсоновича, которые считают, что при определении границы региона должны быть не четкими, а расплывчатыми [47]. Теоретически это действительно так, поскольку в основе выделения когерентных (связных) социально-экономических регионов, о которых идет речь, лежит изучение внутренних связей между их элементами (хозяйствующими субъектами, населенными пунктами и др.). «Сгустки» связей являются ядрами регионов, границы которых действительно не вполне определены. Но в практических целях всегда приходится обозначать границы региона в виде линии.

В состав Балтийского региона включаются территории, расположенные на морском побережье (или вблизи него). Они тесно связаны с морем хозяйственными отношениями, культурными контактами между странами, регулярными поездками жителей на отдых и др. Определяемые на их основе границы региона расплывчаты, и может существовать несколько трактовок его состава.

Сам Балтийский регион можно рассматривать как ядро более широкой социально-экономической общности, которую составляют страны Балтийского региона. На балтийское побережье имеют выход 9 стран — Россия, Германия, Польша, Швеция, Дания, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония. Они составляют ядро такой организации, как Совет государств Балтийского моря (СГБМ), в состав которой входят также Норвегия и Исландия, а ряд соседних стран имеют статус наблюдателя.

Соотношение между территориями водосборного бассейна Балтийского моря, а также 50- и 200-километровыми приморскими зонами, с одной стороны, и территориями Балтийского региона и стран Балтийского региона — с другой, отражает рисунок 5.

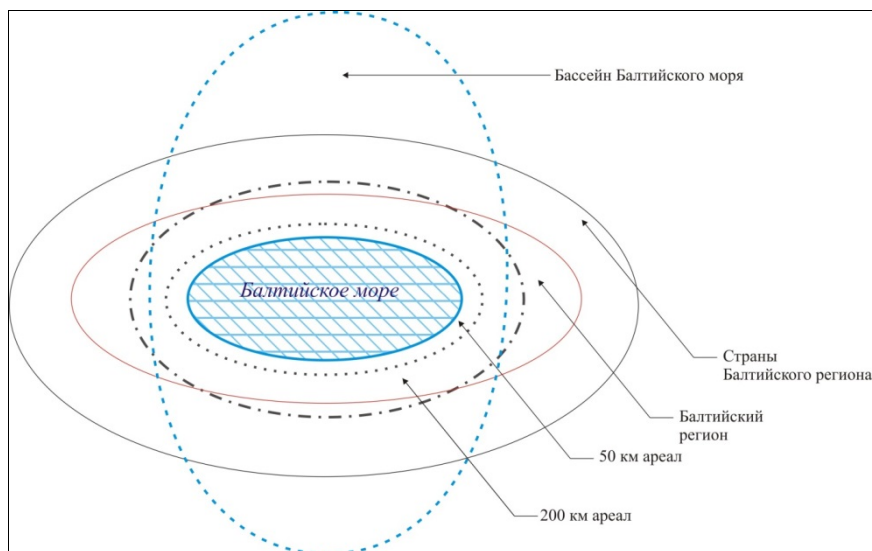

Рис. 5. Физико-географические подходы к делимитации границ Балтийского региона

Источник: разработка авторов.

Регионы обычно выделяются с позиций определенной области науки или экономики, причем критерии их выделения могут существенно различаться. В некоторых случаях могут использоваться критерии, заимствованные из разных подходов, и тогда речь идет о междисциплинарном подходе к делимитации регионов (рис. 6).

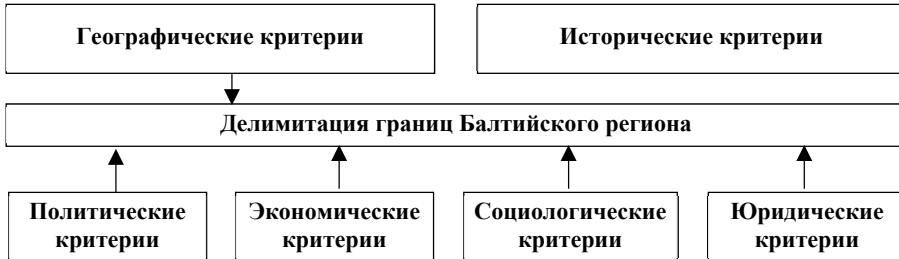

Рис. 6. Междисциплинарные критерии определения Балтийского региона

Источник: разработка авторов.

В числе специфических, относящихся к разным дисциплинам (в рамках общего междисциплинарного подхода) критериев выделения Балтийского региона, встречающихся по отдельности или в тех или иных сочетаниях в ряде работ [4—8; 10; 11; 13—15; 19; 22—25; 29—33; 40—43; 46—50; 52—54; 56; 58; 60—62; 64; 65; 67—72; 77—79; 82], можно назвать следующие:

- размещение на побережье Балтийского моря и вблизи него;
- характеристики общности природы региона;
- совместное решение экологических проблем;
- общность исторического прошлого;
- отношения между конкретной территорией и Балтийским морем;
- сфера действия международных организаций и программ;
- наличие элементов общего законодательства;
- тесные экономические связи;
- культурные связи, культурная идентичность;
- международные туристические дестинации;
- сотрудничество в обеспечении военной безопасности;
- взаимодействие в борьбе против терроризма;
- общий «балтийский» бренд.

4. Международное сотрудничество как фактор формирования Балтийского региона

Важную роль в формировании внутреннего единства региона играют двусторонние договоры между странами, Союз балтийских городов, отраслевые организации сотрудничества: Организация балтийских портов, Балтийская кооперация по туризму, хельсинкская комиссия экологической направленности ХЕЛКОМ, Балтийская ассоциация торговых

палат и др. Связи между соседними странами развивают еврорегионы — ассоциации муниципальных образований и административно-территориальных единиц.

Термин «Балтика» широко используется в названиях многих организаций. Исследования, проведенные бельгийским институтом *Union of International Associations* (Союз международных ассоциаций) в 2016 году, выявили 218 таких организаций (табл. 2). Из них 95 можно классифицировать как *балтийские*, относящиеся к региону Балтийского моря.

Таблица 2

Организации, имеющие в названии термин «балтийский» (*Baltic*) в базе данных UIA (Союза международных ассоциаций) в 2016 году

Статус	Критерий	Число	Всего
Не классифицированные организации	Организации, прекратившие или приостановившие свою деятельность	59	123
	Национальные организации	40	
	Организации, не классифицированные по иным причинам	24	
Классифицированные организации	Организации, объединяющие участников из всех стран, территории которых омываются Балтийским морем	6	95
	Организации, объединяющие участников из отдельных стран, территории которых омываются Балтийским морем	51	
	Организации, объединяющие участников только из трех республик Прибалтики	15	
	Другие организации	23	
<i>Итого</i>		218	218

Источник: разработка авторов на основе данных [75] и материалов веб-сайтов организаций.

Наибольшее значение в идентификации Балтийского региона имеют программы VASAB (*Visions and Strategies around the Baltic Sea* — Модели и стратегии вокруг Балтийского моря) и программа *Intereg* («Трансевропейское сотрудничество для сбалансированного развития в регионе Балтийского моря»).

VASAB объединяет 11 стран, сотрудничающих в сфере пространственного планирования и развития (рис. 7). Она имеет свой орган управления — Комитет по пространственному планированию и развитию региона Балтийского моря (CSPD / BSR). В его состав входят пред-

ставители соответствующих министерств сотрудничающих стран и региональных властей государств, территория которых не полностью подпадает под действия VASAB (Германия, Россия).

Рис. 7. Территория действия программ VASAB и *Interreg*

Источники: [38; 81].

Interreg — это программа Европейского союза; в реализации ряда ее проектов принимают участие (с собственным софинансированием) и некоторые страны, не входящие в ЕС: Россия, Беларусь, Норвегия. Территориально она охватывает несколько бóльшую территорию, чем программа VASAB, за счет включения в нее всего Северо-Западного федерального округа РФ, в том числе (дополнительно к территории действия программы VASAB) Республику Коми, Вологодскую и Архангельскую области, Ненецкий автономный округ.

5. Узкое, расширенное и широкое понимание состава Балтийского региона

Итак, поскольку с удалением территории от моря степень его влияния на социально-экономическое развитие регионов уменьшается, можно выделить несколько различающихся размерами сфер его влияния на экономику и расселение населения. Мы выделяем три таких сферы (рис. 8, табл. 3).

Рис. 8. Тройная делимитация границ Балтийского региона

Источник: разработка авторов.

Первую сферу составляют территории, находящиеся непосредственно на морском побережье и вблизи него; для них характерно развитие морских видов деятельности, использование морского транспорта для нужд экономики, а морского побережья — для отдыха населения. Эта сфера объединена достаточно тесными социально-экономическими, политическими, демографическими связями, так что можно говорить о сформировавшейся территориальной системе — Балтийском регионе в узком смысле. При этом существует, по меньшей мере, два варианта установления его восточных границ. В одном из них в регион входят из субъектов РФ только Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области (в табл. 3 — под литерой *А*), в другом — также тесно связанные с Санкт-Петербургом Новгородская и Псковская области (под литерой *Б*, в табл. 3).

Таблица 3

**Узкое, расширенное и широкое понимание
состава Балтийского региона и зона его косвенного влияния**

Понимание региона	Состав
Узкое А	Швеция, Дания, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония; земли Германии: Мекленбург-Форпоммерн, Шлезвиг-Гольштейн; воеводства Польши: Западно-Поморское, Варминьско-Мазурское, Поморское; субъекты РФ: Санкт-Петербург, Ленинградская и Калининградская области
Узкое Б	То же, а также: Новгородская и Псковская области РФ
Расширенное А (VASAB)	Польша, Беларусь, Швеция, Дания, Норвегия, Финляндия, Литва, Латвия, Эстония; земли Германии: Мекленбург-Форпоммерн, Шлезвиг-Гольштейн, Берлин, Бранденбург, Бремен, Гамбург, Люнебург; субъекты РФ: Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Мурманская области, Республика Карелия
Расширенное Б (<i>Interreg</i>)	То же, а также: Республика Коми, Вологодская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ
Широкое	Дополнительно Исландия, некоторые территории России, Германии, Чехии, Словакии, Украины

Источник: разработка авторов.

Вторая сфера влияния Балтики включает территории, в которых осуществляется пространственное планирование в рамках программ VASAB и *Interreg*. Эту территорию можно считать расширенным Балтийским регионом. Он полностью включает понимаемый узко Балтийский регион, являющийся своего рода ядром расширенного, и имеет несколько меньшие размеры, если руководствоваться программой VASAB, и большие — согласно программе *Interreg*. Эти два варианта мы также обозначили литерами соответственно А и Б.

Третья сфера не имеет четких границ, испытывая лишь косвенное влияние Балтийского моря. Ее границы могут быть близки к границам балтийского водосборного бассейна, а могут и выходить за его пределы, если включать сюда входящую в Совет государств Балтийского моря Исландию. Это Балтийский регион в его широком понимании.

Кроме того, как указано выше, может идти речь о таком составе Балтийского региона, который содержит страны, входящие в Совет государств Балтийского моря.

Заключение

Дать однозначное определение региона Балтийского моря затруднительно, поскольку его население отличается разнообразием языков, религий, культуры и истории, он сильно диверсифицирован с точки зрения окружающей среды и экономики. Объединяет страны региона международное и межрегиональное сотрудничество, основой которого являются экономические и культурные связи, совместные мероприятия

по защите морской среды, гармонизации пространства и обеспечению устойчивого развития. Регион Балтийского моря — экспериментальная площадка транснационального и трансграничного сотрудничества на разных уровнях, что позволяет разрабатывать новые концепции и стратегии, создает множество возможностей для развития. Поскольку такой взгляд отличается от других широтой, предложение о разграничении РБМ на основе концепции трех сфер представляется обоснованной. Однако в каждом случае из-за неоднозначности определения его границ при использовании понятия «Балтийский регион» следует указывать, о чем идет речь, какая конкретно территория имеется в виду.

Исследование выполнено в 2017 году по гранту Русского географического общества «47. Российская Балтика: состояние, проблемы, перспективы».

Список литературы

1. *Атлас океанов: Атлантический и Индийский океаны*. М., 1977.
2. *Безруков Л.А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск, 2008.
3. *Дружинин А.Г., Лачининский С.С., Краснов А.И., Сорокин И.С.* Поляризация системы расселения в приморской зоне Ленинградской области в 1989—2015 годах // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Естественные науки. №3 (191). 2016. С. 58—65.
4. *Гуменюк И.С., Мельник Д.А.* Транснациональная территориальная транспортная система Балтийского региона // Балтийский регион. 2012. №1. С. 90—97.
5. *Балтийский регион как полюс экономической интеграции Северо-Запада Российской Федерации и Европейского союза* / под ред. А.П. Гутника, А.П. Клемешева. Калининград, 2006.
6. *Северо-Запад России в регионе Балтийского моря: проблемы и перспективы экономического взаимодействия и сотрудничества* / ред. Я. Зауха, Г.М. Федоров, Л.Э. Лимонов, Н.Ю. Одинг. Калининград, 2008.
7. *Клемешев А.П.* Актуальные направления комплексных исследований в регионе Балтийского моря (по материалам публикаций в журнале «Балтийский регион») // Балтийский регион. 2016. №3. С. 7—14.
8. *Корнеев В.С.* Понятия «страны Балтийского региона» и «Балтийский регион» // Космополис. 2008. №2 (21). С. 68—77.
9. *Короткова С.В.* О геоэкологических особенностях бассейна Балтийского моря. URL: Naukarus // <http://naukarus.com/o-geoekologicheskikh-osobennostyah-basseyna-baltiyskogo-morya> (дата обращения: 15.06.2017).
10. *Кузнецова Т.Ю.* Тенденции и факторы демографического развития в Балтийском регионе // Региональные исследования. 2013. №3. С. 50—57.
11. *Ланко Д.А.* Балтийский регион в международной политике: к вопросу о моделировании процесса регионализации // Studia Humanitatis Borealis. 2014. №1 (2). С. 30—41.
12. *Лачининский С.С., Лачининский А.С., Семенова И.В.* Геоэкономический фактор в формировании пространственной структуры Санкт-Петербургского приморского региона // Известия РГО. 2016. Т. 148, вып. 2. С. 52—65.
13. *Межсевич Н.М.* Балтийский регион: конструктивистская специфика и политические итоги. 2003 // Мегарегион — Сетевая конфедерация. URL: http://megaregion.narod.ru/articles_text_6.htm (дата обращения: 12.02.2016).
14. *Межсевич Н.М., Кретинин Г.В., Федоров Г.М.* К вопросу о структуризации Балтийского региона // Балтийский регион. 2016. №3. С. 15—29.

15. Михайлов А. С. География международных кластеров в балтийском регионе // Балтийский регион. 2014. № 1. С. 149—163.
16. Национальный атлас России. М., 2004. Т. 2.
17. Покишишевский В. В. География расселения на берегах мирового океана. Л., 1979.
18. Покишишевский В. В., Федоров Г. М. Основы географии населения и расселения в пределах Мирового океана // География океана: теория, практика, проблемы. Л., 1988. С. 148—161.
19. Сергунин А. А. Россия и Европейский союз в Балтийском регионе: тернистый путь к партнерству // Балтийский регион. 2013. № 4. С. 53—66.
20. Слевич С. Б. Океан, ресурсы и хозяйство. Л., 1988.
21. ФГБУ «Северо-Западное управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды». URL: <http://www.meteo.nw.ru/articles/index.php?id=532> (дата обращения: 17.07.2017).
22. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С. Российский эксклав на Балтике. Калининград, 1997.
23. Федоров Г. М., Зверев Ю. М., Корнеевец В. С. Россия на Балтике: 1990—2012 годы. Калининград, 2013.
24. Федоров Г. М., Корнеевец В. С. Балтийский регион. Калининград, 1999.
25. Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю. Влияние моря на развитие экономики и расселение стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. № 2. С. 7—27.
26. Dolina dolnej Wisły. Gdańsk, 1981.
27. Efficien sea // Baltic Sea Programme 2007—2013. URL: <http://www.efficiensea.org/default.asp?Action=Details&Item=485> (дата обращения: 17.07.2017).
28. ESPON (European Observation Network, Territorial Development and Cohesion). 2013. ESaTDOR European Seas and Territorial Development, Opportunities and Risks, report 25 April. Accessed 17 September 2016. URL: http://www.espon.eu/export/sites/default/Documents/Projects/AppliedResearch/ESaTDOR/FR_160413/ESaTDOR_Main_Report.pdf (дата обращения: 18.07.2017).
29. Fedorov G. M., Korneevets V. S., Tarasov I. N., Chasovskiy V. I. Russia among the Countries of the Baltic Region // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. № 6 (4). P. 1502—1506.
30. Flotow L., Mentzel T. The Baltic Sea Region: Business and Industry, Politics, Developments and Trends. Hagbarth Publications, 1998.
31. Górka-Winter B. Miejsce państw bałtyckich w europejskiej architekturze bezpieczeństwa — perspektywy // Biuletyn — Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. 2002. № 46. P. 479—482.
32. Gimbutas M. Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe. P. ; L., 1965.
33. Grzelakowski A. Region Morza Bałtyckiego — strategie rozwoju // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, № 589. Ekonomiczne Problemy Usług. 2010. № 49. P. 16—36.
34. Hakanson L. Charakterystyka fizycznogeograficzna zlewiska Morza Bałtyckiego. Środowisko Morza Bałtyckiego. Uppsala, 1991.
35. HELCOM. Airborne Pollutions Loads to The Baltic Sea, 1991—1995 // Baltic Sea Environment Proceedings. 1997. № 69. P. 8.
36. HELCOM. Climate Change in the Baltic Sea Area. HELCOM Thematic Assessment in 2007 // Baltic Sea Environment Proceedings. 2007. № 111. P. 10.
37. Helcom Einteilung der Ostseegebiete // Umwelt Bundesamt. URL: <http://www.umweltbundesamt.de/daten/gewaesserbelastung/ostsee/flusseintraege-direkteintraege-in-die-ostsee#textpart-1> (дата обращения: 17.07.2017).
38. Interreg. URL: <https://www.interreg-baltic.eu/about-the-programme/area.html> (дата обращения: 17.07.2017).

39. *Kasekamp A.* A history of the Baltic States. N. Y., 2010.
40. *Kenig-Witkowska M.* Międzynarodowe Prawo Środowiska wybrane zagadnienia systemowe. Warszawa, 2011.
41. *Kisiel-Lowczyk A. B.* Bałtycka integracja ekonomiczna: stan i perspektywy do 2010 r. Warszawa, 2000.
42. *Kivikari U., Antola E.* Baltic Sea Region — A Dynamic Third of Europe. 2nd edition. Turku, 2004.
43. *Kizielewicz J.* Współpraca międzynarodowa w Basenie Morza Bałtyckiego na rzecz rozwoju turystyki morskiej // Zeszyty Naukowe Akademii Morskiej w Gdyni. 2012. № 77. S. 27—40.
44. *Kurt S.* Analysis of Temporal Change Taking Place at the Coastline and Coastal Area of the South Coast of the Marmara Sea // Gaziantep University Journal of Social Sciences. 2016. Vol. 15, iss. 3. P. 899—924.
45. *Laane A., Kraav E., Titova G.* Global International Water Assessment. Baltic Sea. GIVA Regional Assessment. Nairobi, 2005.
46. *Lach Z.* Geopolityczne aspekty kształtowania przestrzeni bezpieczeństwa państwa // Przegląd geopolityczny. 2012. Vol. 5. S. 9—40.
47. *Mączak A., Samsonowicz H.* Z zagadnień genezy rynku europejskiego: strefa bałtycka // Przegląd historyczny. 1962. № 52/2. S. 198—222.
48. *Makarychev A., Sergunin A.* Russia's role in regional cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR) // Journal of Baltic Studies. 2017. Special Issue. P. 1—15.
49. *Moilannen T., Rainisto S.* How to Brand Nations, Cities and Destinations: A Planning Book for Place Destination. N. Y., 2008.
50. *Olejniczak K.* Mechanizmy wykorzystania ewaluacji Studium ewaluacji średniookresowych Interreg III. Warszawa, 2008.
51. *Pak A., Majd F.* Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study // Ocean and Coastal Management. 2011. № 54. P. 129—136.
52. *Paliępa J.* The origin of the Baltic and Vedic Languages Baltic Mythology Interdisciplinary Treatise. Bloomington, 2011.
53. *Palmowski T.* Delimitacja regionu Europy Bałtyckiej // Wymiar i współczesne interpretacje regionu. Poznań, 2003. S. 253—261.
54. *Palmowski T.* Region bałtycki — próba delimitacji // Przekształcenia regionalnych struktur funkcjonalno-przestrzennych / ed. by J. Łoboda, S. Grykień. Wrocław, 1999. S. 141—155.
55. *Palmowski T.* Strategia UE dla regionu Morza Bałtyckiego jako kolejny krok ku integracji bałtyckiej // Przekształcenia struktur regionalnych: aspekty społeczne, ekonomiczne i przyrodnicze / ed. by S. Ciok, P. Migoń. Wrocław, 2010. S. 361—372.
56. *Piskozub A.* Euroregiony w Europie Bałtyckiej // Granice, współpraca i turystyka w Europie Bałtyckiej / ed. by T. Studzieniecki. Lubieszynek ; Gdynia, 2009. S. 13—33.
57. *Potts T., O'Higgins T., Hasings E.* Oceans of opportunity or rough seas? What does the future hold for developments in European marine policy? Published 5 November 2012. URL: <http://rsta.royalsocietypublishing.org/content/370/1980/5682> (дата обращения: 17.07.2017).
58. *Pyć D.* Suprregion Morza Bałtyckiego // Regiony / ed. by Z. Brodecki. Warszawa, 2005. P. 338—350.
59. *Richling A., Ostaszewska K.* Geografia turystyczna Polski. Warszawa, 2005.
60. *Riedel J.* Supranacjonalizacja bezpieczeństwa energetycznego w Europie. Pojęcia teoretyczne. Warszawa, 2010.
61. *Runiewicz-Jasińska R.* Miękkie bezpieczeństwo w Regionie Morza Bałtyckiego // Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy. 2014. № 13—14. S. 278—298.

62. *Samsonowicz H.* Późne średniowiecze miast nadbaltyckich: studia nad dziejami Hanzы nad Bałtykiem w XIV—XV w. Warszawa, 1968.
63. *Schernewski G., Neumann T.* The trophic state of the Baltic Sea a century ago: a model simulation study // *Journal of Marine Systems*. 2005. №53. P. 109—124.
64. *Szulc M.* Wielopoziomowe Zarządzanie a region Morza Bałtyckiego // *Multi-level governance w Unii Europejskiej* / ed. by J. Ruskowski, L. Wojnicz. Szczecin ; Warszawa, 2013. S. 281—292.
65. *Śmigierska-Belczak I.* Współpraca w regionie morza bałtyckiego — Rada Państw Morza Bałtyckiego // *Kwartalnik Kolegium Ekonomiczno-Społecznego Studia i Prace / Szkoła Główna Handlowa*. 2012. №1. S. 175—198.
66. *Stigebrandt A.* Physical oceanography of the Baltic Sea // *A Systems Analysis of the Baltic Sea* / ed. by F. Wulff, L. Rahm L., P. Larsson. Berlin ; Heidelberg, 2001.
67. *Studzeniecki T.* Bałtycka Współpraca turystyczna // *Czas Morza*. 1995. №65.
68. *Studzeniecki T.* Ewolucja współpracy w Europie Bałtyckiej // *Granice, współpraca i turystyka w Europie Bałtyckiej* / ed. by T. Studzeniecki. Gdynia ; Lubieszyn, 2009. S. 60—73.
69. *Studzeniecki T., Kurjata E.* Destination Branding in the Baltic Europe // *Acta Scientiarum Polonorum. Seria: Oeconomia*. 2010. Year 9, №4. P. 519—529.
70. *Szymańska A.* Fundusze unijne i europejskie... czyli jak nie oszaleć w drodze po środki pomocowe Unii Europejskiej. Gliwice, 2015.
71. *Teichmann E., Wenesa M.* Rozszerzona Unia Europejska i jej wschodni sąsiedzi. Warszawa, 2005.
72. *Teska J.* Współpraca gospodarcza determinantem budowy zaufania i bezpieczeństwa w Regionie Morza Bałtyckiego // *Zeszyty Naukowe Akademii Marynarki Wojennej*. 2014. Year 52, №1 (184). S. 139—152.
73. *The Baltic Sea catchment basin* // *Baltex*. URL: <http://www.baltex-research.eu/background/catchment.html> (data обращения: 16.07.2017).
74. *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies* / ed. by W. Maciejewski). Uppsala, 2002.
75. *UIA (Union of International Organisations)*. URL: <http://www.uia.org/ybio?name=baltic> (data обращения: 18.07.2017).
76. *UN Atlas of Oceans*. Accessed 28 August 2016. URL: <http://www.oceans-atlas.org> (data обращения: 18.07.2017).
77. *Waever O.* Culture and Identity in the Baltic // *Cooperation in the Baltic Sea* / ed. by P. Joenniemi. Washington, 1993. P. 23—50.
78. *Waldziński D.* Znaczenie relacji między naturą i kulturą w rozwoju Europy Bałtyckiej // *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego*. 2010. №589.
79. *Wielowiejski J.* Główny szlak bursztynowy w czasach Cesarstwa Rzymskiego. Warszawa, 1980.
80. *Wiadomości Służby Meteorologicznej*. 1973. №93.
81. *VASAB*. URL: <http://www.vasab.org/index.php/about-vasab> (data обращения: 18.07.2017).
82. *Zaleski J., Wojewódka C.* Europa Bałtycka. Zarys monografii gospodarczej. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1977.

Об авторах

Андрей Павлович Клемешев, доктор политических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: aklemeshev@kantiana.ru

Валентин Сергеевич Корнеев, доктор географических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: vkorneevets@kantiana.ru

Тадеуш Пальмовский, доктор географических наук, профессор, Гданьский университет, Польша.
E-mail: geotpl@ug.edu.pl

Томаш Студжиницки, доктор экономических наук, Морская академия Гдыни, Польша.
E-mail: t.studzieniecki@wpit.am.gdynia.pl

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: gfedorov@kantiana.ru

Для цитирования:

Клемешев А.П., Корнеев В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г.М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 7—28. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.

APPROACHES TO THE DEFINITION OF THE BALTIC SEA REGION

A. P. Klemeshev¹
V. S. Korneevets¹
T. Palmowski²
T. Studzieniecki³
G. M. Fedorov¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University.
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia

² Gdańsk University

4 Bażyńskiego st., Gdańsk, 80—952, Poland

³ Gdynia Maritime University
81—87 Morska st., Gdynia, 81—225, Poland

Submitted on July 10, 2017

The Baltic Sea region is one of the most developed and well-formed regions of international cooperation. It is a place for promoting collaboration between businesses, non-profits, public authorities, and municipalities of the countries located on the Baltic Sea coast and its adjacent territories. The Baltic Sea region has both unresolved problems and potential for development. This necessitates the identification of the Baltic Sea region territory having a capacity for the efficient development of mutually beneficial intergovernmental and international ties. A thorough overview

of research literature, the implementation of international programmes and initiatives of international and intergovernmental organisations, and the application of the method of cartographic analysis have contributed to defining the territory of the Baltic region. The analysis shows three spaces that differ in the effect of the Baltic Sea on their territorial development. This approach proposes three definitions of the Baltic Sea region — a narrow, an extended, and a broad one, each serving a different purpose and being characterised by a different density of internal connections. According to the narrow definition, the region comprises the whole territories of Sweden, Denmark, Finland, Lithuania, Latvia, and Estonia and the coastal parts of Russia, Germany, and Poland. The extended definition adds the remaining part of Poland, most Russian and German regions, and Belarus and Norway. The broad definition of the Baltic region incorporates Iceland, some territories of Russia, Germany, the Czech Republic, Slovakia, and Ukraine.

Key words: Baltic Sea region, Baltic sea, catchment area, coastal zones, zones of attraction, international cooperation

References

1. *Atlas okeanov: Atlanticheskii i Indiiskii okeany* [Atlas of the Oceans: The Atlantic and Indian Oceans], 1977, Moscow, 333 p. (In Russ.)
2. Bezrukov, L. A. 2008, *Kontinental'no-okeanicheskaya dikhomiya v mezhdunarodnom i regional'nom razvitii* [Continental-oceanic dichotomy in international and regional development], Novosibirsk, 369 p. (In Russ.)
3. Druzhinin A. G., Lachininsky S. S., Krasnov A. I., Sorokin I. S., 2016, Polarization of the settlement system in the coastal zone of the Leningrad Region in 1989—2015, *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Seriya: estestvennye nauki* [News of higher educational institutions. North-Caucasian region. Series: natural sciences], no. 3 (191), p. 58—65. (In Russ.)
4. Gumenyuk, I. S., Melnik D. A. 2012, The transnational territorial transport system of the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 4, no. 1, p. 66—71, doi: 10.5922/2079-8555-2012-1-8.
5. Gutnik, A. P., Klemeshev, A. P. (eds.) 2006, *Baltiiskii region kak polyus ekonomicheskoi integratsii Severo-Zapada Rossiiskoi Federatsii i Evropeiskogo soyuza* [The Baltic region as a pole of economic integration of the Northwest of the Russian Federation and the European Union], Kaliningrad, 392 p. (In Russ.)
6. Zauha, Ya., Fedorov, G. M., Limonov L. E., Oding, N. Yu. (eds.) 2008, *Severo-Zapad Rossii v regione Baltiiskogo morya: problemy i perspektivy ekonomicheskogo vzaimodeistviya i sotrudnichestva* [North-West Russia in the Baltic Sea Region: Problems and Prospects for Economic Cooperation and Cooperation], Kaliningrad, 259 p. (In Russ.)
7. Klemeshev, A. P. 2016, Baltic Sea Region Studies: Current Trends (Based on Publications in the Baltic Region Journal), *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 3, p. 4—10.
8. Korneevets, V. S. 2008, The concepts of "The Baltic Sea Region and the Baltic Region", *Cosmopolis*, no. 2 (21), p. 68—77. (In Russ.)
9. Korotkova, S. V. 2008, On the geoecological features of the Baltic Sea basin, *Problemy regional'noi ekologii* [Problems of regional ecology], available at: <http://naukarus.com/o-geoekologicheskikh-osobennostyah-basseyna-baltiyskogo-morya> (accessed 15.06.2017). (In Russ.)
10. Kuznetsova, T. Yu. 2013, Tendencies and factors of demographic development in the Baltic region, *Regional'nye issledovaniya* [Regional research], no. 3, p. 50—57. (In Russ.)

11. Lanko, D. A. 2014, The Baltic region in international politics: to the question of modeling the process of regionalization, *Studia Humanitatis Borealis*, no. 1 (2), p. 30—41. (In Russ.)
12. Lachininskii, S. S., Lachininskii, A. S., Semenova, I. V. 2016, The geoeconomic factor in formation of spatial structure of the St. Petersburg coastal area, *Regional Research of Russia*, Vol. 6, no. 4, p. 323—331.
13. Mezhevich, N. M. 2003, The Baltic region: constructivist specifics and political results. 2003, Megaregion — Network Confederation, available at: http://net-conf.org/articles_text_6.htm (accessed 12.02.2016). (in Russ.)
14. Mezhevich N. M., Kretinin G. V., Fedorov G. M. 2016, Economic and Geographical Structure of the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 8, no. 3, p. 11—21. doi: 10.5922/2079-8555-2016-3-1.
15. Mikhailov, A. S. 2014, Geography of international clusters in the Baltic region, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 1, p. 113—123. doi: 10.5922/2079-8555-2014-1-10.
16. *Natsional'nyi atlas Rossii* [Natsional'nyi atlas Rossii], 2004, T. 2, Moscow, 495 p. (in Russ.)
17. Pokshishevskii, V. V. 1979, *Geografiya rasseleniya na beregakh mirovogo okeana* [Geography of settlement on the shores of the world ocean], Leningrad, 342 p. (in Russ.)
18. Pokshishevskii, V. V., Fedorov, G. M. 1988, The fundamentals of population geography and settlement within the World Ocean. In: *Geografiya okeana: teoriya, praktika, problemy* [Geography of the ocean: theory, practice, problems], Leningrad, p. 148—161. (in Russ.)
19. Sergunin, A. A. 2013, Russia and the European Union in the Baltic region: a treacherous path to partnership, *Balt. Reg.*, no. 4, p. 38—47. doi: 10.5922/2079-8555-2013-4-4.
20. Slevich, S. B. 1988, *Okean, resursy i khozyaistvo* [Ocean, resources and economy], Leningrad, 189 p. (in Russ.)
21. North-West Department for Hydrometeorology and Environmental Monitoring, available at: <http://www.meteo.nw.ru/articles/index.php?id=532> (accessed 17.07.2017) (in Russ.)
22. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 1997, *Rossiiskii eksklav na Baltike* [Russian exclave in the Baltic Sea], Kaliningrad, 312 p. (in Russ.)
23. Fedorov, G. M., Zverev, Yu. M., Korneevets, V. S. 2013, *Rossiya na Baltike: 1990—2012 gody* [Russia in the Baltic: 1990—2012], Kaliningrad, 252 p. (in Russ.)
24. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S. 1999, *Baltiiskii region* [Baltic Region], Kaliningrad, 207 p. (in Russ.)
25. Fedorov, G. M., Mikhailov, A. S., Kuznetsova, T. Yu. 2017, The influence of the sea on the economic development and settlement structure in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 4—18. doi: 10.5922/2079-8555-2017-2-1.
26. *Dolina dolnej Wisły*, 1981. Gdańsk, Gdańskie Towarzystwo Naukowe, Wydział V — Nauk o Ziemi, 125 p.
27. Efficient sea, Baltic Sea Programme 2007—2013, available at: <http://www.efficiensea.org/default.asp?Action=Details&Item=485> (accessed 17.07.2017).
28. ESPON (European Observation Network, Territorial Development and Cohesion), 2013, ESaTDOR European Seas and Territorial Development, Opportunities and Risks, report 25 April, available at: http://www.espon.eu/export/sites/default/Documents/Projects/AppliedResearch/ESaTDOR/FR_160413/ESaTDOR_Main_Report.pdf (accessed 17.09.2016).
29. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S., Tarasov, I. N., Chasovskiy, V. I. 2016, Russia among the Countries of the Baltic Region, *International Journal of Economics and Financial Issues*, no. 6 (4), p. 1502—1506.

30. Flotow, L., Mentzel, T. 1998, *The Baltic Sea Region: Business and Industry, Politics, Developments and Trends*, Hagbarth Publications.
31. Górka-Winter, B. 2002, Miejsce państw bałtyckich w europejskiej architekturze bezpieczeństwa — perspektywy, *Biuletyn — Polski Instytut Spraw Międzynarodowych*, no. 46, p. 479—482.
32. Gimbutas, M. 1965, *Bronze Age Cultures in Central and Eastern Europe*, Paris, The Hague, London.
33. Grzelakowski, A. 2010, Region Morza Bałtyckiego — strategie rozwoju, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego*, no. 589; *Ekonomiczne Problemy Usług*, no. 49, p. 16—36.
34. Hakanson, L. 1991, *Charakterystyka fizycznogeograficzna zlewiska Morza Bałtyckiego. Środowisko Morza Bałtyckiego*, Uppsala, Uniwersytet w Uppsali.
35. HELCOM, 1997. Airborne Pollutions Loads to The Baltic Sea, 1991—1995, *Baltic Sea Environment Proceedings*, no. 69, p. 8.
36. HELCOM. 2007. Climate Change in the Baltic Sea Area. HELCOM Thematic Assessment in 2007, *Baltic Sea Environment Proceedings*, no. 111, p. 10.
37. Flusseinträge und direkte Einträge in die Ostsee, 2016, *Umwelt Bundesamt*, available at: <http://www.umweltbundesamt.de/daten/gewaesserbelastung/ostsee/flusseintraege-direkte-eintraege-in-die-ostsee#textpart-1> (accessed 17.07.2017).
38. Interreg, available at: <https://www.interreg-baltic.eu/about-the-programme/area.html> (accessed 17.07.2017).
39. Kasekamp, A. 2010, *A history of the Baltic States*, New York, Palgrave McMillan.
40. Kenig-Witkowska, M. 2011, *Międzynarodowe Prawo Środowiska wybrane zagadnienia systemowe*, Warszawa, 312 p.
41. Kisiel-Łowczyc, A. B. 2000, *Bałtycka integracja ekonomiczna: stan i perspektywy do 2010 r.*, Warszawa.
42. Kivikari, U., Antola, E. 2004, *Baltic Sea Region — A Dynamic Third of Europe*, 2nd edition, Turku, 35 p.
43. Kizielewicz, J. 2012, Współpraca międzynarodowa w Basenie Morza Bałtyckiego na rzecz rozwoju turystyki morskiej, *Zeszyty Naukowe Akademii Morskiej w Gdyni*, no. 77, p. 27—40.
44. Kurt, S. 2016, Analysis of Temporal Change Taking Place at the Coastline and Coastal Area of the South Coast of the Marmara Sea, *Gaziantep University Journal of Social Sciences*, Vol. 15, no. 3, p. 899—924.
45. Laane, A., Kraav, E., Titova, G. 2005, *Global International Water Assessment. Baltic Sea*, GIVA Regional Assessment, Nairobi, United Nations Environment Programme.
46. Lach, Z. 2012, Geopolityczne aspekty kształtowania przestrzeni bezpieczeństwa państwa, *Przegląd geopolityczny*, Vol. 5, p. 9—40.
47. Mączak, A., Samsonowicz, H. 1962, Z zagadnień genezy rynku europejskiego: strefa bałtycka, *Przegląd historyczny*, no. 52/2, p. 198—222.
48. Makarychev, A., Sergunin, A. 2017, Russia's role in regional cooperation and the EU Strategy for the Baltic Sea Region (EUSBSR), *Journal of Baltic Studies*, Special Issue, p. 1—15.
49. Moilannen, T., Rainisto, S. 2008, *How to Brand Nations, Cities and Destinations: A Planning Book for Place Destination*, New York, Palgrave Mcmillan, 202 p.
50. Olejniczak, K. 2008, *Mechanizmy wykorzystania ewaluacji Studium ewaluacji średniookresowych INTERREG III*, Warszawa, Wydawnictwo Naukowe Scholar.
51. Pak, A., Majd, F. 2011, Integrated coastal management plan in free trade zones, a case study, *Ocean and Coastal Management*, no. 54, p. 129—136.

52. Paliepa, J. 2011, *The origin of the Baltic and Vedic Languages Baltic Mythology Interdisciplinary Treatise*, Bloomington, Author House.
53. Palmowski, T. 2003, Delimitacja regionu Europy Bałtyckiej, *Wymiar i współczesne interpretacje regionu*, Poznań, Bogucki Wydawnictwo Naukowe, p. 253—261.
54. Palmowski, T. 1999, Region bałtycki — próba delimitacji. In: Łoboda, J., Grykień, S. (eds.) *Przekształcenia regionalnych struktur funkcjonalno-przestrzennych*, Wrocław, Instytut Geograficzny, Uniwersytet Wrocławski, p. 141—155.
55. Palmowski, T. 2010, Strategia UE dla regionu Morza Bałtyckiego jako kolejny krok ku integracji bałtyckiej. In: Ciok, S., Migoń, P. (eds.) *Przekształcenia struktur regionalnych: aspekty społeczne, ekonomiczne i przyrodnicze*, Wrocław, Instytut Geografii i Rozwoju Regionalnego, p. 361—372.
56. Piskozub, A. 2009, Euroregiony w Europie Bałtyckiej. In: Studzieniecki, T. (ed.) *Granice, współpraca i turystyka w Europie Bałtyckiej*, Lubieszyn, Gdynia, p. 13—33.
57. Potts, T., O'Higgins, T., Hasings, E. 2012, Oceans of opportunity or rough seas? What does the future hold for developments in European marine policy? *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, Vol. 370, no. 1980, p. 5682—5700. doi: 10.1098/rsta.2012.0394.
58. Pyć, D. 2005, Supraregion Morza Bałtyckiego. In: Brodecki, Z. (ed.) *Regiony*, Warszawa, p. 338—350.
59. Richling, A., Ostaszewska, K. 2005, *Geografia turystyczna Polski*, Warszawa, 188 p.
60. Riedel, J. 2010, *Supranacjonalizacja bezpieczeństwa energetycznego w Europie. Podejścia teoretyczne*, Warszawa, Centrum Europejskie Natolin.
61. Runiewicz- Jasińska, R. 2014, Miękkie bezpieczeństwo w Regionie Morza Bałtyckiego, *Rocznik Stowarzyszenia Naukowców Polaków Litwy*, no. 13—14, p. 278—298.
62. Samsonowicz, H. 1968, *Późne średniowiecze miast nadbałtyckich: studia nad dziejami Hanzy nad Bałtykiem w XIV—XV w.*, Warszawa.
63. Schernewski, G., Neumann, T. 2005, The trophic state of the Baltic Sea a century ago: a model simulation study, *Journal of Marine Systems*, no. 53, p. 109—124.
64. Szulc, M. 2013, Wielopoziomowe Zarządzanie a region Morza Bałtyckiego. In: Ruszkowski, J., Wojnicz, L. (eds.) *Multi-level governance w Unii Europejskiej*, Szczecin-Warszawa, Instytut Politologii i Europeistyki Uniwersytetu Szczecińskiego Instytut Europeistyki Uniwersytetu Warszawskiego, p. 281—292.
65. Śmigierska-Belczak, I. 2012, Współpraca w regionie morza bałtyckiego — Rada Państw Morza Bałtyckiego, *Kwartalnik Kolegium Ekonomiczno-Społecznego Studia i Prace*, no. 1, p.175—198.
66. Stigebrandt, A. 2001, Physical oceanography of the Baltic Sea. In: Wulff, F. V., Rahm, L., Larsson, P. (eds.) *A Systems Analysis of the Baltic Sea*, Berlin-Heidelberg, Springer Verlag.
67. Studzieniecki, T. 1995, Bałtycka Współpraca turystyczna, *Czas Morza*, no. 65.
68. Studzieniecki, T. 2009, Ewolucja współpracy w Europie Bałtyckiej. In: Studzieniecki, T. (ed.) *Granice, współpraca i turystyka w Europie Bałtyckiej*, Gdynia, p. 60—73.
69. Studzieniecki, T., Kurjata, E. 2010, Destination Branding in the Baltic Europe, *Acta Scientiarum Polonorum. Seria: Oeconomia*, Vol. 9, no. 4, p. 519—529.
70. Szymańska, A. 2015, *Fundusze unijne i europejskie... czyli jak nie oszaleć w drodze po środki pomocowe Unii Europejskiej*, Gliwice.
71. Teichmann, E., Wenesa, M. 2005, *Rozszerzona Unia Europejska i jej wschodni sąsiedzi*, Warszawa.

72. Teska, J. 2014, Współpraca gospodarcza determinantem budowy zaufania i bezpieczeństwa w Regionie Morza Bałtyckiego, *Zeszyty Naukowe Akademii Marynarki Wojennej*, Vol. LII, no. 1 (184), p. 139—152.
73. The Baltic Sea catchment basin, Baltex, available at: <http://www.baltex-research.eu/background/catchment.html> (accessed 17.07.2017).
74. Maciejewski, W. (ed.) 2002, *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies*, Uppsala, 676 p.
75. UIA (Union of International Organisations), available at: <http://www.uia.org/ybio?name=baltic> (accessed 17.07.2017).
76. UN Atlas of Oceans, available at: <http://www.oceansatlas.org> (accessed 28.08.2016).
77. Waever, O. 1993, Culture and Identity in the Baltic. In: Joenniemi, P. (ed.) *Cooperation in the Baltic Sea*, Washington, p. 23—50.
78. Waldziński, D. 2010, Znaczenie relacji między naturą i kulturą w rozwoju Europy Bałtyckiej, *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego*, no. 589.
79. Wielowiejski, J. 1980, *Główny szlak bursztynowy w czasach Cesarstwa Rzymskiego*, Warszawa.
80. *Wiadomości Służby Meteorologicznej*, 1973. no. 93, 10 p.
81. VASAB, available at: <http://www.vasab.org/index.php/about-vasab> (accessed 17.07.2017).
82. Zaleski, J., Wojewódka, C. 1977, *Europa Bałtycka. Zarys monografii gospodarczej*, Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk.

The authors

Prof Andrei P. Klemeshev, Rector, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AKlemeshev@kantiana.ru

Prof Valentin S. Korneevets, Director of the Institute of Recreation, Tourism and Sports, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: IVKorneevets@kantiana.ru

Prof Tadeusz Palmowski, Head of Department of Regional Development Geography, University of Gdańsk, Poland.

E-mail: tadeusz.palmowski@ug.edu.pl

Prof Tomasz Studzieniecki, Senior Lecturer, Department of Hotel and Tourism Management, Gdynia Maritime University, Poland.

E-mail: toms@am.gdynia.pl

Prof Gennady M. Fedorov, Director of the Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

To cite this article:

Klemeshev A. P., Korneevets V. S., Palmowski T., Studzieniecki T., Fedorov G. M. 2017, Approaches to the Definition of the Baltic Sea Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 7—28. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-1.

**ТРАНСГРАНИЧНЫЕ
КЛАСТЕРЫ
В ПРИМОРСКИХ ЗОНАХ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ЧАСТИ
РОССИИ:
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ,
ТИПОЛОГИЗАЦИЯ,
ИДЕНТИФИКАЦИЯ
ФАКТОРОВ
И ПЕРСПЕКТИВ
РАЗВИТИЯ**

*А. Г. Дружинин*¹

*В. В. Горочная*¹

*Н. В. Гонтарь*¹

*И. А. Дец*²

*С. С. Лачининский*³

*А. С. Михайлов*⁴

¹ Южный федеральный университет, 344006, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105.

² Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 664033, Россия, Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

³ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

⁴ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 09.07.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-2

© Дружинин А. Г., Горочная В. В., Гонтарь Н. В., Дец И. А., Лачининский С. С., Михайлов А. С., 2017

Представлены результаты инвентаризации и типологизации экономических кластеров (уже сформировавшихся и находящихся в стадии становления), локализованных в приморской зоне Европейской части России. Установлено, что процессы трансграничной кластеризации приоритетным образом проявляют себя в приморских регионах на Балтике (из 56 идентифицированных исследованием кластерных образований 9 локализованы в Калининградской области и 8 — в Санкт-Петербурге и Ленинградской области). Охарактеризованы важнейшие имманентные приморским зонам катализаторы (повышенная в условиях приморских зон «плотность» экономики, близость к зарубежным рынкам, большие транспортно-коммуникационные возможности и др.) и ингибиторы (геополитические риски, институциональные барьеры и др.) кластерной самоорганизации. Показано, что потенциал и перспективы трансграничной кластеризации предопределяются не только интеграционно-деинтеграционной ритмикой в глобальном и региональном масштабе, но и спецификой геополитического и геоэкономического соседства тех или иных участков побережья, их инфраструктурной обустроенностью, хозяйственной и культурной аттрактивностью ведущих приморских урбанистических центров, культивируемой в них предпринимательской и инвестиционной средой.

Ключевые слова: экономический кластер, приморская зона, трансграничный кластер, трансакваториальный кластер, Европейская часть России, Балтийский регион

Введение

В России приморскими являются 23 региона и 166 муниципальных районов и городских округов; непосредственно на побережье локализованы 74 урбанистических центра, функционируют 49 значимых для страны морских портов, а также иные многочисленные объекты морехозяйственного комплекса, размещена инфраструкту-

ра пяти оперативно-стратегических объединений Военно-морского флота Российской Федерации. На протяженных морских рубежах страны (в первую очередь, в Арктической зоне, в Тихоокеанской России) сложились и устойчиво функционируют масштабные акваториально-территориальные хозяйственные комплексы [1]. В существенной мере «приближены» к морю (не только пространственно, но и экономически, селитебно) и крупные, своими «фасадами» выходящие на побережья структуры Европейской части страны: Северо-Западный федеральный округ («центрированный» на самой мощной в России приморской городской агломерации — Санкт-Петербургской — и включающий уникальный для нашей страны приморский регион-эксклав [2; 3]), Юг России (в этом макрорегионе в пределах 200-километровой доступности от побережья проживает 67% его населения). В данном региональном контексте решение любого рода социально-экономических вопросов, включая и конструирование «новой географии экономического роста», зафиксированной в «Стратегии национальной безопасности России» (2015) в качестве приоритета [4], немыслимо вне достижения эффективного баланса векторов «континентализации» и талассоаттрактивности [5]. А это, в свою очередь, инициирует последовательные усилия по дальнейшему формированию, обсуждению и реализации междисциплинарной повестки исследования морской проблематики [6], включая и такую первостепенную задачу, как мониторинг экономического кластерообразования в приморских зонах, в том числе во взаимосвязи с транснациональной, трансграничной активностью. Непосредственной целью данной статьи в этой связи стала инвентаризация и типологизация трансграничных кластеров в приморских зонах Европейской части России, а также выявление факторов и особенностей их локализации и развития.

Трансграничный кластерогенез в экономике: специфика приморских зон

Кластеры (в том числе трансграничные) представляют собой одну из базовых форм организации современного хозяйства [7—16], характеризующую такими атрибутивными признаками, как определенная степень однородности, однопорядковости основного числа элементов, их сверхсуммативная эмерджентность и пространственная концентрация при высокой степени автономности составляющих, а также внутрисистемном балансе конкуренции и сотрудничества [1]. В контексте усиления глобальной взаимозависимости именно через механизмы кластеризации на региональном и местном уровнях реализуется императив повышения экономической эффективности и конкурентоспособности [8], и это сочетается со способностью кластеров обеспечивать потребность в дополнительном ресурсе информационно-технологического, производственного, торгово-логистического взаимодействия и кадрового обмена, прирастающем в случае активизации трансграничных контактов между составляющими кластера, расположенными по разные стороны границы [11; 12].

Активное проникновение кластерного концепта развития региональной экономики в российский научный, деловой, управленческий оборот, с одной стороны, стало частью общемировой тенденции и позволило осознать уже фактически разворачивающиеся процессы кластерогенеза. С другой — кластерная концепция в ее различных трактовках сформировала особое видение направлений и перспектив регионального развития, стала системообразующим элементом, повлекшим за собой как самоорганизующиеся процессы «снизу», так и административные директивы по целенаправленному формированию кластеров [17], отраженные на различных уровнях территориального управления [18], в том числе в нормативно-правовой и стратегической документации [19].

Приморские зоны, являя собой (в том числе потенциально) пространство повышенной насыщенности межорганизационных (особенно трансграничных и трансакваториальных [20]) контактов и отличаясь (при прочих равных условиях) опережающими темпами экономического развития [6], не только располагают наиболее благоприятными условиями для экономического кластерогенеза, но и особым образом (благодаря морским портам и сопряженной с ними инфраструктуре) «предрасположены» к локализации трансграничных феноменов и контактов, к генерированию эффекта политрансграничности.

Наиболее существенные факторы (наблюдаемые в том числе и в приморских зонах России), способствующие трансграничной кластеризации, можно обозначить следующим образом:

— повышенная экономическая, институциональная, транспортно-логистическая, потребительская и демографо-экономическая «плотность»;

— дистанцированность от внутриконтинентальных экономических «ядер» страны и наибольшая (транспортно-экономическая) приближенность к экзогенным центрам современной геоэкономики; своего рода экономическая биконтактность (включенность как во внутрисистемные, так во внешние по отношению к национальной экономике отношения и процессы, что порождает позиционные характеристики «двойной периферии», полизависимости);

— насыщенность информационной среды, в том числе повышенные возможности для трансмиссии тацитного знания посредством деловых коммуникаций и кадрового обмена;

— более жесткие конкурентные условия за счет сравнительно легкого проникновения внешних конкурентов и одновременно — наличие более благоприятных организационных условий для интеграции в международные структуры и выхода на международный рынок;

— нестабильность развития, более частая смена режимов функционирования экономических объектов, равно как и смена «правил игры» при осуществлении трансграничного взаимодействия (как следствие — изначальная потребность в поиске дополнительных внутренних и внешних источников стабильности, а также относительно более быстрое накопление опыта);

— бóльшая детерминанта экономического развития геополитическим контекстом, наличием военно-силового блока;

— особая роль в экономике приморской зоны «морской составляющей» (сегмента экономики, трансграничного по своей сути), ядром которой выступает портово-логистический комплекс (как правило, интегрированный в глобальную систему морских перевозок).

Характерно, что сама «морская» и «приморская» экономика также становится полем кластеризации [21], индуцируя данный процесс в смежных отраслях. При этом, как свидетельствует наработанная авторами по всем 14 приморским регионам Европейской части России аналитика, процесс трансграничной кластеризации (обретая множество инвариантных проявлений и форм) наиболее масштабно и последовательно разворачивается на территориях, не только в наибольшей мере «притягивающих» население, инфраструктуру, хозяйственную активность, но и выполняющих миссию важнейших геоэкономических «коридоров» страны, ее ведущих инновационно-коммуникационных центров.

Типологическое многообразие кластеров в приморских зонах

Механизм идентификации кластеров и потенциальных кластерных образований изначально должен носить многосторонний комплексный характер, сочетающий методы экспертной оценки, анализа статистических показателей (как прямых, так и расчетных; в территориальном разрезе и динамических рядах) с изучением стратегической и договорной документации групп предприятий, способов их взаимодействия и позиционирования на внутреннем и внешнем рынках, наличия кластерного самосознания и сложившихся форм институционального представительства и агрегирования интересов. Основывающийся на методических подходах как зарубежных [22], так и российских [1] исследователей многофакторный анализ позволил произвести идентификацию и инвентаризацию сформировавшихся и потенциальных кластеров приморских регионов Европейской части России. Комплексная методика идентификации кластерных образований включила в себя, наряду с фиксацией кластеров, имеющих официальный статус и регистрацию, анализ нормативной документации кластеров, выстраивающих собственное экономико-правовое пространство без организующей роли государственных проектов. Также был осуществлен статистический анализ динамики экономических субъектов по профильным отраслям всех рассматриваемых регионов, включая численность малых и средних предприятий, экономический объем их деятельности. На основе информационных ресурсов предприятий была произведена качественная оценка степени интенсивности межорганизационной интеракции (включая трансграничную, трансакваториальную), а также динамики процессов укрупнения-разукрупнения предприятий в секторах с выв-

ленной повышенной организационной плотностью (в том числе мониторингу подверглись процессы приобретения производственных мощностей за рубежом, реализация крупных инвестиционных проектов совместно с зарубежными инвесторами).

Среди качественных параметров, составляющих матрицу базы данных, фигурировали такие показатели, как: отраслевая принадлежность; характер талассоаттрактивности; значимость кластера для региональной экономики; степень его сформированности (оцениваемая на основе интенсивности межорганизационного взаимодействия, а также реальных конкурентных условий сосуществования субъектов кластера); наличие официальной регистрации и институциональных форм представительства групповых интересов; особенности территориальной структуры и четко обозначившихся «ядер притяжения»; наличие портовых комплексов, обслуживающих кластер (либо собственных портовых и судоремонтных мощностей, образовавшихся в результате диверсификации или вертикальной интеграции предприятий), а также структурообразующих (либо потенциально усиливающих кластерогенные тенденции) организаций науки и образования, обслуживающих базовое производство кластера; характер сложившихся трансграничных и трансакваториальных связей.

Представленный многофакторный качественный анализ позволил идентифицировать в приморских регионах Европейской части России 56 сформировавшихся и потенциальных кластеров, группируемых в четыре основные типологические формы на основе комплексного выявления корреляционных взаимосвязей между фиксируемыми значениями качественных параметров кластеров (как в региональном, так и в отраслевом срезе, а также для групп кластеров, имеющих различную степень и характер институционализации и организационной оформленности).

К категории *морехозяйственных («первичная производственная талассоаттрактивность»)* уместно отнести 25 кластеров, формирующихся в таких в отраслях, как судостроение и судоремонт, оказание портово-логистических услуг, рыболовство и рыбоводство, «приморский» туризм, а также в сфере добычи полезных ископаемых (наряду с извлечением энергоносителей на шельфе сюда может быть отнесена и ведущаяся в приморской зоне разработка янтаря).

В последние годы процессы кластеризации динамично протекают в рыболовстве и рыбоводстве, судостроении и судоремонте (включая военно-промышленный комплекс), портовом хозяйстве; они приурочены преимущественно к регионам Европейского Севера и Северо-Запада страны и иницируются, с одной стороны, госзаказом (с явным акцентом на г. Санкт-Петербург, Ленинградскую и Архангельскую области при обретении «подчиненного» статуса другими портовыми и судоремонтными центрами), с другой — самоорганизационными тенденциями по модернизации профильных и значимых региональных отраслей в

западном российском порубежье, а также в Каспийском бассейне. Наиболее явные, завершенные контуры (в плане выстраивания устойчивого трансграничного взаимодействия) обрел при этом базирующийся в Ленинградской области (г. Выборг) и одновременно Финляндии (г. Хельсинки) дуоцентрический кластер судостроения и судоремонта (в рамках АО «ОСК»), представленный ПАС «Выборгский судостроительный комплекс», «Арктэк Хельсинки шипъярд» и «Хиеталахти» в качестве основных своих «ядер притяжения» [23].

Существенная группа идентифицированных в приморских регионах кластеров, функционируя во взаимодействии с отраслями и предприятиями морехозяйственного комплекса, имеет «рыночно-сервисный» характер притяжения к морю (определим его как *«вторичную производственную талассоаттрактивность»*). Типологически родственны им кластеры, локализованные в крупнейших поселенческих центрах, расположенных на побережье (*локализационная талассоаттрактивность*).

Процесс кластерообразования в данном сегменте обусловлен рядом взаимосвязанных тенденций, среди которых наибольшую роль сыграли восстановление оборонно-промышленного комплекса в морской сфере, что повлекло за собой потребность в сопутствующем наукоемком продукте, порождая соответствующий госзаказ, а также необходимость в импортозамещении на внутреннем рынке в гражданской сфере морских отраслей. Подчиненное общемировым трендам образование IT-кластеров, а также кластеров наукоемкого машиностроения сочетается с их структурированием на субкластеры, и это отражает объективную тенденцию к повышению разнообразия и более узкой специализации итогового продукта, его усложнению. Показательно, что даже в Калининградской области, специфическом эксклавном регионе, где «критическая масса» производителей и потенциальных потребителей не столь велика, изначально формируются три относительно самостоятельных кластера в сфере IT-производства, со специализацией на коммуникационных технологиях и оборудовании, разработке и внедрении программного обеспечения, а также развлекательных IT-технологиях. Несмотря на незначительные позиции в экономике региона, отдельные кластеры данной категории призваны сыграть важную роль в необходимом преодолении гиперцентрализации производства в региональном центре и привлечении высококвалифицированных кадров в восточную часть области — г. Гусев и смежные населенные пункты.

В Ростовской области (где также наблюдается активное формирование IT-кластера) подразделения на субкластеры еще не произошло, а имеющийся в регионе потенциал способен достичь критической для кластерогенеза массы лишь в условиях многопрофильности. В сфере наукоемкого машиностроения здесь имеют место обе тенденции: как узкая специализация кластерного продукта (кластер «Морские системы» г. Таганрога), так и напротив — комбинаторная мультипликация идей и технологий при кооперации предприятий различной специализации (таковым является кластер «Южное созвездие», продукт которого

в равной мере разрабатывается для оборонно-промышленного комплекса и гражданской сферы, отраслей космического и морского авиастроения, приборостроения и пр.). Характерно, что для небольших узкоспециализированных кластеров критическая масса участников для обеспечения кластерного эффекта достигается уже при наличии 5—10 предприятий, в то время как для многопрофильных она составляет около 20—30.

Потенциальные протокластерные образования в сфере IT-технологий имеются на данный момент в экономике Санкт-Петербурга; в области приборостроения — в Севастополе. К рассматриваемой типологической группе (именно в ней наиболее велик уровень группового кластерного самосознания экономических субъектов, представленный наличием оформленных кластерных центров — институтов развития либо ассоциаций IT-производителей, общественных советов, клубов директоров и аналогичных институциональных структур) могут быть также отнесены потенциальные горно-туристический и строительный кластеры Краснодарского края. Вторичной производственной талассоаттрактивностью характеризуется и металлургический кластер Мурманской области, где тоже повышается роль науки и образования.

Другую многочисленную типологическую группировку образуют также *«морезависимые»* (благодаря факторам локализации и коммуникации) кластеры, базирующиеся на использовании возможностей морского транспорта (*торгово-логистическая талассоаттрактивность*) и функционирующие либо непосредственно в структуре портово-промышленных комплексов, либо (уже на большей дистанции от моря) в пределах хинтерландов (ареалов тяготения) крупных морских портов.

Наиболее выражена торгово-логистическая талассоаттрактивность для подсолнечно-зерновых кластеров Юга России (центрированных прежде всего на Ростовской области и сформировавшихся вокруг наиболее крупных бизнес-структур: «Юг Руси», «АСТОН», «РЗ Агро» и др.), кластера продуктов питания Калининградской области, а также горно-химического кластера Мурманской области, в сбытовой структуре которых существенна доля морских грузоперевозок. Именно данная категория кластеров в первую очередь может быть отнесена к трансактаториальным (либо обладающим потенциалом трансактаториального развития). Относясь к базовым отраслям (для каждого из регионов локализации), они играют значительную (либо доминантную) роль в региональном хозяйстве и в большинстве своем обладают полицентрической или сетевой структурой, включающей от 50 до 80 участников. Расположение ядер по разные стороны акваториального пространства характерно для потенциального кластера сельскохозяйственного машиностроения Ростовской области; подобная стратегия развития связана с необходимостью достижения эффекта масштаба за счет поиска дополнительного зарубежного спроса и, соответственно, приближения производственных центров к потребителю.

Особенностью некоторых локализованных в приморской зоне кластеров является *незначительная торгово-логистическая талассоаттрактивность* (данная категория также может быть обозначена как

кластеры с преобладанием сухопутных связей). Обладая различной степенью «присутствия» в региональной экономике, они относятся к отраслям АПК (в первую очередь — к мясной и молочной промышленности, обслуживающей как местный, так и межрегиональный спрос; таковы производящие мясо индейки и молочные продукты кластеры Ростовской области, овцеводческий кластер Республики Калмыкия; также к данной категории относится инновационный кластер биотехнологий Ростовской области), машиностроения (автомобильный кластер Ленинградской области), лесной промышленности и деревообработки (кластеры Ленинградской и Архангельской областей), мебельный кластер Калининградской области, отдельные сегменты туристического кластера Архангельской области.

Заметим, что свойства трансграничности и трансакваториальности могут быть как имманентны кластерам каждой из вышеобозначенных категорий, так и сохранять свою потенцию в силу благоприятных возможностей межсубъектной интеграции в приморской зоне. Основанием для классификации способны также служить характер и степень взаимоналожения трансграничного и трансакваториального факторов развития, в связи с чем целесообразно идентифицировать: 1) трансграничные трансакваториальные кластеры; 2) трансграничные кластеры без влияния морского фактора; 3) трансакваториальные кластеры, имеющие потенциал для трансграничного развития.

Выстроенная с учетом фактического многообразия представленных в приморских зонах Европейской части России кластерных инициатив, предлагаемая типология позволяет фиксировать ряд важнейших свойств кластерных образований, а также качественные параметры их взаимосвязи с трансграничными и трансакваториальными векторами развития — как в региональном разрезе, так и в координатах отраслевой принадлежности, степени значимости для региональной экономики, специфики территориальной структуры, наличия организационных форм и централизации, интеграции с системой науки, образования и инновационного развития, взаимосвязи с портовыми комплексами и др. Одновременно можно вычленить и характерные особенности пространственной локализации кластеров, корреспондирующие с общественно-географическими реалиями современной России.

Факторы и особенности локализации кластеров в приморских регионах Европейской части России

Глобализация и характерная для постсоветского периода стремительная имплантация России в систему рыночных отношений (дополняемые воздействием агломерационных эффектов, факторов урбанизации и метрополизации) предопределили, с одной стороны, ощутимый «сдвиг к морю» производственной активности, инфраструктуры и населения (симптоматично, что за 1989—2016 годы суммарная числен-

ность населения приморских городов России возросла на 6,2%, или на 794 тыс. человек), с другой — инициировали дальнейшее расслоение приморских зон по уровню и темпам социально-экономической динамики. Процесс экономического кластерообразования на этом фоне наблюдается практически во всех приморских регионах, обретая одновременно выраженную региональную специфику.

Локализация кластеров (особенно с четко выраженными характеристиками трансграничности) имеет место, прежде всего, в зонах основных транспортно-логистических коридоров, обеспечивающих геоэкономическое позиционирование России. Наиболее выражена эта закономерность на российском побережье Балтики — приоритетном для страны (чья внешняя торговля даже в условиях кризиса в отношениях с Западом на 42% ориентирована на Евросоюз), ее внешнеторгового, коммуникационного пространства. Наиболее показательна в этом отношении концентрация кластерных инициатив в Калининградской области, где восемь кластеров идентифицированы как сформировавшиеся и один — как потенциальный.

На кластерогенез в приморских зонах (в том числе на отраслевой профиль кластеров) несомненное влияние оказывают и природно-климатические, ресурсно-хозяйственные характеристики территории. К примеру, в Азово-Черноморской макрорегии преобладают аграрные кластеры, в то время как в Баренц-Беломорской — рыбохозяйственные, горнодобывающие, лесопромышленные. Дополнительным весомым фактором кластерогенеза выступает процесс метрополизации и связанная с ним концентрация населения и инфраструктуры в доминирующих городских центрах: Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Калининграде, Севастополе и др. Наиболее значительными кластерогенными возможностями располагает крупнейший (в масштабе всей приморской зоны России) центр демографического и экономического потенциала — Санкт-Петербургский приморский регион; симптоматично, что именно здесь сформировались четыре крупных, общероссийского значения кластера: судостроительный, портовохозяйственный, лесохозяйственный, автомобилестроения (см. рис.).

Характерные для экономики г. Санкт-Петербурга, Ленинградской и Архангельской областей синхронные и ярко выраженные процессы кластерообразования как в морских отраслях, так и в сопряженных с ними сферах вызваны также локализацией и развитием предприятий ОПК. При этом наукоемкие отрасли вторичной талассоаттрактивности данных регионов либо встроены в единую кластерную структуру, либо еще не подверглись кластеризации.

В Каспийском макрорегионе в силу большей (чем на побережьях Балтики, Краснодарского края, а также в устье Дона) «разреженности» экономического пространства субъекты экономики слабее охвачены кластерогенными процессами, однако последние проявили себя преимущественно именно в отраслях первичной талассоаттрактивности (за исключением Республики Калмыкия). То же относится и к приморским зонам Республики Крым и Севастополя.

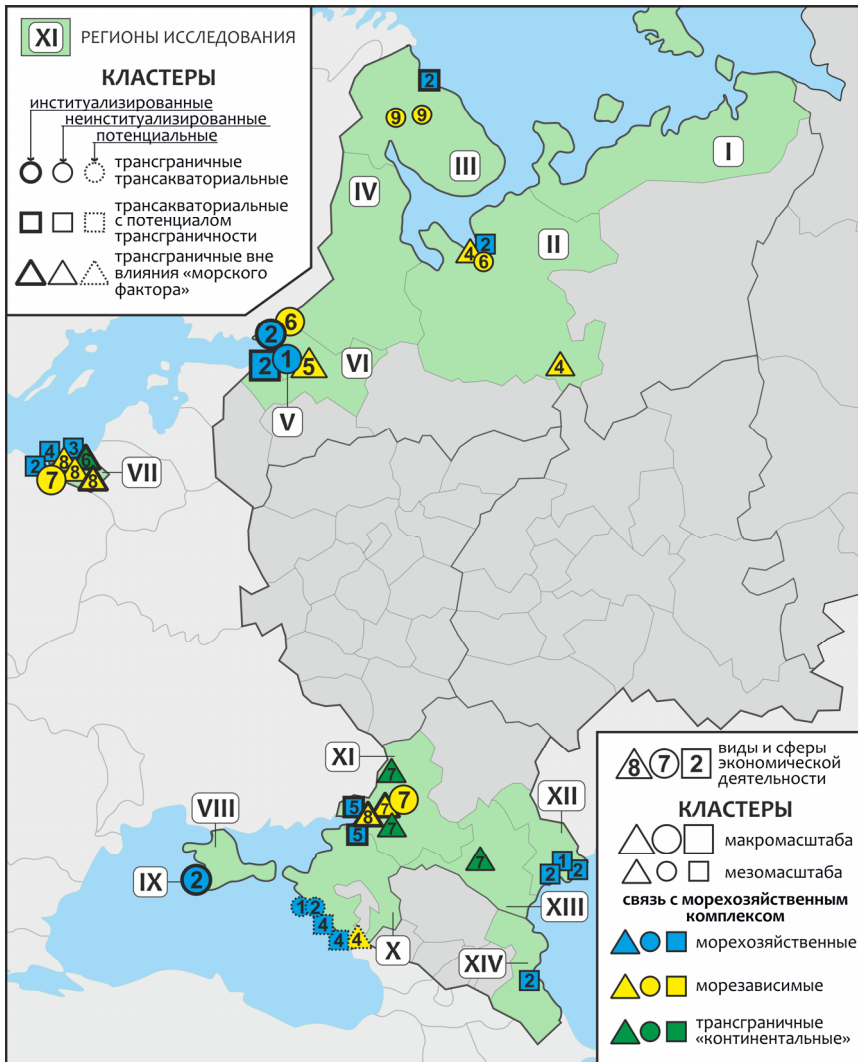

Рис. Локализация трансконтинентальных кластеров

в приморских регионах Европейской части России:

- Приморские регионы: I — Ненецкий АО; II — Архангельская область;
 III — Мурманская область; IV — Республика Карелия; V — Санкт-Петербург;
 VI — Ленинградская область; VII — Калининградская область; VIII — Республика Крым;
 IX — Севастополь; X — Краснодарский край; XI — Ростовская область;
 XII — Астраханская область; XIII — Республика Калмыкия; XIV — Республика Дагестан.
- Виды и сферы экономической деятельности: 1 — портовое хозяйство и судоходство;
 2 — судостроение и судоремонт; рыболовство и марикультура; 3 — добыча полезных
 ископаемых на шельфе; 4 — туристско-рекреационный комплекс;
 5 — машиностроение; 6 — химия и лесная промышленность; 7 — аграрно-промышленный
 комплекс; 8 — IT-сектор; 9 — металлургия и горно-химическая промышленность

Составлен авторами.

Существенное влияние на кластерогенез оказывают и локальные условия бизнес-среды в ее непосредственном взаимодействии с региональной административной элитой. Характерно, что при практическом отсутствии реально сформировавшихся кластеров в Краснодарском крае (где имеет место преимущественно холдинговая модель интеграции, а кластерогенному процессу препятствуют институциональные факторы и особенности деловой среды региона) соседняя Ростовская область выступает лидером как по числу институционально оформленных кластерных инициатив, так и кластеров, имеющих пролонгированный (более чем десятилетний) опыт функционирования (при этом большинство кластеров не относятся к отраслям первичной производственной талассоаттрактивности, однако испытывают влияние «приморского» фактора, обслуживая таковые либо используя их торговолостический потенциал).

Существенны для кластерогенеза и присущие отдельным сегментам приморской зоны особые геополитические и геоэкономические условия функционирования экономики. Речь в данном случае идет о специфике Крыма и Калининградской области, где при наличии выраженных общих черт (географической эксклавности-анклавности, большей зависимости от международного контекста, наличия особых хозяйственно-правовых режимов) процессы кластерогенеза, тем не менее, существенно различаются. В Крыму они ограничены прямым действием экономических санкций, наличием все еще имеющихся институциональных барьеров включения в общероссийское экономическое пространство, а также приходом крупного инорегионального капитала, нивелирующего местный организационный потенциал. В Калининградской области, напротив, уже наработан многолетний опыт центрo-периферийного взаимодействия как с «большой Россией», так и с сопредельными государствами. В результате сами кластерогенные импульсы во многих случаях поступают извне, а образующиеся кластеры обретают трансграничный (трансакваториальный) характер. Аналогичные тенденции имеют место и в регионах севера Европейской части России.

Заключение

Формирующиеся в приморских зонах трансграничные кластеры имманентны экономике Российской Федерации; в их состояниях и характеристиках отражаются ее (экономики) разноаспектные (ситуационные и фундаментальные) дефекты, проблемные ситуации, слабые места (от фактического недоиспользования морского фактора в территориально-хозяйственной динамике до гипертрофированного «сырьевого крена», увода активов и прибыли за пределы российской юрисдикции). Потенциал (равно как и риски) трансграничной кластеризации при этом наиболее существенны на побережьях морей компактных, с извилистой, инфраструктурно обустроенной береговой линией, окруженных высокоразвитыми странами и регионами с существенным уровнем взаимной экономической и культурной интеграции. Применительно к Европейской части России речь идет о Балтийском и, отчасти, Черном и Азовском морях. Именно здесь, в центрo-периферийной архитектуре

морских трансграничных метарегионов (полицентрической лишь на Балтике), наиболее существенен масштаб включения приморских зон РФ в транснациональные интеграционные процессы; столь же велика и вероятность закрепления за российскими приморскими территориями периферийно-полупериферийного статуса. Это требует предельно пристального внимания к процессам трансграничной кластеризации (в особой мере — в таком геостратегически значимом для России регионе, как Калининградская область), их векторам, геоэкономическим и геополитическим эффектам, проекции на региональную идентичность.

Исследование выполнено при поддержке РФФ (проект 15-18-10000 «Трансграничное кластерообразование в динамике экономических и селитебных систем приморских территорий Европейской России»).

Список литературы

1. *Трансграничное кластерообразование в приморских зонах европейской части России: факторы, модели, экономические и экзистенциальные эффекты* : монография / Южный федеральный университет ; под ред. А.Г. Дружинина. Ростов н/Д, 2017.
2. *Фёдоров Г.М., Корнеевец В.С.* Социально-экономическая типологизация приморских регионов России // Балтийский регион. 2015. №4 (26). С. 121—134.
3. *Fedorov G.M., Kuznetsova T. Yu., Razumovskii V.M.* How the Proximity of the Sea Affects Development of Economy and the Settlement Pattern in Kaliningrad Oblast // Regional Research of Russia. 2017. Vol. 7, №4. P. 352—362.
4. *Стратегия национальной безопасности России*. М., 2015. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/president> (дата обращения: 31.08.2017).
5. *Дружинин А.Г.* Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 28—43.
6. *Дружинин А.Г.* «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Сер. географическая. 2016. №6. С. 7—16.
7. *Slack B.* The port service industry in an environment of change // Geoforum. 1989. №20 (4). P. 447—457.
8. *Porter M.E.* The Competitive Advantage of Nations. N. Y., 1990.
9. *Enright M.J., Roberts B.H.* Regional clustering in Australia // Australian Journal of Management: Special Issue. 2001. №26. P. 65—86.
10. *Lofgren O.* Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia // European Urban and Regional Studies. 2008. №15. P. 195—209.
11. *Lundquist K.-J., Tripp M.* Distance, Proximity and Types of Cross-border Innovation Systems: A Conceptual Analysis // Regional Studies. 2011. №1. P. 11.
12. *Broek J., Smulders H.* The evolution of a Cross-Border Regional Innovation System: An Institutional Perspective // Conference paper RSA European Conference. Tampere, 2013.
13. *McDonald F., Tsagdis D., Huang D.* The development of industrial clusters and public policy // Entrepreneurship and Regional Development. 2006. Vol. 18 (6). P. 525—542.
14. *Важенин С.Г., Сухих В.В.* Трудности становления кластеров в России // Экономика региона. 2009. №2. С. 169—179.

15. *Котлярова С. Н.* Практика формирования кластеров в регионах России // Региональная экономика: теория и практика. 2012. №24. С. 29—39.
16. *Зелинская Е. З.* Региональные трансграничные кластеры как формы современных систем управления в реальном секторе экономики // Псковский регионалогический журнал. 2013. №16. С. 12—18.
17. *Гохберг Л. М., Шадрин А. Е., Абашкин В. Л. и др.* Пилотные инновационные территориальные кластеры в Российской Федерации. М., 2013.
18. *Кластеры* в федеральном законодательстве и законодательстве города Москвы // ТПП РФ по развитию субконтрактации и кластерных технологий. URL: <http://promcluster.ru/index.php/about-zak-cls/139-klasteri-v-zakonodatelstve.htm> (дата обращения: 28.08.2017).
19. *Концепция* долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009, <http://promcluster.ru/index.php/about-zak-cls/139-klasteri-v-zakonodatelstve.htm> (дата обращения: 28.08.2017).
20. *Бильчак В. С., Бильчак М. В.* Интеграция как доминанта развития приграничных регионов // Актуальные вопросы экономических наук. 2015. №47. С. 109—114.
21. *Батурова Г. В.* Региональные морехозяйственные кластеры как основа социально-экономического развития приморских территорий // Транспортное дело России. 2012. №6(2). С. 40—42.
22. *Walerud C., Viachka A.* Transnational networks of cluster organizations. Stockholm, 2007.
23. *Объединенная* судостроительная корпорация. URL: <http://www.oaosk.ru/about/> (дата обращения: 25.08.2017).

Об авторах

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: alexdru9@mail.ru

Василиса Васильевна Горочная, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: tunduk@hotmail.com

Николай Владимирович Гонтарь, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Южный федеральный университет, Россия.

E-mail: passat01@mail.ru

Игорь Андреевич Дец, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт географии СО РАН, Россия.

E-mail: igordets@ya.ru

Станислав Сергеевич Лачининский, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

E-mail: lachininsky@gmail.com

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, заместитель директора, старший научный сотрудник Центра анализа и стратегического планирования, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: AndrMikhailov@kantiana.ru

Для цитирования:

Дружинин А. Г., Горочная В. В., Гонтарь Н. В., Дец И. А., Лачининский С. С., Михайлов А. С. Трансграничные кластеры в приморских зонах Европейской части России: инвентаризация, типологизация, идентификация факторов и перспектив развития // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 29—44. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-2.

TRANSBOUNDARY CLUSTERS IN THE COASTAL ZONES
OF THE EUROPEAN PART OF RUSSIA:
INVENTORY, TYPOLOGY, FACTORS, AND PROSPECTS

A. G. Druzhinin¹
V. V. Gorochnya¹
N. V. Gontar¹
I. A. Dets²
S. S. Lachininskiy³
A. S. Mikhailov⁴

¹ Southern Federal University

105 B. Sadovaya ul. Rostov-on-Don, 344006, Russia

² Institute of Geography of the Siberian Branch of the RAS

1 Uln-Batorskaya ul., Irkutsk, 664033, Russia

³ Saint Petersburg State University

7—9 Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034 Russia

⁴ Immanuel Kant Baltic Federal University.

14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236041, Russia

Submitted on July 09, 2017

This article presents an inventory and a typology of the existing and emerging economic clusters in the coastal zone of the European part of Russia. The authors hold that transboundary clustering takes priority in the Baltic coastal region — nine of the 56 clusters identified are located in the Kaliningrad region and another eight in Saint Petersburg and the Leningrad region. The authors describe major catalysts and immanent inhibitors in coastal zones. The former include a high density of coastal economies, proximity to international markets, and better logistics and communications. The inhibitors comprise geopolitical risks and institutional barriers. It is shown that the potential and prospects of transboundary clustering are affected by both global integration and disintegration patterns, coastal infrastructure, geopolitical and geoeconomic 'neighbourhood', cultural excellence, and business and investment environment.

Key words: economic cluster, coastal zone, transboundary cluster, cross-aquatic cluster, European Russia, Baltic region

References

1. Druzhinin, A.G. (ed.) 2017, *Transgranichnoe klasteroobrazovanie v primorskikh zonakh Evropeiskoi chasti Rossii: faktory, modeli, ekonomicheskie i ekstiticheskie efekty* [Transboundary cluster formation in the coastal zones of the European part of Russia: factors, models, economic and telecommunication effects], Rostov-on-Don, 421 p. (in Russ.)
2. Fedorov, G.M., Korneevets, V.S. 2015, Socioeconomic typology of Russia's coastal regions, *Balt. Reg.*, Vol. 7, no. 2, p. 89—101. doi: 10.5922/2079-8555-2015-4-7.
3. Fedorov G. M., Kuznetsova T. Yu., Razumovskii V. M. 2017, How the Proximity of the Sea Affects Development of Economy and the Settlement Pattern in Kaliningrad Oblast, *Regional Research of Russia*, Vol. 7, no. 4, p. 352—362.
4. *Strategiya natsional'noi bezopasnosti Rossii* [The National Security Strategy of Russia], 2015, Moscow, available at: [http://publication.pravo.gov.ru/Signatory Authority/president](http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/president) (accessed 31.08.2017) (in Russ.)
5. Druzhinin, A.G. 2017, The coastalisation of population in today's Russia: A sociogeographical explication, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 28—43.
6. Druzhinin, A. G. 2016 "Marine component" of Russian social geography: traditions and innovations, *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Regional Research of Russia], no. 6, p. 7—16. (in Russ.)
7. Slack, B. 1989, The port service industry in an environment of change, *Geoforum*, Vol. 20, no. 4, p. 447—457.
8. Porter, M. E. 1990, *The Competitive Advantage of Nations*, New York.
9. Enright, M. J., Roberts, B. H. 2001, Regional clustering in Australia, *Australian Journal of Management*, Special Issue, no. 26, p. 65—86.
10. Lofgren, O. 2008, Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia, *European Urban and Regional Studies*, no. 15, p. 195—209.
11. Lundquist, K.-J., Trippel, M. 2011, Distance, Proximity and Types of Cross-border Innovation Systems: A Conceptual Analysis, *Regional Studies*, no. 1, p. 11.
12. Broek, J., Smulders, H. 2013, The evolution of a Cross-Border Regional Innovation System: An Institutional Perspective, *Conference paper RSA European Conference*, Tampere.
13. McDonald, F., Tsagdis, D., Huang, D. 2006, The development of industrial clusters and public policy, *Entrepreneurship and Regional Development*, Vol. 18, no. 6, p. 525—542.
14. Vazhenin, S. G., Sukhikh, V. V. 2009, Difficulties in the formation of clusters in Russia, *Ekonomika regiona* [Economy of the region], no. 2, p. 169—179. (in Russ.)
15. Kotlyarova, S. N. 2012, The practice of forming clusters in the regions of Russia, *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional economy: theory and practice], no. 24, p. 29—39. (in Russ.)
16. Zelinskaya, E.Z. 2013, Regional cross-border clusters as forms of modern management systems in the real sector of the economy, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal* [Pskov Regionological Journal], №16, p. 12—18. (in Russ.)
17. Gokhberg, L.M., Shadrin, A.E., Abashkin, V.L., Goland, L.M., Kutsenko, E.S., Rudnik, P.B. 2013, *Pilotnye innovatsionnye territorial'nye klastery v Rossiiskoi Federatsii* [Pilot Innovative Territorial Clusters in the Russian Federation], Moscow. (in Russ.)
18. Clusters in the federal legislation and the legislation of the city of Moscow, CCI RF on the development of subcontracting and cluster technologies, available at: <http://promcluster.ru/index.php/about-zak-cl/139-klasteri-v-zakonodatelstve.htm> (accessed 28.08.2017). (in Russ.)

19. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020, available at: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009 <http://promcluster.ru/index.php/about-zak-cl/139-klasteri-v-zakonodatelstve.htm> (accessed 28.08.2017). (in Russ.)
20. Bilchak, V. S., Bilchak, M. V. 2015, Integration as a dominant development of border regions, *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk* [Topical issues of economic sciences], no. 47, p. 109—114. (in Russ.)
21. Baturova, G. V. 2012, Regional sea economic clusters as a basis for socio-economic development of coastal areas, *Transportnoe delo Rossii* [Transport business in Russia], no. 6 (2), p. 40—42. (in Russ.)
22. Walerud, C., Viachka, A. 2007, *Transnational networks of cluster organizations*, Stockholm.
23. United Shipbuilding Corporation, available at: <http://www.oaosk.ru/about/> (accessed 25.08.2017). (in Russ.)

The authors

Prof Aleksander G. Druzhinin, Director, North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia.
E-mail: alexdru9@mail.ru

Dr Vasilisa V. Gorochnya, Research Fellow, North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia.
E-mail: tunduk@hotmail.com

Dr Nikolay V. Gontar, Research Fellow, North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia.
E-mail: passat01@mail.ru

Dr Igor A. Dets, Research Fellow, the Institute of Geography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia.
E-mail: igordets@ya.ru

Dr Stanislav S. Lachininskiy, Associate Professor, the Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University, Russia.
E-mail: lachininsky@gmail.com

Dr Andrei S. Mikhailov, Deputy Director/Senior Research Fellow, the Centre for Analysis and Strategic Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: AndrMikhailov@kantiana.ru

To cite this article:

Druzhinin A. G., Gorochnya V. V., Gontar N. V., Dets I. A., Lachininskiy S. S., Mikhailov A. S. 2017, Transboundary Clusters in the Zoastal Cones of the European Part of Russia: Inventory, Typology, Factors, and Prospects, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 29—44. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-2.

РОЛЬ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В СОВЕТАХ ДИРЕКТОРОВ ДЕСЯТИ КРУПНЕЙШИХ НЕФИНАНСОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РОССИИ, ИНВЕСТИРУЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ¹

К. Лиухто¹

Рассматривается участие иностранных граждан в советах директоров 10 крупнейших компаний России, осуществляющих инвестиции за рубежом. В исследовании используются данные на февраль 2017 года, представленные в ежегодных отчетах и на официальных веб-сайтах компаний. Отмечается, что иностранные граждане составляют 30% членов советов директоров 10 крупнейших нефинансовых компаний России, осуществляющих инвестиции за рубежом. Среди иностранных членов советов директоров две трети представлены гражданами США, Великобритании и Германии. Из 30 иностранцев лишь один является гражданином Китая. Доля женщин среди иностранных членов советов директоров 10 рассматриваемых компаний не превышает 5%, что соответствует представленности женщин в 50 крупнейших корпорациях страны. Делается вывод о том, что интернационализация российских компаний не является фактором увеличения участия женщин в советах директоров.

Ключевые слова: советы директоров российских транснациональных корпораций, женщины в совете директоров, корпоративное управление в России, российские ПИИ за рубежом

Введение

В России зарегистрировано более 4 млн предприятий [1]. Многие из них не функционируют. Несмотря на значительное число компаний, основной вклад в ВВП страны, а также в экспорт и ПИИ вносится небольшим количеством крупных корпораций. В начале

---

¹ Университет Турку,
20500, Финляндия, Турку,
ул. Рехторинпеллонкату, 3.

Поступила в редакцию 15.03.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-3

© Лиухто К., 2017

десятилетия объем российских накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ¹) достиг 336 млрд долларов, что сравнимо с показателями 2016 года (табл. 1).

Таблица 1

Объем ПИИ, вывезенных из России, и ежегодный поток ПИИ²

Показатель	1995	2000	2005	2010	2013	2014	2015	2016
Вывезенные ПИИ, млн долларов	3346	19211	139241	336355	385321	329817	282651	335791
Доля России в общемировом объеме вывезенных ПИИ, %	0,08	0,26	1,17	1,60	1,55	1,34	1,13	1,28
Ежегодный поток ПИИ из России, млн долларов	606	3152	16747	41116	70685	64203	27090	27272
Доля России в общемировом потоке ПИИ, %	0,17	0,27	1,99	2,97	5,05	5,12	1,70	1,88

Источник: [4].

С 2014 года, после вхождения украинского кризиса в острую фазу, объем российских ПИИ уменьшился. Тому существуют три причины. Во-первых, снижение цен на нефть привело к уменьшению капитала. Изменения потока российских иностранных инвестиций тесно связаны с динамикой цен на нефть (рис. 1). Во-вторых, при текущей ключевой ставке ЦБ РФ (10% на начало 2017 года) инвестиции как внутри страны, так и за рубежом становятся весьма затратными. В-третьих, затратность инвестиций за рубежом связана с ослаблением российского рубля, начавшемся осенью 2014 года (рис. 2). На конец 2016 года доля России в мировом потоке ПИИ составляла 1—2%.

На конец 2016 года, на страны ЕС приходилось две трети потока российских инвестиций. При этом необходимо осознавать некоторую условность географии российских ПИИ, так как большая часть инвестиций не остается в первой зарубежной стране. Значительная часть ПИИ возвращается обратно в Россию. Гигантским финансовым бумерангом предстает поток инвестиций между РФ и Кипром: на конец

¹ Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) — инвестиции хозяйствующего субъекта с целью осуществления долгосрочных интересов при помощи предприятия-получателя в другой стране. Долгосрочные интересы требуют длительных контактов между инвестором и предприятием, а также значительного влияния инвестора на управление компанией. При этом доля собственности инвестора не может быть меньше 10%. Обладание 50% голосов не является необходимым условием. Объем вывезенных инвестиций определяется как общий объем ПИИ рассматриваемой страны за рубежом [2].

² Данные Банка России и ЦБ РФ отличаются от данных ЮНКТАД [3]. В исследовании используется статистика ЮНКТАД, так как она охватывает более длительный период. ЦБ РФ отслеживает динамику ПИИ с 2009 года.

2016 года на Кипр приходилось 40% потока российских ПИИ, в то же время доля Кипра в притоке инвестиций в Россию составила тоже около 40% [6].

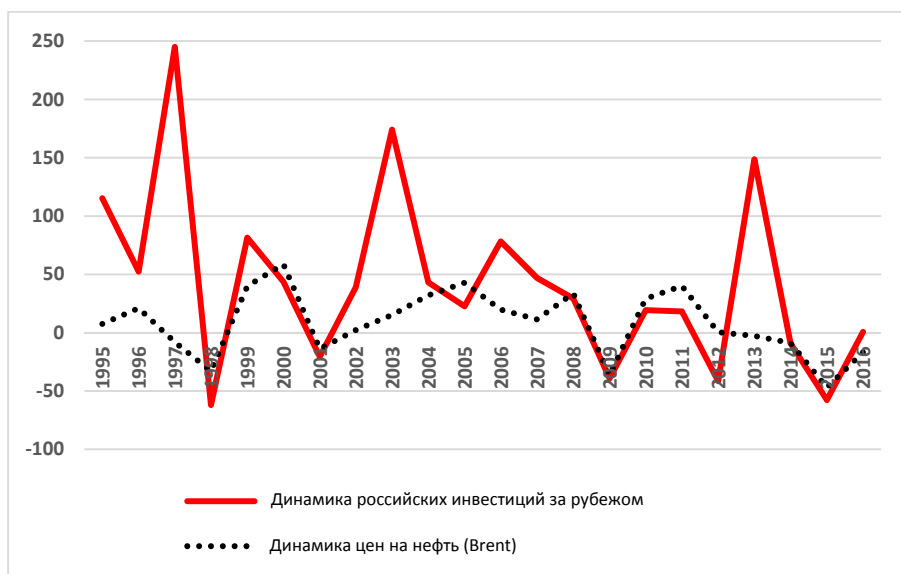

Рис. 1. Годовая динамика потока российских иностранных инвестиций и среднегодовые цены на нефть (Brent)

Источники: [4—5].

Рис. 2. Динамика курса доллара США к российскому рублю с начала 2013 года³

Источник: [3].

³ Возрастание кривой означает ослабление рубля.

1. Структура, методы и цели исследования

Корпоративное управление является малоизученным фактором в контексте российских ПИИ [7]⁴. Ниже представлен анализ литературы, посвященной взаимосвязи состава советов директоров и объема иностранных инвестиций в России (разд. 2.1) и приводятся основные выводы о влиянии состава советов директоров на принятие решений в компаниях за пределами РФ (разд. 2.2). Далее рассматривается участие иностранных граждан в составе советов директоров десяти российских нефинансовых организаций, обладающих крупнейшими зарубежными активами (разд. 3). Данные компании были выделены на основе материалов, представленных в работе А. Кузнецова [10] (табл. 2).

Таблица 2

Десять крупнейших российских нефинансовых компаний по размеру зарубежных активов, 2014 год

Компания, отрасль	Оборот, млрд долларов США*	Зарубежные активы, млрд долларов США**	Доля зарубежных активов в общем объеме активов, %*
1. «Газпром», нефть и газ	133,3	36,0	13
2. «ЛУКОЙЛ», нефть и газ	98,5	32,9	29
3. <i>Vimpelcom</i> , телекоммуникации	9,1	30,4	74
4. «Роснефть», нефть и газ	82,3	9,4	6
5. «Евраз», металлургия	11,9	5,3	46
6. «Совкомфлот» (СКФ), морские перевозки	1,0	5,3	83
7. «Русал», металлургия	8,1	2,8	19
8. «Российские железные дороги» (РЖД), железнодорожный транспорт	45,7	2,8	4
9. ТМК, производство стальных труб	5,3	2,5	44
10. «Зарубежнефть», нефть и газ	0,8	2,4	67

Показатели оборота компаний в долларах США рассчитаны по среднегодовому обменному курсу 2014 года (38,6 рублей за доллар США) [12].

Источники: * [11], ** [10, p. 82].

⁴ В [8] и [9] анализируется взаимосвязь между формой собственности и зарубежными инвестициями российских компаний. Тем не менее ни одна из упомянутых работ не рассматривает влияние состава совета директоров на зарубежные инвестиции российских компаний.

Выборка из десяти российских компаний, обладающих крупнейшими зарубежными активами, не является репрезентативной, на ее основе невозможно получить универсальные выводы. Тем не менее выбранный метод обладает рядом преимуществ. Напомним, что на долю данных компаний приходится более трети российских ПИИ. Другими словами, несмотря на то, что исследуемые организации не представляют репрезентативной выборки, они составляют выборку экономически значимую [13].

Сами компании и их управленческие структуры эволюционируют. Рассматриваемая в исследовании ситуация актуальна на февраль 2017 года, когда были опубликованы материалы годовых отчетов и официальных сайтов компаний, используемые в данной работе.

Отметим, что в РФ иностранными гражданами считаются лица, родившиеся за пределами СССР и не имеющие российского гражданства. Лица, имеющие гражданство страны, отличной от РФ, но рожденные в СССР, в рамках данного исследования не причисляются к категории иностранных граждан. Такое определение необходимо, так как не представляется возможным установить, не имеют ли лица, проживающие за пределами России, двойного гражданства, то есть гражданства постсоветского государства и РФ. Данное определение не имеет политической подоплеки.

Основная цель данной статьи — изучение иностранного участия в советах директоров десяти крупнейших российских компаний, инвестирующих за рубежом.

2. Обзор литературы, посвященной соотношению состава совета директоров и степени интернационализации компании

2.1. Исследования в российских условиях

В 2006 году [14] были обследованы 100 уральских компаний. Среди членов советов директоров данных организаций иностранцы составляют 1,4%. Различие в доле иностранных членов советов директоров малых и крупных предприятий не является статистически значимым. Тем не менее выяснилось, что иностранные граждане не входят ни в один совет директоров компаний среднего размера. По причине ограниченности выборки не стоит спешить с выводами о влиянии размера предприятия на представленность иностранцев в совете директоров.

В 2008 году были проанализированы 20 наиболее интернационализированных российских компаний [15]. Иностранцы входили в состав советов директоров 14 обследованных компаний. В целом иностранцы составляют около 30% членов советов директоров. Примечательно, что доля иностранцев в советах директоров 10 наиболее интернационализированных предприятий России сравнима с их долей в 20 крупнейших российских компаниях, инвестирующих за рубежом.

В 2013 году проведено еще одно исследование [16], позволившее сделать вывод об отсутствии гендерного равенства в советах директоров 20 крупнейших транснациональных компаниях России. Доля женщин в советах директоров не превышает 5%. При этом представленность женщин не зависела от структуры собственности и сферы деятельности предприятий.

Ни одно из упомянутых исследований не касалось напрямую темы данной статьи. Полученные в них выводы могут рассматриваться как побочные наблюдения, имеющие ценность для данной работы, так как упомянутые выше публикации рассматривают проблему в историческом разрезе. Других работ, посвященных теме данного исследования, не было обнаружено.

2.2. Опыт исследований в международных условиях

В одной из работ [17] анализируются данные по 250 крупным предприятиям США. Делается вывод о том, что иностранное участие возрастает с увеличением числа членов советов директоров и степени интернационализации компании.

Группа исследователей рассмотрела семь региональных телекоммуникационных компаний США [18]. Связи между особенностями состава советов директоров и интернационализацией компаний выявлено не было. Анализ 200 тайваньских компаний, имеющих листинг на бирже, показал [19], что лишь немногие статистические данные подтверждают влияние состава совета директоров на решения об осуществлении ПИИ. В другой работе [20] рассматриваются данные по почти 400 поглощениям и 200 совместным предприятиям обрабатывающего сектора США. Отмечается, что в фирмах с большим участием иностранных граждан в совете директоров и независимыми управленческими структурами, а также в компаниях, где главный исполнительный директор не входит в совет директоров, поглощения оказываются более популярной мерой, чем учреждение совместных предприятий при выходе на иностранные рынки. Данный вывод подтверждается и другими исследователями [21], указывающими, что в семейных бизнесах с высокой долей независимых директоров наблюдается более активная международная диверсификация.

Кроме того, было обследовано 45 испанских фирм, имеющих листинг на бирже [22], и сделан вывод о том, что долгое пребывание одних и тех же лиц в совете директоров оказывает негативное влияние на международную диверсификацию. Однако не было найдено подтверждения связи между иностранным участием в совете директоров и международной диверсификацией. При этом на интернационализацию предприятий оказывает воздействие уровень образования членов совета директоров.

В одном из исследований рассматривалась деятельность около 10 тыс. предприятий США в 1998—2006 годах [23]. В работе делается вывод о том, что компании, в советы директоров которых входят иностранцы, принимают более удачные решения о поглощении предприятий в других странах в тех случаях, когда приобретаемые предприятия расположены на родине иностранных членов советов. Было установлено, что компании с иностранным участием в советах директоров выплачивают чрезвычайно высокие компенсации главным исполнительным директорам. В то же время такие предприятия менее склонны заменять руководителей, не справляющихся со своими обязанностями.

По результатам проведенного в 2001—2008 годах обследования 350 скандинавских и финских нефинансовых компаний [24], имеющих листинг на бирже, был сделан вывод о наличии связи между национальной принадлежностью иностранных членов советов директоров, национальностью зарубежных владельцев и странами, в которых компания осуществляет кросс-листинг. Кроме того, имеется связь между наличием иностранного стратегического владельца и назначением иностранного гражданина членом совета директоров. В советы директоров компаний с высокой долей зарубежных продаж, иностранным владением и кросс-листингом на зарубежных биржах обычно входят иностранные граждане. При этом не делается вывода о направлении причинно-следственной связи между этими явлениями. Иностранное участие в совете директоров может приводить к интернационализации, но возможно и обратное. Кроме того, наличие иностранных директоров обычно сопутствует финансовой интернационализации, а не росту продаж за рубежом. Следовательно, иностранцы скорее осуществляют контроль за деятельностью предприятия, чем исполняют консультативные функции. Существует положительная связь между наличием иностранных директоров и размером компании. Малым предприятием сложнее найти директоров за рубежом.

Нельзя однозначно утверждать, что состав совета директоров влияет на интернационализацию компании в целом или на принятие решений о ПИИ в частности. Не существует единого мнения о том, что является первичным — иностранное присутствие в совете директоров или интернационализация. Тем не менее отмечается связь между иностранным владением, масштабом деятельности за рубежом и наличием иностранцев в советах директоров. Кроме того, иностранные директора чаще выполняют контролирующие, нежели консультативные функции. То есть в большинстве случаев они выступают представителями зарубежным владельцем, осуществляющими финансовый контроль, а не двигателями развития компании. Ни в одном из доступных исследований не рассматривалось влияние представленности женщин в советах директоров на инвестиции за рубежом.

3. Результаты

В советы директоров 10 крупнейших зарубежных инвесторов России входят 30 иностранцев. То есть на каждую компанию приходится три иностранных гражданина. Предварительно можно заключить, что советы директоров крупнейших компаний в России более интернациональны, чем в Китае или США.

Тем не менее доля иностранцев в советах директоров российских компаний, инвестирующих за рубежом, выше, чем в среднем по крупным компаниям страны. Иностранцы составляют почти 30% членов советов директоров 10 российских компаний с наиболее значительными зарубежными активами и только 20% в 50 крупнейших корпорациях страны [25]. Следовательно, можно говорить о наличии корреляции между ПИИ и иностранным участием в советах директоров.

В советы директоров рассматриваемых компаний входят иностранные граждане 12 государств. Две трети иностранцев составляют американцы, британцы и немцы, в то время как Китай представлен лишь одним членом совета директоров (табл. 3, рис. 3).

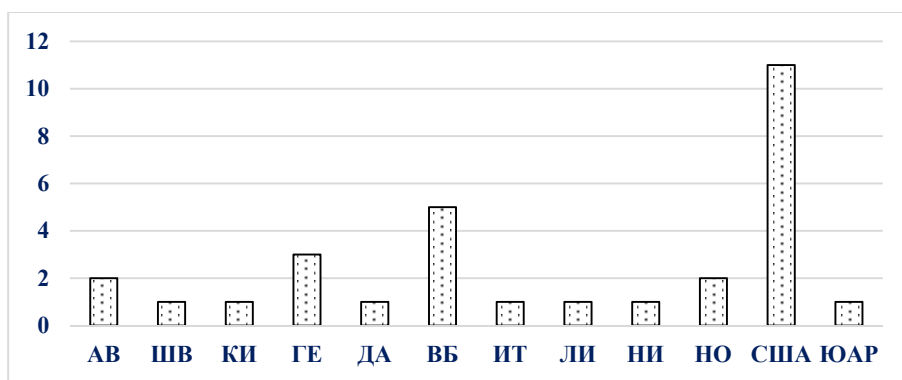

Рис. 3. Иностранцы в советах директоров 10 крупнейших российских компаний, инвестирующих за рубежом (по национальности)

Здесь и далее в таблицах сокращения: АТ — Австрия, ШВ — Швейцария, КИ — Китай, ГЕ — Германия, ДА — Дания, ВБ — Великобритания, ИТ — Италия, ЛИ — Ливан, НИ — Нидерланды, НО — Норвегия, США — Соединенные Штаты Америки, ЮАР — Южно-Африканская Республика.

Иностранное участие в советах директоров 10 крупнейших российских нефинансовых корпораций, инвестирующих за рубежом

Место среди крупнейших компаний России	Название, год основания, расположение головного офиса, сфера деятельности, форма собственности	Оборот в 2016 году (млрд долларов США)*	Доля иностранных членов советов директоров, средний возраст члена совета директоров, представленность женщин**	Иностранные члены советов директоров (по гражданству), за исключением лиц, рожденных в странах бывшего СССР**
1-е	«Газпром», 1989/1993, Москва, нефть и газ, государственная компания	87,4	0/11 Средний возраст: около 55 лет. Женщины не представлены	Ни одного иностранца, рожденного за пределами бывшего СССР
2-е	«ЛУКОЙЛ», 1991/1993, Москва, нефть и газ, частная компания	77,2	4/10 Средний возраст: 70 лет. Одна женщина	<i>Тоби Гати (США),</i> Ричард Машке (США), Роджер Маннингс (ВБ), Иван Пикте (ШВ)
3-е	«Роснефть», 1993, Москва, нефть и газ, государственная компания	61,5	4/9 Средний возраст: 60 лет. Женщины не представлены	Роберт Дадли (США), Дональд Хамфриз (США), Гильермо Кинтеро (США), Маттиас Варниг (ГЕ)
5-е	РЖД, 1837/2003, Москва, железнодорожные перевозки, государственная компания	22,5	1/12 Средний возраст: около 52 лет. Женщины не представлены	Хартмут Медорн (ГЕ)
16-е	«Евраз», 1992, Лондон, металлургия, частная компания	8,0	3/8 Средний возраст: около 57 лет. Одна женщина	Карл Грубер (АВ), <i>Дебора Гуджен (ВБ)</i> , Майкл Питт (ВБ)
17-е	«Русал», 2000, Москва, металлургия, частная компания	7,9	9/18 Средний возраст: около 53 лет. Четыре женщины	Марк Гарбер (США), Айван Глайзенберг (ЮАР), Филип Лэйдер (США), Марко Музетти (ИТ), <i>Элси Льюнг (КИ)</i> , Маттиас Варниг (ГЕ), Зигфрид Вольф (АТ), Даниэль Лезин Вольф (США), Бернард Зонневельд (НИ)

Место среди крупнейших компаний России	Название, год основания, расположение головного офиса, сфера деятельности, форма собственности	Оборот в 2016 году (млрд долларов США)*	Доля иностранных членов советов директоров, средний возраст члена совета директоров, представленность женщин**	Иностранные члены советов директоров (по гражданству), за исключением лиц, рожденных в странах бывшего СССР**
27-е	<i>Vipre/son</i> , 1992, Амстердам, телекоммуникации, частная компания	5,6	5/9 Средний возраст: 53 года. Женщины не представлены	<i>Геннадий Газин (США), Гуннар Хольм (НО), Джулиан Хорн-Смит (ВБ), Йорн Йенсен (ДА), Нильс Камла (НО)</i>
47-е	ТМК, 2001, Москва, производство стальных труб, частная компания	3,8	2/12 Средний возраст: 55 лет Женщины не представлены	Питер О'Брайен (США), Роберт Форресман (США)
124-е	«Совкомфлот», 1973/1988, Санкт-Петербург, перевозки, государственная компания	1,4	2/9 Средний возраст: около 59 лет. Женщины не представлены	Валид Шамма (ЛИ), Дэвид Мурхаус (ВБ)
353-е	«Зарубежнефть», 1967, Москва, нефть и газ, государственная компания	0,4	0/7 Средний возраст: 54—55 лет. Женщины не представлены	Ни одного иностранца, рожденного за пределами бывшего СССР
<i>Итого</i>		275,7	30/105 (28,6%)*	

Большинство рассматриваемых компаний входят в число крупнейших корпораций России. Имена женщин — гражданок зарубежных государств выделены курсивом. Данные об обороте компаний были переведены из рублей в доллары США по среднегодовому курсу 2016 года — 67,0 рублей за доллар США [12].

Источники: * [11]; ** официальные сайты компаний.

Наиболее широко иностранные граждане представлены в российских металлургических компаниях (12), где они составляют до двух третей членов советов директоров. За металлургией следует нефтегазовый сектор, где работают восемь иностранных членов советов директоров. Среди них большинство — американцы. Присутствие скандинавов наиболее существенно в телекоммуникациях (табл. 4).

Таблица 4

**Иностранные члены советов директоров
10 российских нефинансовых корпораций,
инвестирующих за рубежом (по отрасли и обороту)**

Отрасль/оборот	До 5 млрд долларов США	5—10 млрд долларов США	Свыше 10 млрд долларов США
Нефть и газ (8)	—	—	<i>Итого: 8</i> 5 США, 1 ШВ, 1 ГЕ, 1 ВБ
Перевозки и логистика (3)	<i>Итого: 2</i> 1 ВБ, 1 ЛИ	—	<i>Итого: 1</i> 1 ГЕ
Металлургия (12)	—	<i>Итого: 12</i> 3 США, 2 АТ, 2 ВБ, 1 ЮАР, 1 КИ, 1 ГЕ, 1 ИТ, 1 НИ	—
Телекоммуникации (5)	—	<i>Итого: 5</i> 2 НО, 1 ДА, 1 ВБ, 1 США	—
Производство стальных труб (2)	<i>Итого: 2</i> 2 США	—	—
<i>Итого (30)</i>	(4)	(17)	(9)

Ниже будет проанализирована интернационализация десяти крупнейших российских компаний, инвестирующих за рубежом, и состав их советов директоров. Первой была рассмотрена корпорация «Газпром» — крупнейшая из таких компаний. На конец 2014 года общая стоимость зарубежных активов «Газпрома» достигла 36 млрд долларов США, составив 13% от стоимости всех активов компании [10]. Государство контролирует более половины акций «Газпрома». В 2016 году компания поставила около 22 млрд кубометров газа за рубеж, то есть более половины годового объема добычи. Так как экспортная цена газа выше цены для внутреннего потребления, экспорт составляет почти три четверти выручки компании. «Газпром» представлен в большинстве европейских стран. Кроме того, компания работает в Африке, Северной и Южной Америке и Азии [26].

Председателем совета директоров «Газпрома» является Виктор Зубков, занимавший пост премьер-министра РФ в 2007—2008 годах. Тесную связь с правительством обеспечивали министр энергетики Алек-

сандр Новак и министр экономического развития Алексей Улюкаев⁵. Ни один из 11 членов совета директоров «Газпрома» не может считаться иностранцем в соответствии с определением, принятым в данной статье (см. разд. 1). При этом совет директоров имеет близкие контакты с президентом Казахстана. Один из членов совета директоров «Газпрома» ранее был советником казахского президента⁶. Дмитрий Патрушев, сын Николая Патрушева (он занимал пост главы ФСБ, а сейчас является секретарем Совета безопасности РФ), стал членом совета директоров «Газпрома» в 2016 году [27; 28]. Большинство членов совета директоров получили образование в России, преимущественно в ведущих вузах страны. Только один член совета директоров обучался за рубежом и имеет опыт работы в организации за пределами бывшего СССР. Около половины членов совета директоров жили, учились или работали в Санкт-Петербурге — родном городе президента РФ Владимира Путина.

Несмотря на огромную управленческую ответственность, средний возраст членов совета директоров всего 55 лет. Самому старшему члену совета 75 лет, а самому младшему 40. На начало 2017 года в совет директоров «Газпрома» не входила ни одна женщина [27].

«ЛУКойл» — вторая по величине транснациональная компания России. Впервые корпорация вышла на международный рынок в 1994 году, поучаствовав в азербайджанском нефтяном проекте. Сегодня компания представлена в 30 странах. В 2016 году 15 % добычи «ЛУКойла» осуществлялось за рубежом [29]. Иностранцы активы компании оцениваются более чем в 30 млрд долларов США и составляют 30 % от общей стоимости активов. Таким образом, корпорация ведет активную деятельность за рубежом и сильно зависит от нее [10].

Совет директоров «ЛУКойла» состоит из десяти членов. Двое директоров-россиян ранее занимали позицию заместителя министра энергетики СССР. Один из них, Вагит Алекперов, владеет 20 % компании. Правительство РФ представляет Игорь Иванов — министр иностранных дел РФ в 1998—2004 годах и секретарь Совета безопасности РФ в 2004—2007 годах.

Согласно отчету за 2015 год, члены совета директоров не имеют долгосрочного опыта обучения или работы за рубежом. Средний возраст составляет 70 лет, что необычно для стремительно развивающейся нефтегазовой отрасли. Председатель совета директоров в этом десятилетии отметит девяностолетний юбилей [29—31]. Подобная возрастная структура не ассоциируется с опытом и динамичным развитием.

---

⁵ В ноябре 2016 года Алексей Улюкаев был арестован по обвинению в коррупции [32]. Обвинения не имеют отношения к деятельности «Газпрома», а связаны с вымогательством взятки у представителя «Роснефти» [33].

⁶ Тимур Кулибаев — гражданин Казахстана. Он родился в г. Алма-Ата (Алматы) Казахской ССР. По определению, принятому в данной работе, он не является иностранцем. Кулибаев — зять президента Казахстана Нурсултана Назарбаева [34]. Кроме того, Александр Новак родился за пределами территории современной России, в Украинской ССР [26].

Иностранные граждане составляют 40 % членов совета директоров «ЛУКойла». Среди них два американца, один британец и один швейцарец. Примечательно, что лишь одного из них можно назвать отраслевым «тяжеловесом». По-видимому, опыт управления в нефтегазовой сфере не являлся ключевым критерием подбора членов совета директоров. Можно заключить, что роль иностранных членов совета директоров скорее контролирующая, нежели консультативная. Тем не менее иностранцы имеют обширные связи в предпринимательских кругах у себя на родине, будучи членами торговых палат, а также торгово-промышленных организаций, связанных с Россией. Таким образом, они могут влиять на образ России за рубежом. В совете директоров «ЛУКойла» всего одна женщина [31].

Несмотря на то что головной офис *Vimpelcom* расположен в Нидерландах, а его основной владелец зарегистрирован в Люксембурге, компания может считаться российской, так как ее контролирует второй номер национального списка *Forbes* Михаил Фридман [34]. Охват аудитории составляет 200 млн человек в 10 странах; 60 тыс. из них проживают в РФ. В 2014 году зарубежные активы *Vimpelcom* оценивались в 30 млрд долларов США, что составляет три четверти всех активов компании [10]. Анализируя впечатляющие результаты интернационализации компании, важно помнить, что деятельность *Vimpelcom* за рубежом началась в 2004 году с выхода на рынок Казахстана [35].

Пять из девяти членов совета директоров иностранцы, большинство из них скандинавы. Высокая доля представителей Северных стран объясняется тем, что значительной долей компании владеет норвежская *Telenor*. В совете директоров четверо россиян, в том числе председатель совета. Членом совета директоров является и Михаил Фридман.

Члены совета директоров *Vimpelcom* получили образование в ведущих вузах Европы и США. Формально большинство из них не имеет обширного опыта взаимодействия с правительствами России или других стран. Один член совета директоров работал в одном из норвежских министерств в конце 1970—1980-х годов, при этом его деятельность не имела отношения к сфере телекоммуникаций. Можно предположить, что, несмотря на отсутствие опыта работы в российском правительстве, миллиардер Михаил Фридман поддерживает тесные контакты с политическим руководством РФ.

Совет директоров *Vimpelcom* отличается молодостью его членов. Средний возраст составляет 53 года. Относительно молодой возраст руководителей может считаться преимуществом в динамично развивающейся сфере телекоммуникаций. На данный момент женщин среди членов совета директоров компании нет [36].

Компания «Роснефть» до 2000-х годов была ориентирована исключительно на внутренний рынок. Интернационализация корпорации была стремительной. Сегодня «Роснефть» представлена в 20 странах [37]. Несмотря на заинтересованность руководства в расширении деятельности за пределами России, инвестиции за рубежом для такой крупной компании весьма скромны. Зарубежные активы «Роснефти» оцениваются в 10 млрд долларов США и составляют 6 % всех активов компании [10].

В совет директоров «Роснефти» входят девять членов, среди них нет ни одной женщины. Средний возраст составляет 60 лет. Четыре члена совета директоров иностранцы: трое — граждане США и один — гражданин Германии. Никто из российских членов совета директоров не обучался за границей, и только один имеет опыт работы за рубежом.

Очевидно, совет директоров имеет тесные контакты с президентом РФ, так как председатель является советником Владимира Путина. Кроме того, заместитель председателя Игорь Сечин возглавлял администрацию президента РФ в 2000—2008 годах, а также до 2012-го занимал пост вице-премьера. Кроме того, в совет директоров входит министр энергетики РФ. Влиятельные персоны — Андрей Акимов и Маттиас Варниг, управляющий директор компании *Nord Stream AG*. В совет директоров входит представитель BP и бывший топ-менеджер *Exxon Mobil* [38].

Уже десять лет «Евраз» управляется из Лондона. Несмотря на это, компания может считаться российской, так как 80 % ее акций владеют российские олигархи [34; 39]. «Евраз» начала деятельность за пределами бывшего СССР в 2005 году. Сегодня компания представлена в восьми странах — Канаде, Чехии, Италии, Казахстане, Швейцарии, Украине, Великобритании и США. На конец 2014 года зарубежные активы «Евраз» оценивались в 5 млрд долларов США, что составляло около половины всех активов компании [10]. Несмотря на то что основные месторождения, разрабатываемые «Евразом», находятся на территории России, значительный объем экспорта и высокая доля зарубежных активов делают компанию зависимой от внешних рынков.

В совете директоров «Евраз» восемь членов; их средний возраст — 57 лет. Государство не принимает участия в компании, и среди членов совета директоров нет высокопоставленных чиновников. То есть совет объединяет предпринимателей, а не наблюдателей, представляющих правительство. Из восьми членов совета трое иностранцы: двое британцев и один австриец. Среди членов совета лишь одна женщина [39].

«Совкомфлот» (СКФ) располагает 150 судами общей грузоподъемностью 12 млн тонн, 90 % которой приходится на нефтяные танкеры [40]. За рубежом находится 80 % активов СКФ. Следовательно, работа судов за рубежом под государственным флагом России играет ключевую роль в интернационализации «Совкомфлота» [10]. Вполне вероятно, что важным фактором здесь является налогообложение.

В совете директоров СКФ девять членов; их средний возраст составляет 59 лет. Председатель совета ранее являлся полномочным представителем Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. Еще три члена совета занимали посты заместителей министра в российском правительстве. Примечательно, что двое членов совета директоров СКФ входят также в совет «Зарубежнефти» — крупнейшего российского инвестора за рубежом. Все члены совета мужчины. Двое членов совета директоров иностранцы: один британец и один ливанец, имеющий широкие связи в предпринимательских кру-

гах США. Британец сотрудничал с Регистром Ллойда, а ливанец работал в конгломерате *Morgan Stanley*, что дает СКФ очевидное преимущество [41].

Интернационализация «Русала» началась в 2002 году, когда компания приобрела завод по производству алюминиевой фольги в Армении и рудники в Гвинее. Сегодня компания представлена в 12 странах: Армении, Австралии, Китае, Гвинее, Гайане, Ирландии, Италии, Ямайке, Казахстане, Нигерии, Швеции и Украине [42]. Зарубежные активы «Русала» оценивались в 3 млрд долларов США на конец 2014 года [10].

В совет директоров этой компании входят 18 человек, что в два раза больше, чем в других компаниях сопоставимого масштаба. Средний возраст членов совета — 53 года. Несмотря на то что металлургия считается «мужской» отраслью, в совет директоров входят четыре женщины, одна из них — гражданка зарубежного государства.

Ни один из членов совета директоров «Русала» не имеет опыта работы в российском правительстве. При этом некоторые иностранные члены совета занимали посты в правительственных структурах у себя на родине. Например, Филип Лэйдер — бывший заместитель руководителя администрации Белого дома, а Элси Льюнг — депутат Всекитайского собрания народных представителей. Влиятельной персоной является Маттиас Варниг — управляющий директор контролируемой «Газпромом» компании *Nord Stream AG*, а также член совета «Роснефти» и «Транснефти» [43].

«Российские железные дороги» (РЖД) занимаются перевозками в 30 странах Европы и Азии [44]. На конец 2014 года зарубежные активы РЖД составляли 3 млрд долларов США, или 4% всех активов компании [10].

Совет директоров включает в себя 12 человек. Возглавляет его заместитель председателя правительства РФ. Кроме того, два члена совета занимали посты заместителей министра, а один — премьер-министра РФ. То есть более половины членов совета директоров РЖД имеют опыт работы в правительстве. Тем не менее средний их возраст составляет 52 года. Среди членов совета директоров РЖД нет ни одной женщины.

Несколько членов совета учились в ведущих университетах мира, в том числе Гарвардской школе бизнеса, Стэнфордском университете и Уортонской школе бизнеса. Несмотря на то что некоторые члены совета обучались и работали за рубежом, международный опыт совета в целом можно считать ограниченным.

Единственный иностранный член совета директоров РЖД — немец Хартмут Медорн, до мая 2009 года был главным исполнительным директором *Deutsche Bahn* — крупнейшей железнодорожной компании Германии. Х. Медорн — самый возрастной член совета директоров РЖД, в июле 2017 года ему исполнилось 75 лет [45].

ТМК — частная компания, производящая стальные трубы. В 2016 году экспорт составлял 30% общей выручки компании. В 2006-м ТМК запустила производство в Румынии. Сегодня компания представлена в

Канаде, Казахстане, Омане, Румынии и США [46]. Зарубежные активы ТМК оценивались в 2,5 млрд долларов США на конец 2014 года, что составляло 40% всех активов компании [10].

В совете директоров ТМК 12 человек. Средний их возраст — 55 лет. Женщины в совете не представлены. Если принять, что основным критерием для получения места в совете директоров ТМК является профессионализм, то стоит отметить, что два его члена в свое время занимали посты министров РФ. Это влиятельные персоны с обширным предпринимательским опытом: один из них — президент Российского союза промышленников и предпринимателей, а второй — глава «Роснано».

Среди членов совета директоров ТМК двое иностранцев, оба уроженцы США со значительным опытом ведения бизнеса в России. Один из них работал в пресс-службе казначейства США [47].

Компания «Зарубежнефть» представлена в Беларуси, Боснии и Герцеговине, Кубе и Вьетнаме [48]. На конец 2014 года зарубежные активы предприятия оценивались в 2,4 млрд долларов США, что составляло две трети всех его активов. Зарубежная деятельность имеет стратегическую значимость для компании [10].

В совете директоров семь человек. Председатель совета занимал высокий пост в ФСБ, что может объяснить отсутствие иностранцев среди членов совета. Однако они имеют опыт работы в правительстве РФ и нефтяной отрасли. Некоторые из них получили образование в ведущих вузах России и Западной Европы. Несмотря на современную структуру управления и сравнительно молодой возраст членов совета (приблизительно 55 лет), деятельность «Зарубежнефти» до сих пор находится вне публичного поля [49].

Численный состав советов директоров 10 крупнейших нефинансовых организаций, инвестирующих за рубежом, варьируется от 7 до 18 человек, в среднем составляя 10,5 человек. В самом молодом совете директоров средний возраст составляет 52 года (РЖД), а в самом возрастном — 70 лет («ЛУКОЙЛ»). Стоит отметить, что возраст иностранных членов советов — 62 года — обычно превышает средний показатель. Выбирая более возрастных членов советов, российские корпорации пользуются преимуществом их опыта. Но остается открытым вопрос: могут ли более зрелые лица обеспечить нужный динамизм и внедрить новые управленческие решения?

В трех из десяти крупнейших фирм России, инвестирующих за рубежом, в состав советов директоров входят женщины. Их всего шесть: три из них — гражданки России и три — зарубежных государств. Женщины составляют 5% от числа членов советов директоров крупнейших инвесторов. При рассмотрении 50 крупнейших корпораций РФ доля женщин возрастает лишь до 6% [25]. Можно заключить, что интернационализация российских компаний не повышает шансы женщин на членство в совете директоров. Напрашивается вывод о том, что предпринимательская среда в стране остается весьма маскулинной. При этом гендерное неравенство в России не является чем-то вопиющим на глобальном уровне.

4. Обсуждение

Советы директоров 10 крупнейших российских компаний, инвестирующих за рубежом, более интернациональны, чем это может показаться на первый взгляд: 30% членов советов — иностранцы, рожденные за пределами бывшего СССР⁷. По 50 крупнейшим российским корпорациям данный показатель достигает лишь 20% [25]. Такой вывод согласуется с результатами, полученными группой исследователей [24], которые утверждают, что существует взаимосвязь между деятельностью в сфере ПИИ и иностранным участием в совете директоров. Чтобы установить, что первично — инвестиции за рубежом или интернационализация совета директоров, — следует проанализировать хронологию появления иностранных членов совета директоров и заключения крупных инвестиционных сделок. Не вызовет большого удивления вывод о том, что ПИИ предшествуют интернационализации совета директоров, а не наоборот.

В данном исследовании проводится мысль, что иностранные члены советов директоров крупных российских компаний осуществляют как контролирующие, так и консультативные функции. Другими словами, они выступают в качестве «надзирателей», присланных иностранными владельцами, или советников российских владельцев. Кроме того, имея опыт работы в правительствах своих стран, зарубежные члены советов директоров могут внести вклад в налаживание неофициального диалога между Россией и иностранными правительствами, а также выступать в роли представителей компании за пределами РФ. Тем не менее широкое участие силовиков в управлении некоторыми из рассмотренных корпораций ставит под сомнение возможность подобного диалога. Естественно, данный аспект также требует дальнейшего изучения. Среди 10 крупнейших предприятий России, инвестирующих за рубежом, есть компании с государственным участием и без него. Таким образом, отраслевая принадлежность предприятия оказывает более значительное влияние на деятельность в сфере ПИИ, чем особенности корпоративного управления.

На долю женщин приходится около 5% мест в советах директоров исследованных компаний. Примерно такова же их доля и в 50 крупнейших корпорациях России [25]. Таким образом, интернационализация российских компаний не приводит к более широкому участию женщин в советах директоров. Данный показатель не изменился за последние пять лет [16]⁸.

⁷ Доля иностранцев оставалась неизменной в 2008—2016 годах [14].

⁸ В 2015 году доля женщин в 3 тыс. обследованных глобальных компаний была в три раза выше, чем в России, составив 15% [49].

Две трети иностранных членов советов директоров — граждане США, Великобритании и Германии. Граждане Китая все еще редко входят в советы директоров российских компаний. Интересной темой исследования может стать изменение доли китайцев в этих структурах.

Автор выражает благодарность проф. Алексею Кузнецову за ценные комментарии к статье, а также Фонд экономического образования (Liikesivistysrahasto) за финансовую поддержку (грант 8-4699).

Список литературы

1. *Small and Medium Entrepreneurship in Russia* // EIB. URL: <http://www.eib.org/infocentre/publications/all/econ-study-small-and-medium-entrepreneurship-in-russia.htm> (дата обращения: 24.02.2017).
2. *FDI flows and stocks* // OECD Factbook 2010: Economic Environmental and Social Statistics. URL: <http://www.oecd-ilibrary.org/sites/factbook-2010-en/03/02/01/index.html?itemId=/content/chapter/factbook-2010-28-en> (дата обращения: 13.02.2017).
3. *Foreign Currency Market* // Central Bank of Russia. URL: http://www.cbr.ru/eng/currency_base/ (дата обращения: 13.09.2017).
4. *Foreign direct investment* // UNCTADstat. URL: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (дата обращения: 24.08.2017).
5. *Average annual Brent crude oil price from 1976 to 2017 (in U. S. dollars per barrel)* // Statista URL: <https://www.statista.com/statistics/262860/uk-brent-crude-oil-price-changes-since-1976/> (дата обращения: 24.8.2017).
6. *Russian Direct Investment Abroad: Stocks Broken Down by Instrument and Country (directional principle)* // Central Bank of Russia. URL: <http://www.cbr.ru/Eng/statistics/?PrId=svs> (дата обращения: 26.08.2017).
7. *Liuhto K. T., Majuri S. S. Outward Foreign Direct Investment from Russia: A Literature Review* // Journal of East Business. 2014. Vol. 20, № 4. P. 198—224.
8. *Teravcevic S. The motives of Russian state-owned companies for outward foreign direct investment and its impact on state-company cooperation: observations concerning the energy sector* // Transnational Corporations. 2015. Vol. 23, № 1. P. 29—58.
9. *Liuhto K. Does Ownership Matter in an OFDI Decision of a Russian Firm?: The Case of Russia's 10 Largest Investors Abroad, The Russian Economy and Foreign Direct Investment* / ed. by K. Liuhto, S. Sutyryn, J-M. F. Blanchard. Routledge ; L. ; N. Y., 2017. P. 248—265.
10. *Kuznetsov A. Foreign Investments of Russian Companies: Competition with West European and East Asian Multinationals* // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2016. Vol. 86, № 2. P. 77—85.
11. *Эксперт 400 — рейтинг ведущих российских компаний* // Expert. URL: http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2014-po-ob_emu-realizatsii-produktsii/ (дата обращения: 13.2.2017).
12. *Bank of Finland (2017). Russia statistics.* URL: <https://www.bofit.fi/en/monitoring/statistics/russia-statistics/> (дата обращения: 24.08.2017).
13. *Merriam S. Qualitative research: A guide to design and implementation (Revised and expanded from 'Qualitative research and case study applications in education')*. Hoboken, NJ, 2009.
14. *Ruzhanskaya L. S. Razvitie soveta direktorov kak vnutrennego mehanizma korporativnogo upravleniya* // Korporativnye Finansy. 2007. № 4. P. 14—33.
15. *Kuznetsov A., Chetverikova A. Russian multinationals continue their outward expansion in spite of the global crisis.* URL: http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/Russia_2009.pdf (дата обращения: 01.09.2017).

16. *Kuznetsov A.* Global Expansion of Russian Multinationals after the Crisis: Results of 2011. URL: http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/Russia_2013.pdf (дата обращения: 01.09.2017).
17. *Sanders W. M. G., Carpenter M. A.* Internationalization and firm governance: The roles of CEO compensation, top team composition, and board structure // *Academy of Management Journal*. 1998. Vol. 41, №2. P. 158—178.
18. *Sherman H. D., Kashlak R. J., Joshi M. P.* The effects of the board and executive committee characteristics on the degree of internationalization // *Journal of International Management*. 1998. Vol. 4, №4. P. 311—335.
19. *Lien Y.-C., Piesse J., Strange R., Filatotchev I.* The role of corporate governance in FDI decisions: evidence from Taiwan // *International Business Review*. 2005. Vol. 14, №6. P. 739—763.
20. *Datta D. K., Musteen M., Herrmann P.* Board Characteristics, Managerial Incentives and the Choice Between Foreign Acquisitions and International Joint Ventures // *Journal of Management*. 2009. Vol. 35, №4. P. 928—953.
21. *Majocchi A., Strange R.* International Diversification: The Impact of Ownership Structure, the Market for Corporate Control and Board Independence // *Management International Review*. 2012. Vol. 52, №6. P. 879—900.
22. *Barroso C., Villegas M., Perez-Calero L.* Board Influence on a Firm's Internationalization // *Corporate Governance: An International Review*. 2011. Vol. 19, №4. P. 351—367.
23. *Masulis R. W., Wang C., Xie F.* Globalizing the boardroom — The effects of foreign directors on corporate governance and firm performance // *Journal of Accounting and Economics*. 2012. Vol. 53, №3. P. 527—554.
24. *Oxelheim L., Gregoric A., Randoy T., Thomsen S.* On the internationalization of corporate boards: The case of Nordic firms // *Journal of International Business Studies*. 2013. Vol. 44, №3. P. 173—194.
25. *Liuhto K.* Foreign board members in Russia's largest corporations: A special emphasis on the country's 10 biggest firms investing abroad, St. Petersburg University // *Journal of Economics Studies*. 2017. Vol. 33, №3. P. 452—471.
26. *Marketing* // Gazprom. URL: <http://www.gazprom.com/about/marketing/> (дата обращения: 13.09.2017).
27. *Board of Directors* // Gazprom. URL: <http://www.gazprom.com/about/management/directors/> (дата обращения: 13.02.2017).
28. *Grey S., Kuzmin A., Piper E.* Putin's daughter, a young billionaire and the president's friends // *Reuters*. 10.11.2015. URL: <http://ru.Reuters.com> (дата обращения: 13.02.2017).
29. *2016 Annual Report* // Lukoil. URL: <http://www.lukoil.com/InvestorAndShareholderCenter/ReportsAndPresentations/AnnualReports> (дата обращения: 13.09.2017).
30. *2015 Annual Report* // Lukoil. URL: <http://www.lukoil.com/InvestorAndShareholderCenter/ReportsAndPresentations/AnnualReports> (дата обращения: 19.02.2017).
31. *Board of Directors* // Lukoil. URL: <http://www.lukoil.com/Company/CorporateGovernance/BoardofDirectors> (дата обращения: 19.02.2017).
32. *Corruption charges against a minister signal rising tensions in Russia's elite* // *The Economist* 19.11.2016. URL: <http://www.economist.com/news/europe/21710197-corruption-charges-against-minister-signal-rising-tensions-russias-elite> (дата обращения: 13.02.2016).

33. *Pigman L.* Russian Ex-Minister Accuses Putin Ally of Framing Him // The New York Times 16.8.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/08/16/world/europe/russia-trial-ulyukayev-sechin.html?mcubz=0> (дата обращения: 13.09.2017).
34. *The World's Billionaires* // Forbes. URL: <http://www.forbes.com/profile/timur-kulibaev/> (дата обращения: 19.02.2017).
35. *Annual Report 2015* // VimpelCom. URL: <https://www.vimpelcom.com/Investor-relations/Reports--results/Annual-reports/> (дата обращения: 19.02.2017).
36. *Supervisory Board*. VimpelCom. URL: <https://www.vimpelcom.com/profile/Leadership/Supervisory-board/> (дата обращения: 19.02.2017).
37. *Ros neft Annual Report 2015* // Rosneft. URL: https://www.rosneft.com/Investors/Reports_and_presentations/Annual_reports/ (дата обращения: 19.02.2017).
38. *Board of directors* // Rosneft. URL: <https://www.rosneft.com/governance/board/> (дата обращения: 19.02.2017).
39. *Board of directors* // Evraz. URL: <http://www.evraz.com/governance/directors/> (дата обращения: 19.02.2017).
40. *Annual Report 2015* // Sovcomflot. URL: <http://www.scf-group.com/en/investors/annualreport/> (дата обращения: 19.02.2017).
41. *Board of Directors* // Sovcomflot. URL: http://www.scf-group.com/en/investors/corporate_governance/boardofdirectors/ (дата обращения: 19.02.2017).
42. *Facts and Figures* // Rusal. URL: <http://www.rusal.ru/en/about/facts/> (дата обращения: 25.02.2017).
43. *Board of Directors* // Rusal. URL: http://www.rusal.ru/en/investors/corp_management/board_of_directors/ (дата обращения: 25.02.2017).
44. *Russian Railways*. URL: <http://eng.rzd.ru/> (дата обращения: 25.02.2017).
45. *Board of Directors*. Russian Railways. URL: http://eng.rzd.ru/statice/public/en?STRUCTURE_ID=174&layer_id=4516&refererLayerId=4518&id=2423 (дата обращения: 25.02.2017).
46. *ТМК*. URL: <https://report2016.tmk-group.ru/?/en/17-tmk-s-market-position> (дата обращения: 13.09.2017).
47. *Board of Directors* // ТМК. URL: <http://report2015.tmk-group.ru/en/0704.html> (дата обращения: 25.02.2017).
48. *Zarubezhneft*. URL: <http://www.zarubezhneft.ru/en/> (дата обращения: 26.02.2017).
49. *Board of Directors* // Zarubezhneft. URL: http://www.zarubezhneft.ru/en/about_company/corporate_governance/ (дата обращения: 26.02.2017).
50. *Women On Corporate Boards Globally* // Catalyst. URL: <http://www.catalyst.org/knowledge/women-corporate-boards-globally> (дата обращения: 01.09.2017).

Об авторе

Кари Лиухто, профессор, Школа экономики, Университет г. Турку, Финляндия.

Email: Kari.Liuhto@utu.fi

Для цитирования:

Лиухто К. Роль иностранных граждан в советах директоров десяти крупнейших нефинансовых предприятиях России, инвестирующих за рубежом // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 45—68. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-3.

FOREIGN NATIONALS ON THE BOARDS
OF DIRECTORS OF RUSSIA'S TEN LARGEST
NON-FINANCIAL COMPANIES INVESTING OVERSEAS

K. Liuhto¹

¹ University of Turku
3 Rehtorinpellonkatu, Turku, 20500 Finland

Submitted on March 15, 2017

This author analyses the international membership of the boards of directors of Russia's ten largest outbound investors. The data used in the study come from the companies' annual reports and official websites. The information is correct as of February 2017. It is concluded that foreign nationals hold 30% of board seats in Russia's ten largest non-financial companies investing abroad. US, British, and German nationals comprise two-thirds of foreign nationals on the boards of directors. Among the 30 foreign holders of board seats, there is only one citizen of China. Women account for five percent of directors in Russia's ten largest investors overseas. The proportion of female directors in Russia's 50 largest corporations is similar. This suggests that internationalisation of Russian companies has not improved the chances for women to enter boards of directors.

Key words: boards of directors, Russia's top multinational corporations, women on boards of directors, corporate governance, Russian FDI abroad

References

1. Small and Medium Entrepreneurship in Russia, *EIB*, available at: <http://www.eib.org/infocentre/publications/all/econ-study-small-and-medium-entrepreneurship-in-russia.htm> (accessed 24.02.2017).
2. FDI flows and stocks, *OECD Factbook 2010: Economic Environmental and Social Statistics*, available at: <http://www.oecd-ilibrary.org/sites/factbook-2010-en/03/02/01/index.html?itemId=/content/chapter/factbook-2010-28-en> (accessed 13.02.2017).
3. Foreign Currency Market, *Central Bank of Russia*, available at: http://www.cbr.ru/eng/currency_base/ (accessed 13.09.2017).
4. Foreign direct investment, *UNCTADstat*, available at: <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx> (accessed 24.08.2017).
5. Average annual Brent crude oil price from 1976 to 2017 (in U. S. dollars per barrel), *Statista*, available at: <https://www.statista.com/statistics/262860/uk-brent-crude-oil-price-changes-since-1976/> (accessed 24.8.2017).
6. Russian Direct Investment Abroad: Stocks Broken Down by Instrument and Country (directional principle), *Central Bank of Russia*, available at: <http://www.cbr.ru/Eng/statistics/?PrtId=svs> (accessed 26.08.2017).
7. Liuhto, K. T., Majuri, S. S. 2014, Outward Foreign Direct Investment from Russia: A Literature Review, *Journal of East Business*, Vol. 20, no. 4. P. 198—224.

8. Tepavcevic S. The motives of Russian state-owned companies for outward foreign direct investment and its impact on state-company cooperation: observations concerning the energy sector // *Transnational Corporations*. 2015. Vol. 23, no. 1, p. 29—58.
9. Liuhto, K. 2017, Does Ownership Matter in an OFDI Decision of a Russian Firm?: The Case of Russia's 10 Largest Investors Abroad. In: Liuhto, K., Sutyryn, S., Blanchard, J-M. F. (eds.) *The Russian Economy and Foreign Direct Investment*, Routledge, London and New York, p. 248—265.
10. Kuznetsov, A. 2016, Foreign Investments of Russian Companies: Competition with West European and East Asian Multinationals, *Herald of the Russian Academy of Sciences*, Vol. 86, no. 2, p. 77—85.
11. Expert 400 — rating of leading Russian companies, *Expert*, available at: http://expert.ru/ratings/rejting-krupnejshih-kompanij-rossii-2014-po-ob_emu-realizat-sii-produktsii/ (accessed 13.2.2017). (in Russ.)
12. *Bank of Finland*, 2017, Russia statistics, available at: <https://www.bofit.fi/en/monitoring/statistics/russia-statistics> (accessed 24.08.2017).
13. Merriam, S. 2009, *Qualitative research: A guide to design and implementation (Revised and expanded from 'Qualitative research and case study applications in education')*, Hoboken, NJ.
14. Ruzhanskaya, L. S. 2007, Development of the Board of Directors as an internal mechanism of corporate governance, *Korporatynnye Finansy* [Corporate finance], no. 4, p. 14—33. (in Russ.)
15. Kuznetsov, A., Chetverikova, A. 2009, Russian multinationals continue their outward expansion in spite of the global crisis, available at: http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/Russia_2009.pdf (accessed 01.09.2017).
16. Kuznetsov, A. 2013, Global Expansion of Russian Multinationals after the Crisis: Results of 2011, available at: http://ccsi.columbia.edu/files/2013/10/Russia_2013.pdf (accessed 01.09.2017).
17. Sanders, W. M. G., Carpenter, M. A. 1998, Internationalization and firm governance: The roles of CEO compensation, top team composition, and board structure, *Academy of Management Journal*, Vol. 41, no. 2, p. 158—178.
18. Sherman, H. D., Kashlak, R. J., Joshi, M. P. 1998, The effects of the board and executive committee characteristics on the degree of internationalization, *Journal of International Management*, Vol. 4, no. 4, p. 311—335.
19. Lien, Y.-C., Piesse, J., Strange, R., Filatotchev, I. 2005, The role of corporate governance in FDI decisions: evidence from Taiwan, *International Business Review*, Vol. 14, no. 6, p. 739—763.
20. Datta, D. K., Musteen, M., Herrmann, P. 2009, Board Characteristics, Managerial Incentives and the Choice Between Foreign Acquisitions and International Joint Ventures, *Journal of Management*, Vol. 35, no. 4, p. 928—953.
21. Majocchi, A., Strange, R. 2012, International Diversification: The Impact of Ownership Structure, the Market for Corporate Control and Board Independence, *Management International Review*, Vol. 52, no. 6, p. 879—900.
22. Barroso, C., Villegas, M., Perez-Calero, L. 2011, Board Influence on a Firm's Internationalization, *Corporate Governance: An International Review*, Vol. 19, no. 4, p. 351—367.
23. Masulis, R. W., Wang, C., Xie, F. 2012, Globalizing the boardroom — The effects of foreign directors on corporate governance and firm performance, *Journal of Accounting and Economics*, Vol. 53, no. 3, p. 527—554.

24. Oxelheim, L., Gregoric, A., Randoy, T., Thomsen, S. 2013, On the internationalization of corporate boards: The case of Nordic firms, *Journal of International Business Studies*, Vol. 44, no. 3, p. 173—194.

25. Liuhto, K. 2017, Foreign board members in Russia's largest corporations: A special emphasis on the country's 10 biggest firms investing abroad, St. Petersburg University, *Journal of Economics Studies*, Vol. 33, no. 3, p. 452—471.

26. Marketing, *Gazprom*, available at: <http://www.gazprom.com/about/marketing/> (accessed 13.09.2017).

27. Board of Directors, *Gazprom*, available at: <http://www.gazprom.com/about/management/directors/> (accessed 13.02.2017).

28. Grey, S., Kuzmin, A., Piper, E. 2015, Putin's daughter, a young billionaire and the president's friends, *Reuters*, 10.11.2015 (accessed 13.02.2017).

29. 2016 Annual Report, *Lukoil*, available at: <http://www.lukoil.com/InvestorAndShareholderCenter/ReportsAndPresentations/AnnualReports> (accessed 13.09.2017).

30. 2015 Annual Report, *Lukoil*, available at: <http://www.lukoil.com/InvestorAndShareholderCenter/ReportsAndPresentations/AnnualReports> (accessed 19.02.2017).

31. Board of Directors, *Lukoil*, available at: <http://www.lukoil.com/Company/CorporateGovernance/BoardofDirectors> (accessed 19.2.2017).

32. Corruption charges against a minister signal rising tensions in Russia's elite, 2016, *The Economist*, 19.11.2016, available at: <http://www.economist.com/news/europe/21710197-corruption-charges-against-minister-signal-rising-tensions-russias-elite> (accessed 13.02.2016).

33. Pigman, L. 2017, Russian Ex-Minister Accuses Putin Ally of Framing Him, *The New York Times*, 16.8.2017, available at: <https://www.nytimes.com/2017/08/16/world/europe/russia-trial-ulyukayev-sechin.html?mcubz=0> (accessed 13.09.2017).

34. The World's Billionaires, *Forbes*, 2017, available at: <http://www.forbes.com/profile/timur-kulibaev/> (accessed 19.02.2017).

35. Annual Report 2015, *VimpelCom*, available at: <https://www.vimpelcom.com/Investor-relations/Reports--results/Annual-reports/> (accessed 19.02.2017).

36. Supervisory Board, *VimpelCom*, available at: <https://www.vimpelcom.com/profile/Leadership/Supervisory-board/> (accessed 19.02.2017).

37. Rosneft Annual Report 2015, *Rosneft*, available at: https://www.rosneft.com/Investors/Reports_and_presentations/Annual_reports/ (accessed 19.02.2017).

38. Board of directors, *Rosneft*, available at: <https://www.rosneft.com/governance/board/> (accessed 19.02.2017).

39. Board of directors, *Evrax*, available at: <http://www.evrax.com/governance/directors/> (accessed 19.02.2017).

40. Annual Report 2015, *Sovcomflot*, available at: <http://www.scf-group.com/en/investors/annualreport/> (accessed 19.02.2017).

41. Board of Directors, *Sovcomflot*, available at: http://www.scf-group.com/en/investors/corporate_governance/boardofdirectors/ (accessed 19.2.2017).

42. Facts and Figures, *Rusal*, available at: <http://www.rusal.ru/en/about/facts/> (accessed 25.02.2017).

43. Board of Directors, *Rusal*, available at: http://www.rusal.ru/en/investors/corp_management/board_of_directors/ (accessed 25.02.2017).

44. Russian Railways, available at: <http://eng.rzd.ru/> (accessed 25.02.2017).

45. Board of Directors. Russian Railways, available at: http://eng.rzd.ru/static/public/en?STRUCTURE_ID=174&layer_id=4516&refererLayerId=4518&id=2423 (accessed 25.02.2017).

46. TMK, available at: <https://report2016.tmk-group.ru/?/en/17-tmk-s-market-position> (accessed 13.09.2017).

47. Board of Directors, *TMK*, available at: <http://report2015.tmk-group.ru/en/0704.html> (accessed 25.02.2017).

48. Zarubezhneft, available at: <http://www.zarubezhneft.ru/en/> (accessed 26.02.2017).

49. Board of Directors, Zarubezhneft, available at: http://www.zarubezhneft.ru/en/about_company/corporate_governance/ (accessed 26.02.2017).

50. Women On Corporate Boards Globally, Catalyst, available at: <http://www.catalyst.org/knowledge/women-corporate-boards-globally> (accessed 01.09.2017).

The author

Prof Kari Liuhto, Turku School of Economics, University of Turku, Finland.

E-mail: Kari.Liuhto@utu.fi

To cite this article:

Liuhto K. Foreign nationals on the Boards of Directors of Russia's Ten Largest Non-Financial Companies Investing Overseas, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 45—68. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-3.

МИЛЛИАРДЕРЫ И МИЛЛИОНЕРЫ БАЛТИЙСКОГО РЕГИОНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ БИЗНЕС-ЭЛИТ

А. Б. Рахманов¹

Бизнес-элиты стран Балтийского региона являются одним из ключевых субъектов их развития, определяющих настоящее и будущее государств. Они образуют составную часть транснационального капиталистического класса, возникшего на основе глобальной экономики и всемирного разделения труда. Используя значительный статистический материал, автор осуществляет сравнительный анализ миллиардеров и миллионеров стран Балтийского региона. Рассматриваются такие характеристики бизнес-элит, как численность, размеры совокупного богатства, гендерный состав, среднее количество детей, территориальное размещение, глобальная мобильность, отраслевая специализация, олигархичность и др. Отмечается, что сильные стороны бизнес-элиты Германии — высокий уровень богатства, многочисленность и значительная укорененность в немецком обществе, высокая доля женщин, относительно равномерное расселение на всей территории страны, значительная индустриально-технологическая ориентация, низкий уровень олигархичности; слабые — низкая доля тех, кто разбогател только собственными силами, и невысокая одаренность. Как сильные стороны бизнес-элиты России отмечаются значительный объем богатства, относительная молодость, значительная доля тех, кто разбогател исключительно собственными силами, и высокий уровень одаренности; как слабые — малочисленность и незначительная укорененность в обществе, чрезмерное преобладание мужчин, сверхконцентрация в Москве, финансово-сырьевая ориентация и высокий уровень олигархичности.

---

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 11.07.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-4

© Рахманов А. Б., 2017

Ключевые слова: Балтийский регион, глобальный капитализм, капиталистический класс, бизнес-элита, миллиардеры, миллионеры, олигархия, человек, который сам себя сделал, одаренность, Россия, Германия

Настоящее и будущее стран Балтийского региона, их экономическое и политическое развитие во многом зависят от их бизнес-элит. Сообщество крупнейших и крупных предпринимателей является одним из важнейших субъектов общественной жизни государств и вместе с тем составной частью транснационального капиталистического класса [13; 20; 21]. Бизнес-элиты мы в данном случае понимаем как высший слой капиталистического класса, относя к нему долларовых миллиардеров и миллионеров и оставляя за пределами исследования предпринимателей с капиталами на сумму до 1 млн дол. В центре нашего внимания будут бизнес-элиты России, Германии, Швеции, Дании, Польши, Финляндии и — в меньшей степени в силу отсутствия миллиардеров — Латвии, Литвы, Эстонии. Мы предпримем в настоящей статье попытку исследовать основные характеристики бизнес-элит стран Балтийского региона — их численность, совокупное богатство, гендерную композицию, среднее количество детей, отраслевую специализацию, территориальное размещение, глобальную мобильность, олигархичность и одаренность. При этом мы будем опираться на эмпирический анализ статистических исследований, касающихся миллиардеров и миллионеров.

Наш интерес в первую очередь вызывают миллиардеры стран Балтийского региона. Мы располагаем возможностью их исследования благодаря соответствующим рейтингам. В мире существует два содержательных рейтинга миллиардеров — известный рейтинг американского журнала *Forbes* и менее знакомый широкой общественности рейтинг китайского исследовательского института *Hurun*. Первый из них составляет рейтинги миллиардеров мира с 1987 года, второй — с 2015-го. Эти рейтинги предоставляют многообразную информацию о супербогачах: о размере их богатства, поле, возрасте, национальности (гражданстве) и т. д. Между названными рейтингами есть отличия, которые связаны и с разностью методик подсчета, и с предметом исследования: в частности, *Forbes* указывает национальность миллиардеров, а *Hurun* — страну постоянного проживания.

Численность и совокупное богатство миллиардеров. Рассмотрим данные о численности и совокупном богатстве миллиардеров Балтийского региона, подсчитанные нами на основе рейтингов *Forbes* и *Hurun* (табл. 1) [23; 30]. Страны ранжированы по численности миллиардеров в рейтинге *Hurun*.

Таблица 1

**Миллиардеры стран Балтийского региона
и их совокупное богатство в 2017 году**

Мир, страна	Количество миллиардеров, чел.		Совокупное богатство миллиардеров, млрд дол.	
	по <i>Forbes</i>	по <i>Hurun</i>	по <i>Forbes</i>	по <i>Hurun</i>
Мир	2043	2257	7670	8010
Германия	114	109	467,8	237,7
Россия	96	68	386,3	261
Швеция	31	17	117,5	102

Окончание табл. 1

Мир, страна	Количество миллиардеров, чел.		Совокупное богатство миллиардеров, млрд дол.	
	по <i>Forbes</i>	по <i>Hurun</i>	по <i>Forbes</i>	по <i>Hurun</i>
Дания	6	14	38,6	39,4
Финляндия	7	4	12,9	6
Польша	4	3	9,9	9

Как видим, в 2017 году в Балтийском регионе главным центром капиталистического накопления была Германия, лидировавшая и по численности миллиардеров, и по их совокупному богатству. Россия по обеим позициям удерживала второе место. Эти две страны можно назвать капиталистическими гигантами Балтийского региона. Им значительно уступает поднявшаяся на третье место Швеция — единственная средняя капиталистическая держава региона. От нее значительно отстают малые капиталистические державы — Финляндия, Дания и Польша. Здесь показания рейтингов начинают расходиться: согласно *Forbes*, миллиардеров чуть больше было в Финляндии; согласно *Hurun* — их было значительно больше в Дании, чем в Финляндии. Но по совокупному богатству оба рейтинга миллиардеров Дании ставят выше, нежели финских. Не располагающие миллиардерами Эстония, Латвия и Литва могут быть охарактеризованы как сверхмалые капиталистические страны региона.

Большой интерес представляет рассмотрение места миллиардеров региона в их мировом сообществе. Приведем данные о динамике доли миллиардеров стран Балтийского региона в численности миллиардеров мира (табл. 2) и доли их богатства в общей массе богатства миллиардеров мира (табл. 3) в 2000—2017 годах [30].

Таблица 2

Динамика доли численности миллиардеров стран Балтийского региона в численности миллиардеров мира в 2000—2017 годах, %

Мир, страна	2000	2005	2010	2013	2016	в 2017
Мир	100	100	100	1426	1810	100
Германия	13,04	8,25	5,24	4,07	6,63	5,58
Россия	0,00	3,91	6,13	7,71	4,25	4,70
Швеция	1,55	1,30	0,99	0,98	1,44	1,52
Финляндия	0,00	0,00	0,1	0,07	0,33	0,34
Дания	0,62	0,43	0,20	0,42	0,33	0,29
Польша	0,00	0,29	0,40	0,28	0,17	0,20
<i>Шесть стран региона, всего</i>	15,22	14,18	13,06	13,53	13,15	12,63

Таблица 3

Динамика доли совокупного богатства миллиардеров стран Балтийского региона в совокупном богатстве миллиардеров мира в 2000—2017 годах, %

Мир, страна	2000	2005	2010	2013	2016	2017
Мир	100	100	100	100	100	100
Германия	12,16	9,57	6,10	5,45	7,24	6,10
Россия	—	4,05	7,43	7,86	4,36	5,04
Швеция	2,03	2,76	2,35	1,63	1,73	1,53
Финляндия	—	—	0,04	0,06	0,15	0,17
Дания	0,46	0,51	0,14	0,34	0,45	0,50
Польша	—	0,09	0,18	0,18	0,12	0,13
<i>Шесть стран региона, всего</i>	14,65	16,98	16,23	15,52	13,90	13,47

Мы видим, что положение миллиардеров стран Балтийского региона в целом внутри их мирового сообщества в начале XXI века несколько ухудшилось и по численности, и по богатству. Особенно это касается супербогачей Германии. Численность и капиталы миллиардеров России быстро росли, но после 2013 года позиции российских супербогачей стали стремительно ухудшаться. Отметим стабильное положение шведских миллиардеров по численности и ослабление по богатству. Позиции финских, датских и польских миллиардеров усиливались или ослабевали, но при этом они неизменно оставались едва заметными внутри мирового сообщества миллиардеров.

Численность миллионеров. Рассмотрим численность более массового слоя бизнес-элит стран Балтийского региона — миллионеров, то есть лиц с состояниями на сумму свыше 1 млн дол. Мы можем судить об этом, в частности, по информации, содержащейся в докладах британской консалтинговой фирмы *Knight Frank* (табл. 4). К сожалению, у нас нет информации о совокупном богатстве этого слоя национальных бизнес-элит. Страны ранжированы по численности миллионеров в 2016 году (в порядке убывания).

Таблица 4

Численность (тыс. чел.) миллионеров стран Балтийского региона и ее отношение (%) к численности миллионеров мира в 2005—2016 годах [27, р. 64—67]

Мир, страна	2005		2014		2016	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Мир	13255,2	100	13606,1	100	13645,4	100
Германия	508,6	3,84	849,5	6,24	774,6	5,68
Россия	43,1	0,33	133,7	0,98	132,0	0,97

Мир, страна	2005		2014		2016	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
Швеция	66,7	0,50	119,6	0,88	112,5	0,82
Дания	49,2	0,37	71,2	0,52	73,3	0,54
Финляндия	32,6	0,25	50,2	0,37	48,2	0,35
Польша	18,2	0,14	43,6	0,32	45,3	0,33
Литва	1,1	0,008	2,7	0,019	2,9	0,021
Латвия	0,8	0,006	1,7	0,012	1,9	0,013
Эстония	0,8	0,006	1,7	0,012	1,9	0,013
<i>Девять стран региона, всего</i>	721,1	5,44	1273,9	9,36	1192,6	8,74

Мы обнаруживаем, что во всех странах Балтийского региона, кроме России, доля миллионеров в общей массе миллионеров мира сопоставима с долей миллиардеров в общей массе миллиардеров мира, тогда как в России первая значительно уступает второй. Например, в 2016 году численность немецких миллиардеров составляла 6,63% от мировой, а немецких миллионеров — 5,68%. Для России эти показатели были равны 4,25 и 0,97% соответственно. В Германии миллионеры составляли 0,95% населения (774 тыс. vs. 81 млн человек), в России — 0,09% населения (132 тыс. vs. 146 млн). Данные различия можно охарактеризовать формулой: в развитых странах много и миллиардеров, и миллионеров, а в России много миллиардеров, но относительно мало миллионеров. Это означает, что капиталистический класс в развитых странах имеет значительную долю в численности населения (хотя, конечно, является меньшинством) и обладает мощными корнями в обществе, капитализм здесь можно назвать массовым, «народным», «демократическим» (в экономическом смысле слова). В свою очередь это говорит о значительной устойчивости социально-экономических и политических систем этих государств. В отличие от них бизнес-элита России образует крайне незначительное меньшинство населения страны и очень слабо укоренена в обществе. Это свидетельствует о большей неустойчивости социально-экономической и политической системы России.

Гендерная композиция и дети миллиардеров. Важной характеристикой бизнес-элит является их гендерная композиция и количество детей. Используя рейтинг *Forbes* [30], подсчитаем, насколько много женщин среди миллиардеров стран Балтийского региона, а также сколько в среднем у них детей (табл. 5). Данные по Дании, Польше и Финляндии здесь и далее следует воспринимать условно, поскольку численность миллиардеров в этих странах крайне невелика, а значит, выборка по этим странам не является показательной.

Таблица 5

Гендерная композиция и среднее количество детей миллиардеров стран Балтийского региона в 2017 году

Мир, страна	Кол-во женщин-миллиардеров, чел.	Доля женщин-миллиардеров, %	Среднее количество детей у миллиардеров
Мир	217	10,62	Нет данных
Германия	27	23,68	1,39
Польша	1 ¹	25,00	2,25
Швеция	7	22,58	1,26
Дания	1	16,67	2,00
Финляндия	1	14,29	1,43
Россия	1	1,04	2,83

Как видно, доля женщин среди миллиардеров стран Балтийского региона довольно значительна и превосходит среднемировой уровень. Германия и Швеция (наряду с Испанией, Бразилией и Швейцарией) входят в число стран — мировых лидеров по доле женщин среди миллиардеров. Учитывая то, что эти супербогачи оказывают решающее влияние на свои национальные и глобальную экономики, можно сделать вывод о том, что именно в названных странах эмансипация женского пола достигла наиболее значительного прогресса. К сожалению, в этом отношении Россия существенно отстает от своих соседей по Балтийскому региону: в 2017 году в нашей стране из 96 миллиардеров была всего одна женщина (Е. Батурина).

Эмансипация женщин и активная роль в обществе — это не просто лозунг абстрактного гуманизма и не только квинтэссенция феминизма. Дело в том, что природа человека основана на половом диморфизме, и доминирование мужчин в нашу эпоху делает общественную систему слишком ригидной, недостаточно гибкой и пластичной, а значит, в конечном итоге, — и недостаточно инновационной. Следовательно, рост присутствия женщин в бизнес-элите становится велением времени и предпосылкой динамичного развития страны. И здесь позиции российской бизнес-элиты выглядят слабыми.

К сожалению, не существует источников, по которым можно судить о гендерном составе миллионов стран Балтийского региона.

Данные таблицы 5 показывает, что по среднему количеству детей российские миллиардеры значительно превосходят население своей страны; немецкие находятся на среднем по Германии уровне, тогда как шведские уступают среднему уровню детности своей страны. Среднее количество детей у миллиардеров — это не только демографический, но и экономический показатель. Он свидетельствует, во-первых, о сте-

¹ Единственная женщина среди четырех польских миллиардеров учтена вместе с мужем.

пени предстоящего дробления капиталов нынешних миллиардеров; во-вторых, о приращении рядов бизнес-элиты; в-третьих, о том, что представители бизнес-элит будущего окажутся связанными не только деловыми интересами, но и родственными отношениями, то есть создадут нечто вроде новой аристократии. Данные таблицы 5 свидетельствуют о том, что российскую бизнес-элиту в большей степени, чем миллиардеров из других стран Балтийского региона, в будущем ожидает, с одной стороны, сильное дробление капиталов, и следовательно, уменьшение размеров состояний супербогачей, с другой — прирост численности миллиардеров и субмиллиардеров, а также усиление их сплочения на основе родственной близости. Среднее количество детей у представителей бизнес-элиты — неоднозначный фактор, если разделять ее интересы и интересы общества. Малодетность ослабляет существующую бизнес-элиту и препятствует ее самозамыканию, превращению в квазиаристократию, оставляя возможность войти в высший слой бизнеса представителям мелкой и средней буржуазии, что может способствовать прогрессу общества. Многодетность же бизнес-элиты приводит к противоположному и становится для общества скорее негативным фактором. С нашей точки зрения, для общественного развития оптимальным является сочетание многодетности населения и малодетности бизнес-элиты. В России мы наблюдаем худший вариант: малодетное население и многодетная бизнес-элита. Германия и Швеция представляют промежуточный вариант: малодетное население и малодетная бизнес-элита.

Отраслевая специализация. Одна из наиболее важных характеристик бизнес-элит стран Балтийского региона — их отраслевая специализация, то есть распределение миллиардеров по отраслям экономики. Для выявления отраслевой специализации можно использовать рейтинги *Forbes* [30] и *Hurun* [23], но первый из них более удобный для наших целей, что и определило обращение именно к нему.

Forbes распределяет миллиардеров мира по 18 отраслям экономики. Объединим эти отрасли в три группы: 1) индустриально-технологическая (автомобильная промышленность, строительство и инжиниринг, здравоохранение, логистика, промышленность, технологии, телекоммуникации), 2) финансовая (финансы и инвестиции, недвижимость) и 3) сырьевая (энергетика, металлургия и горнорудное дело). За скобки нашего анализа выведем менее показательные отрасли — мода и розничная торговля, производство пищевых продуктов и напитков и т. д.² В связи с тем, что в Балтийском регионе необходимое для нашего анализа количество миллиардеров существует только в Германии, России и Швеции, оставим за пределами внимания бизнес-элиты других стран. Рассмотрим то, как распределяются миллиардеры Германии, России и Швеции по этим трем отраслевым группам (табл. 6). Страны ранжированы по доле миллиардеров, относящихся к первой группе отраслей экономики (в порядке убывания).

² Названия отраслей даются по классификации, принятой *Forbes*.

Таблица 6

**Отраслевая специализация миллиардеров Германии, России и Швеции
в 2017 году**

Страна	Индикатор группы		
	индустриально-технологической ориентации	финансовой ориентации	сырьевой ориентации
Германия	48,24	6,14	0,88
Россия	21,88	22,92	37,5
Швеция	6,46	29,03	3,23

Мы видим, что бизнес-элита Германии в очень значительной мере ориентирована на работу в тех отраслях экономики, которые обеспечивают прогресс производительных сил, а следовательно, и всего общества. Это означает, что и в ближайшей перспективе Германия останется одним из индустриально-технологических лидеров глобального общества. Это государство будет одним из важных мировых полигонов высокотехнологичных и наукоемких производств, а значит, здесь сконцентрируется высококвалифицированная рабочая сила (связанная уже преимущественно с умственным трудом) а также сформируется передовая система образования и мощная авангардная наука.

Российская бизнес-элита, в отличие от немецкой, ориентирована в основном на работу в сырьевом секторе экономики. Весомой является и доля российских миллиардеров, нацеленных на финансовый сектор. В России крупные бизнесмены, вкладывающие свои капиталы в индустриально-технологический сектор, уступают по весу и сырьевикам, и финансистам. Преимущественно финансово-сырьевая ориентация бизнес-элиты России, к сожалению, гарантируют нашей стране существование в качестве сырьевого придатка глобальной капиталистической системы. В этом направлении работают мощнейшие интересы доминирующей части российских миллиардеров. Если немецкие представители крупного бизнеса, богатея, способствуют и развитию своей страны, то едва ли то же самое можно сказать о российских бизнесменах. В силу этого Россия в ближайшей перспективе, к сожалению, будет оставаться сырьевым придатком глобальной экономики, что повлечет за собой неблагоприятные последствия для всех сфер общественной жизни нашей страны. Вместе с тем значительный объем капиталов российской бизнес-элиты, высокотехнологичная военная промышленность и мощные вооруженные силы позволят стране сохранять значительную автономию внутри мировой капиталистической системы.

Отраслевая специализация миллиардеров Швеции (низкая индустриально-технологическая ориентация вкупе с высокой финансовой) позволяет, на мой взгляд, сделать вывод о том, что этой страны не будет в числе лидеров глобальной наукоемкой и высокотехнологичной

экономики. Здесь начнут проявляться тенденции стагнации экономики и общественной жизни, связанные с непроизводительной ориентацией значительной части шведской бизнес-элиты. Основой развития любого общества в нашу эпоху может стать только комплекс отраслей экономики, связанных с реальным производством, с созданием вещественной (например, автомобили, станки, самолеты и лекарства) или нематериальной (например, софт и медицинские технологии) продукции. Сказанное, разумеется, не означает, что в Швеции или в России исчезнут высокотехнологичные производства. Они будут и существовать, и создаваться, но при этом играть в развитии экономики и жизни общества намного более скромную роль, чем в Германии.

Для подкрепления представления об отношении бизнес-элит стран Балтийского региона к развитию сложного сектора экономики представим данные о динамике высокотехнологичного экспорта из этих стран в 2005—2015 годах (табл. 7). Эта статистика является одним из важных показателей индустриально-технологического развития страны и ее места в системе мирового разделения труда. Страны ранжированы по объему экспорта в 2015 году.

Таблица 7

**Высокотехнологичный экспорт из стран Балтийского региона
в 2005—2015, млн дол. [7]**

Страна	2005	2010	2015
Германия	146389	158507	185556
Швеция	17339	16178	14946
Польша	2645	8305	13445
Россия	3820	5075	9677
Дания	10163	8114	9375
Финляндия	13752	5853	3633
Эстония	847	741	1042
Литва	412	1190	1777
Латвия	160	396	1037

Мы видим, что Германия является безусловным лидером Балтийского региона (и одним из мировых лидеров) в области высокотехнологичных производств. Швеция и Польша значительно уступают ей. К сожалению, Россия по показателям высокотехнологичного экспорта в 2015 году оказалась лишь на четвертом месте в регионе. Отметим и то, что в 2005—2015 годах снижалась значимость Финляндии, Швеции и Дании как высокотехнологичных стран. Любопытен взлет высокотехнологичного экспорта Эстонии, Литвы и Латвии: предстоит выяснить, обусловлено ли это собственным производством, или реэкспортом (в том числе из России).

Территориальное распределение. Весьма важной особенностью национальных бизнес-элит является их территориальное распределение, степень концентрации в городах, и прежде всего в ведущем городе страны. Определим понятие ведущего города. Это город, обладающий, по крайней мере, двумя из трех признаков: во-первых, столица, во-вторых, самый населенный город и, в-третьих, город с наибольшим числом проживающих здесь представителей бизнес-элиты. Ведущий город — это центр экономической, политической и культурной жизни, главный «командный пункт» управления государством и (в случае больших стран) один из пунктов управления миром. В странах Балтийского региона — в отличие, например, от США, Канады и Турции — ведущими городами являются столицы. Все столицы балтийских стран, кроме Германии, обладают тремя признаками ведущих городов. Берлин, будучи столицей и самым населенным городом Германии, не стал главным центром сосредоточения немецкой бизнес-элиты. Это, безусловно, последствие разделения немецкой территории до 1990 года на ФРГ, ГДР и Западный Берлин.

Посмотрим, сколько представителей бизнес-элиты Балтийского региона в абсолютном и относительном исчислении проживает в столицах своих стран, используя для этого информацию о миллиардерах из рейтинга *Hurun* [23], а информацию о миллионерах — из доклада британской консалтинговой фирмы *Knight Frank* [27]. Страны ранжированы по доле миллиардеров, проживающих в столицах стран Балтийского региона, от общей численности миллиардеров в этих странах (табл. 8).

Таблица 8

**Концентрация бизнес-элиты в столицах стран Балтийского региона
в 2016—2017 годах**

Город	Миллиардеры, 2017 год		Миллионеры, 2016 год	
	количество в городе, чел.	доля от количества в стране, %	количество в городе, тыс. чел.	доля от количества в стране, %
Москва	59	86,76	68,2	51,67
Стокгольм	10	58,82	33,0	29,33
Варшава	1	33,33	18,0	39,74
Копенгаген	1	7,14	27,4	37,38
Берлин	4	3,51	32,8	4,23

Таблица 9 показывает, что по степени концентрации в своей столице российская бизнес-элита значительно превосходит капиталистические классы всех других стран Балтийского региона: в Москве проживает подавляющее большинство миллиардеров и абсолютное большинство миллионеров России. Где еще в нашей стране, помимо столицы, расселены живущие в России отечественные миллиардеры? Представим данные об этом, опираясь на информацию рейтингов *Hurun* [23] и *Forbes* [30].

Города проживания российских миллиардеров (без Москвы) в 2017 году

Город	По <i>Hurun</i>	По <i>Forbes</i>
Казань	—	4
Санкт-Петербург	1	3
Екатеринбург	2	2
Краснодар	1	1
Верхняя Пышма	1	1
Сургут	1	1
Ростов-на-Дону	1	—
Тула	1	—
Магнитогорск	—	1
Иркутск	—	1
Соликамск	—	1

Кроме Москвы, по *Hurun*, миллиардеры проживают еще только в семи российских городах, по *Forbes* — в девяти. Более того, согласно *Forbes*, вторым городом российских миллиардеров оказывается не Санкт-Петербург, как следовало бы ожидать, а Казань. Многие политические и юридические коллизии в отношениях между федеральным центром и Татарстаном, на мой взгляд, следует связать именно с этим, а точнее, с борьбой за собственность в контексте политики центростремительной редистрибуции капиталов: в республике, с точки зрения московской бизнес-элиты, миллиардеров «неприлично» много для российского региона.

К сожалению, мы не располагаем данными о расселении российских миллионеров. Благодаря докладу *Knight Frank* можно сказать только, что в Санкт-Петербурге в 2016 году проживали 13 тыс. миллионеров — 9,85 % от численности всех российских богачей этого ранга.

«Москвоцентричность» бизнес-элиты России особенно показательна в связи с тем, что наша страна обладает самой большой территорией в мире. Гиперконцентрация бизнес-элиты в столице является безусловным недостатком, поскольку детерминирует значительные социально-экономические различия между Москвой и остальной страной, создавая эффект «двух России»: Москва — это почти первый мир, а провинция — почти третий. «Москвоцентричность» нашей бизнес-элиты способствует ее квазиколониальному отношению к стране в целом, восприятию ею всех других регионов РФ, и следовательно, подавляющего большинства населения страны как объекта для эксплуатации, что, безусловно, не способствует долгосрочным интересам государства.

Бизнес-элиты других стран Балтийского региона по степени концентрации в столицах серьезно отличаются от своих российских коллег. Германия в этом выступает даже прямой противоположностью России. Немецкие миллиардеры достаточно широко распределены по территории Германии, причем они сконцентрированы в основном в за-

падных землях. Ведущими центрами сосредоточения немецких миллиардеров, помимо Берлина, согласно *Hurun*, в 2017 году были: Гамбург (10 человек), Билефельд (8), Мельзунген (8), Люнен (4), Мюнхен (3), Дюссельдорф (3). Главными центрами концентрации немецких миллионеров в 2016 году, помимо Берлина, согласно *Knight Frank*, выступили Франкфурт-на-Майне (128,3 тыс.) и Мюнхен (78,9 тыс.).

Большинство шведских миллиардеров, по *Hurun*, сосредоточено в Стокгольме — 10 из 17 человек, а Гётеборг с 4 миллиардерами стал их вторым центром. Казалось бы, это сближает шведскую бизнес-элику с российской, но дело в том, что многие шведские миллиардеры проживают за пределами Швеции (об этом речь пойдет чуть ниже).

Очень высокая степень рассредоточения на территории своей страны характерна для датских миллиардеров. Согласно *Hurun*, из 14 датских супербогачей только один проживает в Копенгагене. Аналогичная ситуация наблюдается в Финляндии и Польше. В Хельсинки не проживает ни один из четырех финских миллиардеров, но, правда, они располагаются неподалеку: трое — в Эспоо, один — в Киркконумми. По одному польскому миллиардеру находится в Варшаве, Познани и Кельце.

Рассредоточение бизнес-элиты по типу Германии, Дании и Польши представляется более адекватным с точки зрения развития стран как целостных социальных систем-субъектов. Будучи рассредоточенной по территории страны, ее бизнес-элита способствует развитию многих территорий и не превращает столицу или какой-либо другой ведущий город в высокопривилегированную территорию, имеющую преимущества над другими регионами.

Глобальная мобильность. В эпоху глобализации связь бизнес-элиты любого государства и со своей страной, и с ее городами становится все более условной и пластичной. В эпоху глобализации трансграничная мобильность становится одним из важнейших атрибутов капиталистических классов, в чем и проявляется их транснациональная природа. Формирование глобальной экономики, основанной на всемирном разделении труда, приводит к тому, что многие представители бизнес-элит стран Балтийского региона регулярно перемещаются из страны в страну, преследуя в первую очередь деловые интересы, а также с целью отдыха, развлечения, рекреации, образования детей и т. д. Выделим два типа глобальной мобильности представителей бизнес-элит — долгосрочную и краткосрочную.

Долгосрочная глобальная мобильность заключается в переселении из страны рождения (или страны предшествующей деловой активности) на годы. При этом предыдущее гражданство часто сохраняется. О данном типе мобильности можно судить по различию показателей в рейтингах *Forbes* и *Hurun*. Разница в данных позволяет сделать вывод о том, что основными странами — реципиентами миллиардеров служат Великобритания, Швейцария, Франция, Сингапур, Гонконг, а основными странами-донорами — Россия, Германия, Австралия. Согласно *Forbes*, в 2017 году 10 из 114 миллиардеров Германии постоянно проживали за пределами своей страны, главным образом в Швейцарии

(6 человек), оставаясь немецкими гражданами. О местоположении 12 немецких миллиардеров информации нет. По информации *Forbes*, в 2017 году за пределами России проживают 8 российских миллиардеров: в Лондоне — 4, в США — 2, в Монако и Женеве — по 1 человеку. При этом *Forbes* почему-то приписывает Р. Абрамовичу проживание в Москве, и это заставляет предположить, что за рубежом постоянно находится большее количество российских миллиардеров, чем указывает американский журнал. Очень глобально-мобильными являются супербогачи Швеции. Из 31 миллиардера этой страны только 20 проживали на своей родине, тогда как в Великобритании постоянно находились 6, в Швейцарии — 3, в Нью-Йорке и Бельгии — по 1 миллиардеру. Из 6 датских миллиардеров 1 постоянно находится за рубежом — в Лондоне. Все финские и польские миллиардеры живут в своих странах.

Перемещаются по миру, меняя места постоянного пребывания не только миллиардеры, но и миллионеры. Исследователи выделяют устойчивые направления этих миграций. Согласно докладу южноафриканской консалтинговой фирмы *New World Wealth*, в 2014 году основными странами-реципиентами миллионеров были Великобритания, США, Сингапур, Австралия, Гонконг, ОАЭ, Канада и Турция. В роли стран-доноров выступили Китай (за 2000—2014 годы уехали 91 тыс. миллионеров), Индия (61 тыс.), Франция (42 тыс.), Италия (23 тыс.), Россия (20 тыс.) [16]. Исследователи из *New World Wealth* называют следующие причины того, что миллионеры со всего мира устремляются в Лондон: 1) язык, 2) космополитический характер города, 3) простота перемещений в страны Евросоюза, 4) простота осуществления финансовых трансакций в Великобритании, 5) простота приобретения собственности в Великобритании, 6) высокое качество британского среднего и высшего образования.

Краткосрочная глобальная мобильность заключается в регулярных перемещениях представителей бизнес-элиты из страны в страну и из города в город на несколько дней или недель. Об этом типе мобильности можно судить по такому показателю, как количество частных реактивных самолетов (бизнес-джетов), находящихся в распоряжении представителей бизнес-элит стран Балтийского региона.

Развитие частной реактивной авиации означает то, что глобальность бизнес-элит значительно превышает глобальность всего человечества. Миллиардерам и миллионерам уже недостаточно полетов в бизнес-классе обычных авиакомпаний, им нужна собственная авиация. Бизнес-джеты предоставляют возможность оперативного, гибкого с точки зрения пространственно-временных параметров, а также более комфортного перемещения крупных бизнесменов по всему миру. То, чем в рабовладельческом, феодальном и раннекапиталистическом обществе для высших классов был конь и конная повозка (колесница, карета и т. д.), чем в зрелом капиталистическом обществе XX века служил автомобиль, в современном глобальном капиталистическом обществе является частный реактивный самолет.

Измерим краткосрочную глобальную мобильность бизнес-элит стран Балтийского региона с помощью введенного нами индикатора краткосрочной глобальной мобильности (ИКГМ), который будет равен количеству бизнес-джетов [4] на 1000 лиц с состояниями на сумму свыше 30 млн долларов [28]. Представим значения этого индикатора для стран Балтийского региона (табл. 10). Страны ранжированы по значениям индикатора.

Таблица 10

**Количество бизнес-джетов и ИКГМ бизнес-элиты
стран Балтийского региона в 2014 году**

Страна	Количество бизнес-джетов	ИКГМ
Дания	62	95,98
Финляндия	26	43,92
Германия	387	40,32
Швеция	36	23,68
Россия	53	9,42

Мы видим, что по насыщенности бизнес-джетами, а значит, и по краткосрочной глобальной мобильности бизнес-элиты Дании значительно превосходит своих коллег из Балтийского региона. Предприниматели из России в этом отношении серьезно отстают от потомков викингов.

Исследуя глобальную мобильность бизнес-элит, необходимо помнить о том, что нередко образ жизни одного и того же крупного бизнесмена совмещает оба ее типа — долгосрочную и краткосрочную. Безусловно, по мере дальнейшего развертывания глобализации глобальная мобильность бизнес-элит стран Балтийского региона, как и всех других стран мира, будет неуклонно возрастать.

Олигархичность. Огромное значение для исследования бизнес-элит стран Балтийского региона имеет рассмотрение степени их олигархичности. Имущественная структура капиталистического класса любой страны пирамидальна: чем больше размер капитала, тем меньшее количество лиц владеют крупным капиталом, и наоборот. Вопрос заключается в том, насколько меньшее. Если лиц, располагающих мелким (и средним) капиталом, относительно немного по сравнению с количеством обладателей крупнейших (и крупных) капиталов, то первые недостаточно сильны, чтобы реализовывать свои интересы, если они сталкиваются с интересами вторых. В этом случае интересы крупнейшего и крупного капитала жестко подавляют интересы мелкого и среднего, и здесь следует говорить об олигархичности капиталистических классов. Крупнейший (и крупный) капитал всегда господствует над мелким (и средним), но вопрос заключается в том, насколько автори-

тарным и безоговорочным является это господство. Если численность лиц с мелким (и средним) капиталом достаточно значительна, то крупнейший (и крупный) капитал, даже занимая ведущее положение, вынужден учитывать интересы первых и не попирает их деспотически. В этом случае — случае относительного баланса интересов самого крупного и самого мелкого капитала — следует говорить о демократичности капиталистических классов (понятие демократии здесь используется в экономическом, а не политическом смысле).

Высокий уровень олигархичности бизнес-элиты обуславливает, по крайней мере, два важных последствия. Во-первых, это закрытость высшего слоя бизнес-элиты, осложненность вертикальной социальной мобильности, что создает огромную пропасть между высшим слоем бизнес-элиты и не только всем населением страны, но и мелкими предпринимателями. Во-вторых, наличие препятствий для инновационно-технологического развития страны. Разъясним это подробнее. Капитализм как социальная система только тогда является динамичной, гибкой, прогрессирующей, инновационной, когда происходят постоянные флуктуации внутри капиталистических классов, когда мелкие и средние предприниматели осуществляют восхождение, трансформируясь в крупных и крупнейших капиталистов. Это в типичном и среднестатистическом случае происходит тогда, когда мелкие и средние предприниматели осуществляют инновации, предлагая новые методы производства, формы организации предприятий, товары или услуги. Чем более многочисленны по отношению к бизнес-элите слои собственников мелкого (и среднего) капитала, тем больше среди последних тех, кто способен создать инновации и, следовательно, тем более динамичной и гибкой будет данная модификация капитализма как социальная система. Деспотическое господство крупнейшего и крупного капитала ведет к простому воспроизводству достигнутого уровня производительных сил, к стагнации. Олигархический капитализм — это капитализм, характеризующийся сильной тенденцией к стагнации. Демократический капитализм, то есть капитализм, при котором осуществляется регулярное восхождение наиболее инициативных мелких и средних предпринимателей в ряды высшего слоя бизнес-элиты, — это динамичный и инновационный капитализм.

Можно эмпирически установить степень олигархичности бизнес-элит стран Балтийского региона, используя для этого три метода: индикаторов межслоевых пропорций, возрастной гетерогенности имущественных экстремумов и динамического среднего возраста.

Метод индикаторов межслоевых пропорций (ИМП) основан на вычислении соотношения между численностью миллионеров и миллиардеров. Возьмем данные о количестве миллионеров, содержащиеся в докладах *Knight Frank* [27] и *Credit Suisse* [5] и касающиеся ситуации 2016 года. Для большей достоверности используем оба этих источника. Выделим два ИМП по данным *Knight Frank* и два по данным *Credit*

Suisse. ИМП-1(К) — это отношение численности миллионеров к численности миллиардеров, ИМП-2(К) — отношение численности миллионеров к численности лиц с состоянием свыше 100 млн долларов (оба показателя — по *Knight Frank*). ИМП-1(С) — это отношение численности миллионеров с состоянием от 1 до 10 млн долларов к численности миллиардеров, ИМП-2(С) — отношение численности лиц с состоянием от 1 до 10 млн долларов к численности лиц с состоянием свыше 500 млн долларов (оба показателя — по *Credit Suisse*). Таким образом, чем выше значение индикаторов, тем больше миллионеров приходится на одного миллиардера или субмиллиардера и тем ниже олигархичность капиталистического класса. Представим полученные данные, округлив их до целых значений (табл. 11). Данные по Латвии, Эстонии и Литве частичные, поскольку в этих странах нет миллиардеров.

Таблица 11

**Индикаторы межслоевых пропорций бизнес-элит
стран Балтийского региона в 2016 году**

Страна	По <i>Knight Frank</i>		По <i>Credit Suisse</i>	
	ИМП-1 (К)	ИМП-2 (К)	ИМП-1 (С)	ИМП-2 (С)
Дания	14660	991	33239	12246
Германия	9931	749	18769	6976
Финляндия	9640	753	11241	4496
Польша	9060	581	9840	3936
Швеция	5357	598	13683	5263
Россия	1590	167	738	377
Латвия	—	950	—	н/д
Эстония	—	633	—	н/д
Литва	—	580	—	н/д

Как видим, по всем четырем ИМП российская бизнес-элита является самой олигархической в Балтийском регионе. Например, по *Knight Frank*, на 1 миллиардера в России приходится всего 1590 миллионеров, тогда как в Германии — 9931, Швеции — 5357. Это означает, что российские миллиардеры, в отличие от своих «коллег» из других стран Балтийского региона, могут деспотически навязывать свою волю и свои интересы мелкому и среднему капиталу, да и всему обществу.

Метод возрастной гетерогенности имущественных экстремумов заключается в выявлении различий среднего возраста самых богатых и самых «бедных» миллиардеров. Для большей точности возьмем первый и пятый квинтили по богатству, то есть 20% самых богатых и 20% самых «бедных» миллиардеров России, Германии и Швеции, и вычислим их средний возраст (табл. 12). Обращение к анализу миллиардеров других стран региона не имеет смысла ввиду их малочисленности или отсутствия. Для большей объективности используем рейтинги *Forbes* [30] и *Hurun* [23] одновременно.

Таблица 12

**Средний возраст миллиардеров первого и пятого квинтилей по богатству
России, Германии и Швеции в 2017 году**

Страна	По <i>Forbes</i>		По <i>Hurun</i>	
	Средний возраст		Средний возраст	
	первого квинтиля	пятого квинтиля	первого квинтиля	пятого квинтиля
Германия	69,85	54,80	65,36	63,41
Швеция	69,17	49,83	76,00	40,67
Россия	55,89	57,74	54,64	56,64

Мы видим, что в Германии и Швеции первый квинтиль старше пятого квинтиля миллиардеров (и по *Forbes*, и по *Hurun*). Это случай характерен для ситуации, когда, помимо фактора наследования, происходит восходящая социальная мобильность, когда индивидуумы в течение ряда лет делают буржуазную карьеру, например мультимиллионеры становятся миллиардерами. С годами они наращивают свои капиталы, и закономерно, что средний «бедный» миллиардер оказывается более молодым, чем средний «богатый» миллиардер. Иная ситуация — первый квинтиль близок по возрасту или, как в случае России, младше пятого квинтиля (и по *Forbes*, и по *Hurun*) — говорит о низкой вертикальной социальной мобильности, о монополизации высших позиций в бизнес-элите небольшими и замкнутыми группами. Это свидетельствует о высоком уровне олигархичности бизнес-элиты России.

Метод динамического среднего возраста заключается в исследовании изменения среднего возраста миллиардеров той или иной страны в определенный период времени. Этот период должен быть относительно протяженным, то есть не менее 10 лет. Рассмотрим, опираясь на рейтинг *Forbes* [30], как изменялся средний возраст миллиардеров Германии, Швеции и России с 2003 по 2017 год (табл. 13).

Таблица 13

**Динамика среднего возраста миллиардеров
Германии, Швеции и России с 2003 по 2017 год**

Страна	2003	2006	2009	2012	2015	2017
Германия	64,74	66,15	66,87	65,77	65,45	64,10
Швеция	м/д ¹	69,00	68,00	70,27	61,96	59,35
Россия	42,65	45,55	48,66	50,08	53,28	55,05

¹ Мало данных — миллиардеров менее 5 человек.

Вначале скажем о значении среднего возраста. Этот показатель является важной характеристикой бизнес-элиты. Относительная моло-

дость (в сочетании с необходимым образованием, квалификацией и опытом) означает то, что представители бизнес-элиты обладают здоровьем, энергичностью, динамизмом, гибкостью, свежестью восприятия и т. д. Как видим, миллиардеры России по этому показателю и в 2017 году, и ранее заметно превосходили своих коллег (то есть были моложе) из Германии и Швеции.

Динамика среднего возраста примечательна тем, что она позволяет сделать заключение о степени олигархичности бизнес-элит стран Балтийского региона. Как показывают данные таблицы 13, средний возраст миллиардеров Германии и Швеции с 2003 по 2017 год уменьшился, причем в случае Швеции — значительно. Это объясняется тем, что миллиардеры этих стран старели, умирали, оставляли капиталы наследникам и — что весьма важно — в их ряды входили разбогатевшие молодые мультимиллионеры. Происходил благотворный для капитализма как социальной системы процесс обновления бизнес-элиты.

В отличие от этого миллиардеры России постарели почти на то же количество лет, что протекло за этот период. Наш анализ показывает, что российские миллиардеры — это лица, родившиеся в основном в 1955—1968 годах и начавшие заниматься бизнесом в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Неуклонное увеличение среднего возраста миллиардеров в России означает не только то, что наследования капиталов не происходит или бывает редко (в силу молодости бизнес-элит обеих стран), но и — это гораздо важнее — то, что отсутствует или является крайне незначительной восходящая социальная мобильность. Это говорит о том, что предприниматели-инноваторы, родившиеся в 1970-х и начале 1980-х годов, не могут стать миллиардерами, разбогатев за счет своих нововведений, в силу того, что инфраструктура обогащения узурпирована существующими миллиардерами и субмиллиардерами и вход в высший слой бизнес-элиты в основном заблокирован. Высший слой бизнес-элиты оказывается узкой и замкнутой корпорацией.

Отмеченная выше (см. табл. 5, с. 74) многодетность российской бизнес-элиты, на мой взгляд, станет способствовать в будущем, со сменой поколений ее олигархизации: родственные связи начнут усиливать инкапсуляцию слоя супербогачей. Малодетность бизнес-элиты Германии и Швеции, напротив, будет способствовать вертикальной социальной мобильности, оставляя простор для выдвиженцев из более низких слоев капиталистических классов.

Итак, все три использованных нами метода показали очень низкий или невысокий уровень олигархичности бизнес-элит всех стран Балтийского региона, кроме России, и гиперолигархичность бизнес-элиты нашей страны. Демократичность бизнес-элит создает предпосылки для карьерного восхождения предпринимателей-инноваторов, то есть для индустриально-технологического и социального прогресса большинства стран Балтийского региона. Гиперолигархичность бизнес-элиты России мешает делать предпринимательскую карьеру лицам, предлагающим технологические и иные инновации, блокируя восхождение российских Биллов Гейтсов и Марков Цукербергов. Это создает препятствия и для развития нашей страны в целом.

Self-made-индикатор и одаренность. Крайне важной характеристикой представителей бизнес-элит является то их качество, которое обозначается по-английски выражением *self-made*. *Self-made man (woman)* переводится на русский язык как *человек, который «сам себя сделал»*, то есть сделал карьеру собственными усилиями, а не опираясь на наследство или помощь семьи. Двигателем социального лифта, на котором он поднялся, стали его способности и энергия. Благодаря рейтингу *Hurun* [23], который предоставляет нам детальные данные о степени *self-made* в случае каждого миллиардера, оценивая его по 5-балльной шкале, можно рассчитать средний уровень *self-made* миллиардеров стран Балтийского региона, назвав эту величину *self-made-индикатором* (табл. 14). Страны ранжированы в порядке убывания этого показателя.

Таблица 14

***Self-made-индикатор миллиардеров
стран Балтийского региона в 2017 году***

Мир, страна	<i>Self-made-индикатор</i>
Мир	3,84
Россия	4,17
Польша	4,00
Швеция	3,35
Германия	3,26
Дания	3,00
Финляндия	2,00

Значение *self-made-индикатора* не только в том, что он показывает степень вертикальной социальной мобильности внутри бизнес-элиты. Не менее важно то, что он, на мой взгляд, может быть рассмотрен как показатель среднего уровня одаренности миллиардеров. Дело в том, что если индивидуум в условиях жесточайшей конкуренции обзавелся собственными силами — а не благодаря наследству и помощи семьи или клана — богатством таких масштабов, то это, безусловно, означает наличие у него высокого уровня способностей. Следовательно, чем больше средний уровень *self-made* у бизнес-элиты, тем выше средний уровень одаренности ее представителей. В связи с этим, опираясь на данные таблицы 14, можно смело утверждать, что миллиардеры России по среднему уровню одаренности превосходят всех своих коллег из стран Балтийского региона, в том числе миллиардеров Германии и Швеции.

Однако с одаренностью бизнес-элиты всё не так однозначно: она может быть направлена либо на революционизирование производительных сил, то есть на индустриально-технологический и социальный прогресс, либо на непроизводительное воспроизводство богатства и

власти, не приводящее к развитию страны. Важна не только одаренность индивидуума, но и направленность его деятельности. Сам по себе высокий уровень *self-made* и, следовательно, одаренности российских миллиардеров являются позитивными качествами, но, взятые совокупно с другими их характеристиками (финансово-сырьевая ориентация и т. д.), лишают нас оснований для оптимизма. К сожалению, существует много причин предполагать, что высокая одаренность российских миллиардеров используется и будет использована ими в основном не для создания наукоемкой, высокотехнологичной и социально-ориентированной экономики, не на преодоление отставания России от развитых стран, а на другие, более эгоистические цели.

Заключение. В настоящей статье была предпринята попытка многостороннего сравнительного анализа бизнес-элит стран Балтийского региона. Мы, в частности, выяснили, что к числу сильных сторон бизнес-элиты Германии следует отнести высокий уровень богатства, многочисленность и сильную укорененность в немецком обществе, высокую долю женщин, рассредоточение по всей территории страны, очень значительную индустриально-технологическую ориентацию, демократичность; к слабым — невысокий уровень *self-made*-индикатора и, следовательно, одаренности. К числу сильных сторон бизнес-элиты России можно причислить высокий уровень богатства, относительную молодость представителей и высокий показатель *self-made*-индикатора, а значит, одаренности; к слабым — малочисленность и слабую укорененность в российском обществе, крайне незначительную долю женщин, доминирующую финансово-сырьевую ориентацию, высокую концентрацию в Москве и гиперолигархичность. Эти качества бизнес-элит в значительной мере определяют настоящее и влияют на формирование будущего своих стран, а также их место в глобальной капиталистической системе.

Список литературы

1. Рахманов А. Б. Капиталистический класс современной России и его основные характеристики // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2014. №2. С. 37—58.
2. Рахманов А. Б. Концепция транснационального капиталистического класса в западной социальной мысли конца XX и начала XXI века (подходы Л. Скляра, У. Робинсона и Дж. Харриса) // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2015. №2. С. 98—114.
3. *Brinded L.* These are the top 25 richest people in Britain. URL: <http://uk.businessinsider.com/sunday-times-rich-list-2015-top-25-richest-people-uk-2016-4> (дата обращения: 13.06.2017).
4. *Davies A.* Top 50 countries by number of business jets registered. URL: <https://corporatejetinvestor.com/articles/top-50-countries-number-business-jets-registered-343/> (дата обращения: 18.06.2017).
5. *Global Wealth Databook 2016.* URL: <https://www.credit-suisse.com/ru/en/about-us/research/research-institute/global-wealth-report.html> (дата обращения: 13.06.2017).

6. *Harris J.* Statist Globalization in China, Russia and the Gulf States // *Science & Society*. 2009. №73 (1). P. 6—33.

7. *High-technology exports (current US\$)*. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD> (дата обращения: 20.06.2017).

8. *Millionaire migration in 2015*. New World Wealth. URL: <https://nebula.wsimg.com/6e5712bf40ffe85cc116a52402d5a7d7?AccessKeyId=70E2D0A589B97BD675FB&disposition=0&alloworigin=1> (дата обращения: 13.06.2017).

9. *Ohmae K.* The Next Global Stage. Challenges and Opportunities in Our Borderless World. New Jersey, 2005.

10. *Robertson R.* Globalization. Social Theory and Global Culture. L., 1992.

11. *Robinson W.* Debate on the New Global Capitalism: Transnational Capitalist Class, Transnational State Apparatuses, and Global Crisis // *International Critical Thought*. 2017. Vol. 7, №. 2. P. 171—189.

12. *Robinson W.* Latin America and Global Capitalism. A Critical Globalization Perspective. Baltimore, 2008.

13. *Robinson W.* A Theory of Global Capitalism. Production, Class, and State in a Transnational World. Baltimore, 2004.

14. *Robinson W.* The transnational state and the BRICS: a global capitalism perspective // *Third World Quarterly*. 2015. Vol. 36 (1). P. 1—21.

15. *Robinson W., Harris J.* Towards A Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class // *Science & Society*. 2000. Vol. 64, №1. P. 11—54.

16. *Second citizenship & the migration of HNWIs. 2000—2014*. New World Wealth URL: <http://nebula.wsimg.com/33c082a103704a172bf3bd8d8288db65?AccessKeyId=70E2D0A589B97BD675FB&disposition=0&alloworigin=1> (дата обращения: 13.06.2017).

17. *Sener M. Y.* Turkish managers as a part of the transnational capitalist class // *Journal of World-Systems Research*. 2007. Vol. 13, №2. P. 119—141.

18. *Sklair L.* Competing Conceptions of Globalization // *Journal of World-Systems Research*. 1999. Vol. 2. P. 143—163.

19. *Sklair L.* The sociology of the global system. N. Y., 2000.

20. *Sklair L.* The Transnational Capitalist Class. Boston ; Oxford, 2001.

21. *Sklair L.* The Transnational Capitalist Class and Global Politics: Deconstructing the Corporate-State Connection // *International Political Science Review*. 2002. Vol. 23, № 2. P. 159—174.

22. *The 2017 Global Wealth Migration Review*. URL: <http://www.researchandmarkets.com/reports/4176844/the-2017-global-wealth-migration-review> (дата обращения: 13.06.2017).

23. *2017 Hurun Global List*. URL: <http://www.hurun.net/EN/HuList/Index?num=8407ACFCBC85> (дата обращения: 12.05.2017).

24. *2016 Hurun Global List*. URL: <http://www.hurun.net/EN/HuList/Index?num=79BFA08A14BB> (дата обращения: 14.05.2017).

25. *2016 Hurun Global List*. URL: <http://www.hurun.net/EN/HuList/Index?num=185122B9E8D1> (дата обращения: 13.05.2017).

26. *Waters M.* The Globalization. L. ; N. Y., 1996.

27. *The Wealth Report 2017*. URL: KnightFrank.com/WealthReport (дата обращения: 13.06.2017).

28. *The Wealth Report 2016*. URL: KnightFrank.com/WealthReport (дата обращения: 10.06.2017).

29. *The Wealth Report 2015*. URL: KnightFrank.com/WealthReport (дата обращения: 11.06.2017).

30. *The World's Billionaires. 2017 Ranking*. URL: <https://www.forbes.com/billionaires/list/> (дата обращения: 10.06.2017).

Об авторе

Азам Борисович Рахманов, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и теории социологии социологического факультета, МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Для цитирования:

Рахманов А. Б. Миллиардеры и миллионеры Балтийского региона: сравнительный анализ национальных бизнес-элит // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 69—92. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-4.

BILLIONAIRES AND MILLIONAIRES OF THE BALTIC SEA REGION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF NATIONAL BUSINESS ELITES

A. B. Rakhmanov¹

¹ Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia

Submitted on July 11, 2017

Local business elites make a major contribution to the development of the Baltic region's countries, shaping their present and future. The Baltic business elites are an integral part of the transnational capitalist class — a product of the global economy and the global division of labour. Drawing on a sizeable body of statistics, the author conducts a comparative analysis of the Baltic states' financial elites. The author considers such characteristics of business elites as their number, total wealth, gender composition, average number of children in their families, geographical distribution, global mobility, industry specialization, a tendency towards oligarchy, and others. Germany's business elites are strong and are characterized by considerable wealth, a large number of billionaires and millionaires, strong roots in the German society, a high level of female representation, a relatively even geographical distribution, engagement in industrial production and technology, and a weak tendency towards oligarchy. Yet, Germany has a small proportion of self-made and talented business people. The strong points of Russia's business elite are considerable wealth, relatively young age, and a high proportion of self-made and talented business people. Russia's business elite is limited in number, has weak roots in the society, a low level of female representation, its hyper-concentration in Moscow, a strong tendency towards oligarchy and specialization in finance and raw materials.

Key words: Baltic region, global capitalism, capitalist class, business elite, billionaires, millionaires, oligarchy, self-made business people, talent, Russia, Germany

References

1. Rakhmanov, A. B. 2014, The capitalist class of contemporary Russia and its main characteristics, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*, no. 2, p. 37—58. (in Russ.)
2. Rakhmanov, A. B. 2015, The conception of the transnational capitalist class in the social thought in the late 20th and the early 21st centuries (perspectives of L. Sklair, W. Robinson and J. Harris), *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya*, no. 2, p. 98—114. (in Russ.)
3. Brinded, L. 2016, These are the top 25 richest people in Britain, *Business Insider*, available at: <http://uk.businessinsider.com/sunday-times-rich-list-2015-top-25-richest-people-uk-2016-4> (accessed 13.06.2017).
4. Davies, A. 2014, Top 50 countries by number of business jets registered, *Corporate jetinvestor*, available at: <https://corporatejetinvestor.com/articles/top-50-countries-number-business-jets-registered-343/> (accessed 18.06.2017).
5. Global Wealth Databook 2016, available at: <https://www.credit-suisse.com/ru/en/about-us/research/research-institute/global-wealth-report.html> (accessed 13.06.2017).
6. Harris, J. 2009, Statist Globalization in China, Russia and the Gulf States, *Science & Society*, no. 73 (1), p. 6—33.
7. High-technology exports (current US\$), available at: <http://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.CD> (accessed 20.06.2017).
8. Millionaire migration in 2015, 2015, *New World Wealth*, available at: <https://nebula.wsimg.com/6e5712bf40ffe85cc116a52402d5a7d7?AccessKeyId=70E2D0A589B97BD675FB&disposition=0&alloworigin=1> (accessed 13.06.2017).
9. Ohmae, K. 2005, *The Next Global Stage. Challenges and Opportunities in Our Borderless World*, New Jersey, Pearson Education.
10. Robertson, R. 1992, *Globalization. Social Theory and Global Culture*, London, SAGE Publications.
11. Robinson, W. 2017, Debate on the New Global Capitalism: Transnational Capitalist Class, Transnational State Apparatuses, and Global Crisis, *International Critical Thought*, Vol. 7, no. 2, p. 171—189.
12. Robinson, W. 2008, *Latin America and Global Capitalism. A Critical Globalization Perspective*, Baltimore, Johns Hopkins University Press.
13. Robinson, W. 2004, *A Theory of Global Capitalism. Production, Class, and State in a Transnational World*, Baltimore, Johns Hopkins University Press.
14. Robinson, W. 2015, The transnational state and the BRICS: a global capitalism perspective, *Third World Quarterly*, Vol. 36, no. 1, p. 1—21.
15. Robinson, W., Harris, J. 2000, Towards A Global Ruling Class? Globalization and the Transnational Capitalist Class, *Science & Society*, Vol. 64, no. 1, p. 11—54.
16. Second citizenship & the migration of HNWIs. 2000—2014., 2015, available at: <http://nebula.wsimg.com/33c082a103704a172bf3bd8d8288db65?AccessKeyId=70E2D0A589B97BD675FB&disposition=0&alloworigin=1> (accessed 13.06.2017).
17. Sener, M. Y. 2007, Turkish managers as a part of the transnational capitalist class, *Journal of World-Systems Research*, Vol. XIII, no. 2, p. 119—141.
18. Sklair, L. 1999, Competing Conceptions of Globalization, *Journal of World-Systems Research*, Vol. 2, p. 143—163.
19. Sklair, L. 2000, *The sociology of the global system*, New York, Routledge.
20. Sklair, L. 2001, *The Transnational Capitalist Class*, Boston and Oxford, Blackwell.

21. Sklair, L. 2002, The Transnational Capitalist Class and Global Politics: Deconstructing the Corporate-State Connection, *International Political Science Review*, Vol. 23, no. 2, p. 159—174.
22. The 2017 Global Wealth Migration Review, 2017, available at: <http://www.researchandmarkets.com/reports/4176844/the-2017-global-wealth-migration-review> (accessed 13.06.2017).
23. 2017 Hurun Global List, available at: <http://www.hurun.net/EN/HuList/Index?num=8407ACFCBC85> (accessed 12.05.2017).
24. 2016 Hurun Global List, available at: <http://www.hurun.net/EN/HuList/Index?num=79BFA08A14BB> (accessed 14.05.2017).
25. 2015 Hurun Global List, available at: <http://www.hurun.net/EN/HuList/Index?num=185122B9E8D1> (accessed 15.05.2017).
26. Waters, M. 1996, *The Globalization*. London, New York, Routledge.
27. The Wealth Report 2017, available at: KnightFrank.com/WealthReport (accessed 13.06.2017).
28. The Wealth Report 2016, available at: KnightFrank.com/WealthReport (accessed 10.06.2017).
29. The Wealth Report 2015, available at: KnightFrank.com/WealthReport (accessed 11.06.2017).
30. The World's Billionaires. 2017 Ranking, available at: <https://www.forbes.com/billionaires/list/> (accessed 10.06.2017).

The author

Dr Azat B. Rakhmanov, Associate Professor, the Department of History and Theory of Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

To cite this article:

Rakhmanov A.B. Billionaires and Millionaires of the Baltic Sea Region: A Comparative Analysis of National Business Elites, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 69—92. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-4.

**ВНЕДРЕНИЕ
В ПРАКТИКУ
РЕГИОНАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ
СЕКТОРАЛЬНЫХ
МОДЕЛЕЙ:
ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ
УПРАВЛЯЮЩИХ
ВОЗДЕЙСТВИЙ
НА ЭКОНОМИКУ**

**К. Ю. Волошенко¹
А. К. Пономарев²**

В современных условиях управление на уровне регионов независимо от их географии — как в России, так и странах Балтийского моря — сталкивается с рядом ограничений. Необходим поиск новых эффективных инструментов управления, так как традиционные подходы и практика моделирования на уровне регионов не позволяют быстро и своевременно проводить анализ различных типов воздействий на экономику (производство, рынок (продукт), сектор, регион), оценивать их последствия и обосновывать выбор мер в конкретных условиях.

Рассматривается разработка секторальных моделей как инструмента оценки управляющих воздействий на показатели развития экономики региона. Делается предположение о сходимости оценок влияния факторов управляющих воздействий на продуктовые цепочки создания стоимости, сектора экономики и регион в целом, что позволяет обосновывать выбор объектов и типов управляющих воздействий.

Исследование проводилось посредством разработки типовых секторальных моделей на примере Калининградской области для последующего комплексного анализа условий роста валового регионального продукта за счет увеличения вклада отдельных секторов. Цель исследования достигалась применением широко известных подходов имитационного моделирования в сочетании с качественными и количественными методами, дополненными построением экономико-математических моделей оптимизации. Приводятся результаты пилотного моделирования оценки влияния отдельных факторов управляющего воздействия на примере секторов Калининградской области.

По результатам построения и апробации секторальных моделей установлено, что для обоснования выбора управляющих воздействий допустимо оценивать влияние различных продуцируемых групп факторов (внешние, внутренние и независимые) на продуктовые цепочки стоимости по критерию оптимальности создаваемых факторных доходов. В заключении

---

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

² Сколковский институт науки и технологий, 143025, Россия, Московская область, Сколково, ул. Новая, 100.

Поступила в редакцию 18.07.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-5

© Волошенко К. Ю., Пономарев А. К., 2017

даны рекомендации для использования секторальных моделей бизнесом, а также их внедрения в практику государственного управления и моделирования региональной экономики.

Ключевые слова: регион, сектора экономики, имитационные модели, управляющие воздействия, цепочка создания стоимости

Введение

Сегодня, в непростой политической и социально-экономической ситуации, когда действие механизмов бюджетной поддержки ограничено, неминуемо возникает вопрос выявления приоритетов и выбора мер государственного управления.

На уровне региона можно отметить тенденцию: чем в большей степени условия хозяйствования зависимы от влияния внешнего окружения (например, эксклавная Калининградская область) [5; 22], тем более критическое значение приобретают задачи обеспечения эффективного государственного управления. При этом возникает потребность как в оценке традиционных инструментов и механизмов воздействия на экономику региона через их влияние на состояние и развитие отдельных секторов, производств или крупных бизнес-единиц, так и в поиске новых подходов и дополнительных средств поддержания относительно стабильной социально-экономической ситуации и реализации в последующем модели экономического роста.

Практика управления и регулирования свидетельствует, что органы государственного управления все чаще сталкиваются с необходимостью принятия экстренных мер в тех или иных сферах социально-экономической деятельности для предотвращения негативных последствий различных кризисных проявлений. Весьма важным становится аргументированный выбор если не оптимального, то хотя бы более или менее рационального подхода к использованию ограниченных ресурсов для решения как можно большего круга задач.

Информационная поддержка принятия решений на уровне регионов традиционно опирается на внедренные в практику государственного управления автоматизированные информационные системы (АИС). В последние годы, например в России, расширяется использование экономико-математических моделей и комплексов (региональный сегмент и продукты ЗАО «Прогноз», ООО «ИБС Экспертиза», БАРС-Груп, ООО «Кейсистемс», ОАО «Волгоинформсеть» и др.), но приоритет по-прежнему отдается зарекомендовавшим себя подходам, основанным на экстраполяции ранее действовавших трендов. Однако в условиях высокой неопределенности и динамичности среды данные подходы становятся все более неэффективными, равно как и использование этих трендов для оценки управляющих воздействий. Кроме того, большинство экономико-математических моделей узко специализированы под социально-экономическую деятельность конкретных реги-

онов, учитывают изменение макроэкономических условий РФ, но не дают возможности оценивать внешние воздействия на региональную систему. Таким образом, серьезную методологическую проблему, решение которой имеет важное прикладное значение, представляет собой разработка подходящего инструментария для обоснования отдельных подходов и методик в выборе управляющих воздействий и их объектов.

Цель настоящего исследования — оценка последствий принятия мер управляющих воздействий, обоснование выбора их типов и объектов в практике государственного управления на уровне региона посредством изучения их влияния на состояние и развитие секторов экономики при формировании факторных доходов в цепочках создания стоимости.

Выбор объекта и предмета исследования определяется не только актуальностью решаемых вопросов в области государственного управления и регулирования. Принципиальное значение имеет воздействие государства на состояние и условия развития секторов экономики и, как следствие, на социально-экономическую ситуацию в регионе. Это воздействие не может ограничиваться только административными или нормативными инструментами государственной политики (лицензирование, аккредитация, контроль и надзор и т. д.). Оказывая влияние на хозяйственную деятельность и связанные с ней социальные процессы, государство применяет различные средства экономического стимулирования и реализует меры, направленные на формирование желаемого поведения и стратегий экономических субъектов, соответствующих целям и задачам государственной экономической политики.

Однако последние исследования в отечественных и зарубежных публикациях концентрируются преимущественно на эффективности инструментов государственного регулирования или системы оценки регулирующего воздействия (ОРВ) применительно к отдельным сферам или экономике в целом при возникновении новых задач и вызовов административного реформирования [3; 10; 11]. Вопросы информационно-аналитической поддержки принимаемых решений не получили должного отражения, равно как в целом обоснование выбора управляющих воздействий посредством комплексной оценки их последствий с позиции достижения ожидаемого результата.

Опираясь на проведенный анализ теоретических и методологических работ в области регионального моделирования и прогнозирования [4], мы принимаем тот факт, что построение секторальных моделей в динамично меняющихся условиях внешней среды целесообразно проводить с применением имитационного подхода. В статье приводятся результаты разработки секторальных моделей для АПК, транспорта, промышленности, туризма и рекреации, апробированных в условиях Калининградской области. Экспериментальная проверка полученных результатов позволяет доказать их эффективность в качестве инструмента оценки управляющих воздействий и выявить перспективные направления дальнейших исследований, их внедрения в практику государственного управления и регулирования, а также систему ОРВ.

Эффективность государственного управления: задачи и новые вызовы для регионов

В последние годы мировая экономика столкнулась с серьезными вызовами. Это неизбежно отражается на ситуации в регионах и их социально-экономическом развитии. Сегодня регионы Балтийского моря, в том числе Калининградская область, сталкиваются с необходимостью решения новых задач в части обеспечения эффективности государственного управления, которые продиктованы упреждающим характером принимаемых мер при ограничении возможности использования бюджетных механизмов.

В качестве примера может быть рассмотрена ситуация в Калининградской области после 2014 года, состояние и развитие которой определялось действием следующих новых региональных факторов и условий:

— высокая неопределенность институциональной среды: режим Особой экономической зоны (ОЭЗ) и правовое регулирование особого режима предпринимательской деятельности (проект ФЗ), рост трансакционных издержек, слабые координационные эффекты институтов и др.;

— снижение роли финансовых рычагов: предполагаемое сокращение объемов безвозмездных поступлений в консолидированном бюджете Калининградской области в 2017—2019 годах, в том числе направляемых на поддержку юридических лиц; доступность финансово-кредитных ресурсов для бизнеса, отсутствие «длинных» денег в экономике и т. д.;

— сокращение спроса на продукцию регионального производства: рынки РФ и ЕС, внутренний рынок Калининградской области и его «узость»;

— волатильность внешней среды по отношению к региону: курс бивалютной корзины, санкции и география поставок, геополитическая обстановка (окружение странами ЕС и НАТО), внешние институциональные условия и барьеры по «калининградскому вопросу» и др.;

— усиление действия внешних факторов, экономико-политической нестабильности, обострение традиционных для Калининградской области проблем: эксклавность, импортная зависимость, низкие производительность труда и фондовооруженность, невысокий уровень инфраструктурного обеспечения и т. д.

Вследствие действия новых вызовов выбор приоритетов государственного управления в сложившихся условиях должен быть подчинен генеральной цели — обеспечению устойчивой социально-экономической ситуации в регионе при достижении результата в кратчайшие сроки и задействовании по возможности меньших объемов ресурсов. Однако известные административные меры и функции государственного управления, такие как программирование, планирование, стратегирование, оказываются в решении указанных задач малоэффективными. Как следствие — возникает вопрос выбора типа и качества воздействий

государства на экономику региона, оказывающих корректирующее влияние на деятельность хозяйствующих субъектов, для обеспечения ее устойчивости, целевой направленности в соответствии с задачами государственной политики. При таком подходе возможно задействование системы как административно-правовых, так и экономических инструментов. При этом выбор типа воздействий не ограничен: в конкретных условиях и для решения определенных задач приоритет отдается как управляющим, так и регулирующим воздействиям.

В настоящем исследовании *регулирующее воздействие* рассматривается в рамках укоренившегося в практике ОЭСР [37] понятия государственного регулирования, рассматриваемого авторами в качестве «самостоятельного направления государственной экономической политики», которое отделено «от налогово-бюджетной (фискальной) и денежно-кредитной (монетарной)» [11, с. 8]. В понимании *управляющих воздействий* авторы придерживаются более традиционного подхода. Учитывая отсутствие терминологической ясности и точности в экономической и юридической литературе [2; 8; 11; 12; 16] в отношении таких понятий, как «государственное управление» и «государственное регулирование», мы в качестве предмета изучения взяли различные типы управляющих воздействий. Это обусловлено, во-первых, целью исследования, которая состоит в поиске инструментов обоснования последствий воздействий, а не выбора их типов. Во-вторых, управляющие воздействия, относящиеся в целом к управлению, связаны с регулированием как его отдельной функцией. В-третьих, при определенных условиях институты и инструменты прямого или косвенного влияния, оценка последствий принятия которых рассматривается в настоящем исследовании, могут выступать в качестве мер управляющих или регулирующих воздействий.

Таким образом, проблема применения эффективных средств влияния государства на экономику региона лежит не в плоскости приоритета управляющих или регулирующих воздействий, а связана с актуализацией поиска подходящего инструментария для обоснования отдельных подходов и методик в выборе различных типов воздействий и их объектов. Эта задача появляется в оценке как управляющих, так и регулирующих воздействий, в том числе в практике ОРВ.

Разработка требуемого инструментария оценки и обоснования выбора типов и объектов воздействия государства на экономику региона должна производиться с учетом сложившегося уровня информационно-аналитической поддержки принятия решений и практики моделирования.

Теоретическое обоснование построения секторальных моделей

В мировой практике широко известны сложные многоаспектные региональные модели (например, IMPLAN или REMI), в России развитие получили модель RIM (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН), СИРЕНА и СИРЕНА-2 (ИЭОПП РАН), модели экономи-

ческого роста, матрица социальных счетов (SAM-модели), а также многочисленные информационно-аналитические системы различной сложности, адаптированные под условия конкретных территорий [4; 5]. Разрабатываемые программные комплексы и модели охватывают различные подходы и методы прогнозирования, которые на практике взаимно перекрещиваются и дополняют друг друга. Однако преимущественно встречаются такие классы и типы моделей, как трендовые, балансовые, имитационные, эконометрические, общего динамического равновесия (CGE-модели и DSGE-модели) и др.

Известные типы региональных моделей позволяют весьма эффективно анализировать макроэкономические тренды, в устоявшихся институциональных «правилах игры» и при плавных изменениях структуры региональной экономики прогнозировать значительное число социально-экономических показателей, в том числе оценивать альтернативные меры экономической политики на уровне регионов. Однако в ситуации высокой неопределенности, сопровождаемой резкими изменениями условий хозяйствования, существующие региональные модели не дают приемлемой сходимости прогнозов. Кроме того, расчеты различной степени детализации не позволяют оценивать последствия управляющих или регулирующих воздействий. В результате разработка и принятие решений ограничиваются экспертными суждениями или историческими аналогиями. Это ведет к необъективным представлениям и ошибочным оценкам, результаты которых выражаются в неэффективности принятых мер, в худшем случае — нерациональном распределении и расходовании бюджетных средств.

Примером может стать анализ изменения условий развития Калининградской области в 2014—2016 годах, оценка которых без дополнительных экономико-математических расчетов в рамках специально создаваемых региональных программных продуктов или надстроек к известным региональным моделям невозможна. Среди новых условий — изменение географии поставок в связи с действием санкций в отношении РФ, введенных США и странами ЕС; установление субсидий по поддержке рынка труда; введение субсидий на компенсацию железнодорожных перевозок; альтернативные механизмы развития ОЭЗ Калининградской области (льготы и преференции по аналогии с территориями опережающего развития, электронные визы для иностранцев, введение для определенных категорий хозяйствующих субъектов налоговых льгот, снижение «инвестиционного порога» для резидентов ОЭЗ и т. д.). Следует учитывать и небольшое число в регионе крупных игроков (производств и секторов), динамика производства в которых в условиях несырьевой специализации области на выпуске конечной продукции приводит к значительным смещениям в структуре валовой добавленной стоимости (ВРП) и внешнеторговых операций. Например, в Калининградской области это касается производства пищевых продуктов, машин и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования, транспортных средств и оборудования.

Указанные вопросы требуют оперативного реагирования и проработки, что никак не увязывается с достаточно продолжительными, а нередко и дорогостоящими, проводимыми прикладными исследованиями, разработками или программными продуктами.

В этой связи представляется обоснованным создание имитационных моделей, рационально агрегированных на уровне секторов экономики. Они могут органично взаимодействовать с известными региональными моделями, взаимно дополняя друг друга и позволяя учитывать ряд опосредованных реакций в секторах и региональной экономике в целом на изменения внешних условий и управляющие воздействия (рис. 1).

Анализ работ российских и зарубежных авторов показывает, что методический аппарат формирования таких моделей чаще всего основан на теории цепочек создания стоимости (ценности) [15]. Однако структура таких моделей не универсальна, она определяется частными целями и задачами исследователей и практиков. Не идентифицированы модели, подходящие для решения задачи экспресс-анализа управляющих воздействий на сектора для отдельных территорий (например, Калининградской области) с целью интеграции с региональными моделями.

Поэтому в ходе работы были предусмотрены формирование методологических основ, разработка и апробация на отдельных продуктовых цепочках и в отдельных секторах (производствах) системы частных моделей в форматах, пригодных для сопряжения с региональными моделями. Апробированы включение секторальных моделей и их увязка с Программно-аналитическим комплексом ситуационного прогнозирования и стратегирования социально-экономического развития Калининградской области (свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2016617454 от 6 июля 2016 года, правообладатель — БФУ им. И. Канта)¹¹.

Возникает потребность в поиске инструментов оценки формирования добавленной стоимости применительно к уровню отдельных рынков и отраслей, что неразрывно связано с конкурентоспособностью и обуславливается ею. Оптимальное решение данной задачи по-прежнему лежит в плоскости цепочек создания стоимости (ценности). В настоящее время интерес авторов смещается в сторону глобальных цепочек создания стоимости [13; 19; 20; 24; 25; 27—30; 33], а сама методология стала тяготеть к анализу таблиц «затраты-выпуск» [21; 23; 34; 35; 38; 39]. Несмотря на смену приоритетов в изучении вопроса, неоспоримым остается тот факт, что анализ цепочек создания стоимости позволяет изучить различные аспекты межфирменного взаимодействия, барьеры и ограничения на пути развития и повышения конкурентоспособности отдельных хозяйствующих субъектов, в целом выявить факторы и условия, имеющие определяющее значение для роста или перераспределения добавленной стоимости.

---

¹¹ Комплекс разработан на модели социально-экономической деятельности субъекта РФ «Регион» д-ра экон. наук, проф. В.А. Цыбатова (СГЭУ, г. Самара) [18].

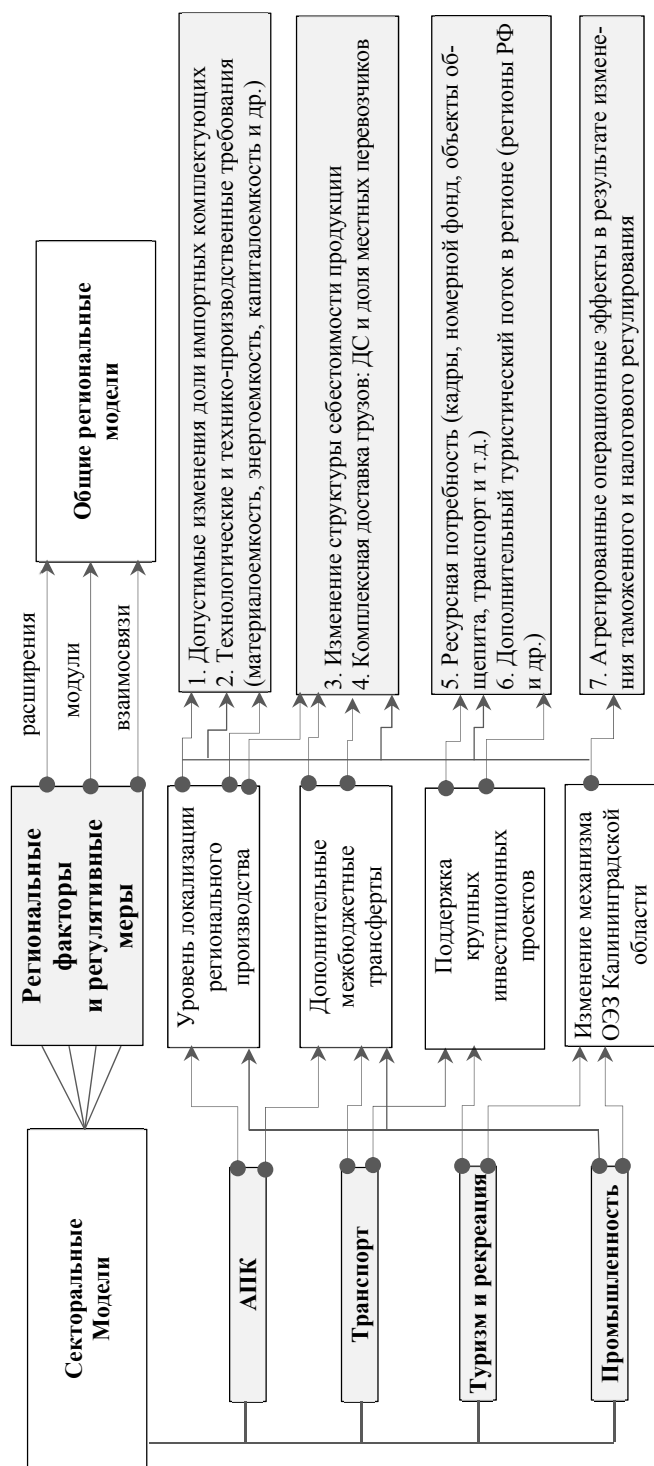

Рис. 1. Новые условия и факторы, учитываемые в секторальных моделях, для развития общих региональных моделей (фрагмент)

Примечание: АПК — агропромышленный комплекс; ОЭЗ — Особая экономическая зона; ДС — добавленная стоимость. Источник: собственные разработки авторов.

Методические обеспечение построения и апробация региональных секторальных моделей

Пилотное моделирование проводилось на примере таких отраслей Калининградской области, как АПК, транспорт, промышленность, туризм и рекреация. В рамках проектных работ был решен комплекс задач, направленных на разработку соответствующего методического обеспечения и инструментария:

- разработка методического подхода к описанию продуктовых цепочек создания стоимости и их агрегации в рамках производств, комплексов и секторов;

- формализованное представление продуктовых цепочек создания стоимости;

- анализ доступности исходных данных для построения продуктовых цепочек создания стоимости применительно к исследуемым производствам, комплексам и секторам;

- разработка методик сбора и агрегации данных для построения продуктовых цепочек создания стоимости, их дополнения в случае невозможности получения полных и достоверных сведений по их отдельным звеньям или участникам;

- разработка методики сопряжения с региональными моделями.

Применительно к указанным секторам экономики Калининградской области проведены пилотные исследования:

- разработка пилотных моделей продуктовых цепочек создания стоимости;

- построение сценариев применения пилотных типов регулирующих воздействий;

- расчеты по сценариям формирования добавленной стоимости в соответствии с выбранными пилотными типами регулирующего воздействия;

- анализ сходимости результатов и устойчивости моделей;

- разработка рекомендаций на основе результатов пилотных исследований в части обоснования выбора отдельных типов регулирующих воздействий в производствах, комплексах и секторах.

В рамках настоящего исследования для выбранных секторов экономики анализировались продуктовые цепочки создания стоимости. Уровень детализации продуктовых цепочек определялся через анализ межотраслевых связей [1; 28]: от исходных источников сырья и материалов для поставщиков до готовой продукции, доставленной конечному потребителю, и послепродажного обслуживания. Это позволяет установить основные виды деятельности (звенья) цепочек, участвующие в создании стоимости продукта для конечного потребителя.

При этом учитывалось, что сама по себе специализация хозяйствующих субъектов на операциях, следующих друг за другом в технологическом цикле, автоматически не содержит указаний на участие в единой цепи создания стоимости. Звеньями этой цепи экономические аген-

ты становятся при соблюдении двух условий: 1) совместное с другими звеньями производство и присвоение экономической ренты; 2) координация действий с другими участниками посредством управления (а) в рамках классической иерархии или (б) квазиинтегрированной (гибридной) структуры [17]. В идеале выявление цепочки создания стоимости и всех ее участников должно реализовываться как специальная исследовательская программа, основанная на приоритете качественной методологии с широкой опорой на качественные интервью и кейс-стади. В период проведения настоящего исследования фиксировался недостаток достоверных и адекватных результатов выявления цепочек в Калининградской области, поэтому их идентификация была выполнена в ходе глубинных интервью, а также на основе использования количественной методологии в форме социопроса хозяйствующих субъектов в некоторых секторах экономики региона.

При обследовании хозяйствующих субъектов и последующем использовании полученных данных для моделирования в качестве основного ограничения выступали полнота и качество экспертных оценок. Необходимая достоверность (корректность) и репрезентативность исходных данных была обеспечена посредством проведения перекрестных интервью, сопоставления результатов глубинных интервью и анкетирования со статистическими сведениями и отраслевыми обзорами, на основе независимой экспертной оценки полученных результатов.

В качестве исходных данных для построения секторальных моделей в дополнение к полученным экспертным оценкам использовались статистические сведения, публикуемые Росстатом и Калининградстатом. Репрезентативность обеспечивалась процедурами верификации и дополнения исходных данных.

В общем виде в рамках секторальных моделей производилось моделирование добавленной стоимости, что представляло собой решение задачи оптимизации взаимодействия участников цепочек создания стоимости по критерию максимума добавленной стоимости при реализации готовой продукции, то есть на выходе цепочки. Таким образом, критерием оптимальности выступает общая сумма создаваемых в цепочке факторных доходов. Исходным импульсом к оптимизации выступает определение параметров функции спроса на конечный продукт цепочки создания стоимости, что оправдано с позиций мотивации участия в цепи и формирования ценности для потребителя.

При такой постановке определяется добавленная стоимость звеньев цепи по производству сырья и материалов, их переработке (готовая продукция) с учетом ограничений. Выполняется построение оптимизационной модели кооперации с интервальными значениями некоторых ключевых параметров. В ходе моделирования учитываются взаимодействия участников цепи (все технологически взаимосвязанные отрасли и стадии движения материальных потоков, хозяйствующие субъекты и виды деятельности объединяются в производственно-экономическую систему), поэтому процессы кооперирования в цепи описываются с помощью блочной структуры [17].

По результатам проектных работ все созданные секторальные модели были реализованы в программной среде с использованием *MS Excel*^{TM}.

В рамках общей методологии построения секторальных моделей существуют определенные возможности. Во-первых, решение прямой задачи — выяснение степени влияния отдельных или совокупности факторов воздействия на изменение добавленной стоимости в секторе (задаются пользователем как сценарные параметры). Во-вторых, решение обратной задачи — выяснение, каких управляющих воздействий требует достижение желаемого (целевого) состояния сектора, — находится по целевому значению добавленной стоимости в секторе или по условиям, влияющим на ее изменение. В-третьих, при нахождении величины добавленной стоимости (прямая и обратная задачи) производится расчет всех связанных и производных показателей, характеризующих состояние и развитие сектора, а также цепочки создания стоимости: финансово-экономические, производственно-технические и технологические показатели.

Апробация секторальных моделей на примере Калининградской области проводилась при решении локальных задач для АПК, транспорта, промышленности, туризма и рекреации.

АПК. Моделирование добавленной стоимости АПК Калининградской области производилось по продуктовым цепочкам создания стоимости основных видов выпускаемой в регионе продукции: овощи переработанные и консервированные (соленья, овощи очищенные, вареные, соусы, рагу, варенье и джемы и т. д.); мясо и мясная пищевая продукция; молоко и молочная продукция. Модель представляет собой решение задачи оптимизации взаимодействия участников цепочки по критерию максимума добавленной стоимости с интервальными значениями некоторых ключевых параметров. Учитывается влияние различных факторов управляющего воздействия (например, курс валюты, уровень локализации производства, урожайность, производственные мощности, выход готовой продукции и др.).

С использованием модели для АПК были рассмотрены условия развития рынков молока и молочной продукции, а также выращивания и переработки овощей при введении запрета ввоза на территорию РФ отдельных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в ответ на санкции ЕС, США и других стран. Оценен требуемый рост уровня локализации производства (сокращение импортных сырья, материалов, комплектующих и др.) для сохранения гарантированной добавленной стоимости¹.

Транспорт. Моделирование транспортного сектора региона основано на разработанной программе СОТТКО (Система Определения Транспортного Тарифа и добавленной стоимости при организации пе-

---

¹ Гарантированная добавленная стоимость — добавленная стоимость, полученная региональными сельскохозяйственными производителями или переработчиками в предшествующем (базовом) периоде.

ревозок различными видами транспорта в Калининградской Области). Предусмотрен расчет стоимости перевозки и комплексной стоимости доставки отдельных грузов по видам транспорта и направлениям (экспорт и импорт, ввоз и вывоз из РФ, транзит). Модель позволяет оценить по отдельным видам грузов условия межтранспортного переключения, величину добавленной стоимости на этапах ее формирования в секторе: юридические услуги, страхование, хранение (вынужденное и договорное), погрузка и упаковка, аренда транспорта и перевозка. В транспортном секторе по результатам моделирования добавленной стоимости выявлены факторы, влияющие на ее увеличение. Проведена оценка стресс-сценария в Калининградской области при наличии только морского транспортного сообщения с остальной частью РФ (по Балтийскому морю), субсидирования транспортного тарифа на примере морского порта.

Промышленность. Моделирование в промышленности осуществлялось на примере мебельного производства Калининградской области. Построена операционная модель на основе цепочки создания добавленной стоимости условной мебельной продукции в регионе для частного случая — серийного производства и продаж через оптово-розничные каналы. Модель представляет собой решение задачи оптимизации взаимодействия участников цепочки по критерию максимума добавленной стоимости с интервальными значениями некоторых ключевых параметров. Показаны возможности сценарного моделирования добавленной стоимости в мебельном производстве региона на примере изменения курса валюты и уровня локализации производства.

На примере мебельного производства была решена и обратная задача. Путем оценки формирования добавленной стоимости в продуктовых цепочках создания стоимости при реализации пессимистического, оптимистического и компромиссного сценариев (колебания курса рубля; покупательная способность населения; стоимость рабочей силы; клиентские стилистические предпочтения; цена финансовых ресурсов; налоговая нагрузка; завершение переходного периода ОЭЗ и др.) выявлены факторы регулирующего воздействия для поддержки долгосрочной устойчивости и производства в данном секторе. Наибольшее значение имеют меры, влияющие на технический и технологический уровень производства, транспортный тариф, поддержку интеграционных процессов в связи с неблагоприятной конъюнктурой на рынке.

Туризм и рекреация. Модель создания добавленной стоимости в секторе туризма и рекреации Калининградской области представлена в виде двухмерной модели оценки добавленной стоимости при планируемых к реализации крупных инвестиционных проектов с учетом ресурсных ограничений. Проводится оценка общей добавленной стоимости в секторе, а также по отдельным услугам в составе турпродукта (услуги размещения; услуги питания; туристические услуги; экскурсионные услуги). В модели определяется размер требуемых инвестиций в основной капитал и достигаемый мультипликативный эффект в связанных отраслях экономики региона.

С использованием модели оценены планируемые к реализации инвестиционные проекты туристско-рекреационного комплекса Калининградской области: модернизация аэропорта Храброво, строительство театра эстрады, проведение этапа чемпионата мира по футболу, строительство курортной зоны «Амберленд» в пос. Куликово и др. В качестве ограничений учтены: человеческие ресурсы; инфраструктура; мощность объектов отдыха, развлечений и сервиса. Оценено требуемое количество ресурсов для реализации инвестиционных проектов и возможные мультипликативные эффекты.

В настоящее время в БФУ им. И. Канта ведется работа по автоматизированной настройке расширений программно-аналитического комплекса ситуационного прогнозирования и стратегирования социально-экономического развития Калининградской области за счет создания дополнительных модулей на основе рассмотренных секторальных моделей.

Внедрение секторальных моделей в практику управления

Отдельные возможные направления и сферы применения секторальных моделей приведены в таблице, где приведена оценка технологий, производительности труда, отдельных производств, институтов, системы мер поддержки и др.

Практика и сферы применения секторальных моделей в региональном управлении (фрагмент)

Параметр оценки и факторы развития	Региональный выбор (с учетом потенциала и условий развития региона)	Результирующая оценка
Производительность труда	Кадры и баланс рынка труда	ВРП
Производство и услуги	Резервы роста добавленной стоимости при выборе регулятивных мер	Вклад секторов в ВРП
Система мер поддержки бизнеса	Сокращение барьеров. Решение проблемы избыточных и необоснованных льгот	Производство. Новые компании. ВРП
Институты	Обоснование режимов предпринимательства	Деловая активность и инвестиционный климат
Инвестиционные проекты (в том числе инфраструктурные)	Якорные инвесторы и стратегические приоритеты	Селективная поддержка и приоритизация проектов
Интеграция и взаимодействия агентов (глобальные цепочки)	Выбор эффективных форм интеграции бизнеса в глобальные цепочки стоимости	ВРП, экспорт, доход
Стресс-сценарии при изменении внешних условий	Комплекс превентивных и антикризисных мер	Устойчивость региональной системы

Окончание табл.

Параметр оценки и факторы развития	Региональный выбор (с учетом потенциала и условий развития региона)	Результирующая оценка
Таргетирование ОРВ	Система фильтров (комбинации критериев) отбора	Эффективность ОРВ
Производительность труда	Кадры и баланс рынка труда	ВРП

Источник: собственные разработки авторов.

Оценка результатов на уровне производств и секторов интегрируется в известных макроэкономических показателях, и на уровне региона достигаются следующие дополнительные эффекты:

— бюджет: сокращение затрат на проведение НИР, прогнозы, аналитику, приобретение программных продуктов и их обслуживание;

— кадры: экономия средств и времени на обучение и повышение квалификации сотрудников, привлечение специалистов в области прогнозирования;

— прогноз: точность прогнозных оценок, комплексное видение ситуации — от рынка (продукта) до сектора и региона;

— выбор и решения: получение объективных оценок эффективности решений и влияния на экономику принимаемых мер; анализ возможных последствий принимаемых решений относительно макроэкономических показателей;

— базы данных: формирование аналитических данных, сведений о состоянии рынков, производств, секторов и их влиянии на состояние и развитие региона.

Кроме того, так как построение секторальных моделей и агрегирование происходит по вертикали — от уровня производства до региона — с точки зрения бизнеса может быть получена следующая аналитическая информация:

— оценка добавленной стоимости по видам продуктов и бизнеса в целом, ее связь с отдельными бизнес-процессами, затратами на производство. Это позволяет оценить их эффективность, выявить «узкие» места;

— выявление связи увеличения или сокращения добавленной стоимости со снижением или ростом операционной эффективности (объем продаж, издержки, прибыль), а также причин того или иного несоответствия;

— оценка последствия для бизнеса мер государственного регулирования с точки зрения изменения добавленной стоимости и операционной эффективности;

— определение оптимальных механизмов роста доходности, в том числе в части поддержки различных форм взаимодействия внутри цепочки создания стоимости.

Необходимо подчеркнуть, что представленный подход и модели не являются только региональными инструментами, если учитывать сконцентрированность администраций регионов на решении оперативных задач, имеющихся у них ресурсов, а главное — на определение границ влияния и степени участия в формировании региональной экономической политики. На наш взгляд, использование этого инструментария имеет также большую практическую значимость на федеральном уровне при решении различных вопросов управления, включая стратегическое, или обосновании выбора конкретных мер воздействия для улучшения ситуации в регионах.

Заключение

Сегодня разработанный инструментарий и секторальные модели получили практическое применение в субъектах РФ при решении таких задач, как оценка влияния на регион развития высокотехнологичных производств (вхождение крупных игроков), эффективности проектов импортозамещения, роста производительности труда, результативности и достигаемых эффектов от реализации мер отраслевых стратегий и программ.

Апробация секторальных моделей и их последующее пилотное использование в практике регионального управления показали работоспособность и потенциал развития такого типа моделей. Особенности построения секторальных моделей делает их доступными для различных регионов — РФ и стран Балтийского моря. В свою очередь, получаемые по итогам расчетов оценки создают доказательную базу для обоснования принятия конкретных решений, что переводит их из плоскости экспертно-интуитивных суждений на уровень рационального выбора.

В качестве перспективного направления развития данного исследования представляется решение методологической задачи построения на базе секторальных моделей комплексной региональной модели, имеющей возможности для агрегированной оценки последствий управляющих воздействий через систему макроэкономических показателей.

С учетом актуальности теоретических разработок и практической значимости полученных результатов в части оценки управляющих воздействий с применением секторальных моделей в настоящий момент готовится серия публикаций, посвященных применению их отдельных видов (АПК, транспорт, промышленность, туризм и рекреация) в сфере государственного управления на региональном уровне.

Авторы выражают свою признательность группе экспертов, молодым исследователям и аспирантам БФУ им. И. Канта за участие в разработке секторальных моделей, которая осуществлялась при реализации проекта по созданию университетской информационно-аналитической системы поддержки региональных социально-экономических исследований.

Список литературы

1. Андреева Т. В. Проектирование цепочек создания стоимости продукта в пищевой промышленности // Вестник ОГУ. 2011. № 13 (132). С. 6—13.
2. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления : учебник. 4-е изд., стер. М., 2014.
3. Беляев А. Н., Дерман Д. О., Цыганков Д. Б. Методические подходы к мета-оцениванию качества заключений об оценке регулирующего воздействия // Проектирование, мониторинг и оценка. 2011. № 1. С. 23—51.
4. Волошенко К. Ю., Кузнецова А. Л. Опыт разработки и применения балансовой модели управления региональным развитием в специфических территориальных условиях // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 7—26.
5. Гареев Т. Р., Волошенко К. Ю. Особенности построения балансовой модели эксклавного региона // Экономика региона. 2015. № 2 (42). С. 113—134.
6. Горшенина Е. В. Региональные экономические исследования: теория и практика : монография. Тверь, 2009.
7. Государственное стратегическое управление : монография / под общ. ред. проф. Ю. В. Кузнецова. СПб., 2014.
8. Государственное управление: основы теории и организации : учебник : в 2 т. / под ред. В. А. Козбаненко. Изд. 2-е, изм. и доп. М., 2002.
9. Гранберг А. Г. Моделирование социалистической экономики : учебник. М., 1988.
10. Клименко А. В. Десятилетие административной реформы: результаты и новые вызовы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 1. С. 8—51.
11. Клименко А. В., Минченко О. С. Государственное регулирование экономики: вопросы теории и лучшая практика // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 7—30.
12. Костенников М. В., Куракин А. В., Павлюк А. В. К вопросу о понятии и методах государственного управления в административном праве // Административное и муниципальное право. 2013. № 5. С. 430—439.
13. Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России // Вестник Финансового университета. 2015. № 1 (85). С. 83—96.
14. О развитии института оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации и органах местного самоуправления в 2015 году / Министерство экономического развития РФ. М., 2015. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/a8b992a6-f3b2-4c79-adb2-5601bb1c8d76/doklad+orv+2015.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a8b992a6-f3b2-4c79-adb2-5601bb1c8d76> (дата обращения: 23.09.2016).
15. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М., 2005.
16. Райзберг Б. А. Государственное управление экономическими и социальными процессами. М., 2010.
17. Солдатова С. Э., Волошенко К. Ю. Идентификация и моделирование участия предприятий регионального АПК в цепочках создания стоимости // Управленческое консультирование. 2016. № 10. С. 83—92.
18. Цыбатов В. А. Макроэкономическое моделирование, прогнозирование и планирование регионального развития : учебное пособие. Самара, 2016.
19. Amador J., Cabral S. Global value chains: A survey of drivers and measures // Journal of Economic Surveys. 2016. № 30 (2). P. 278—301.
20. Banga R. Linking into global value chains is not sufficient: Do you export domestic value added contents? // Journal of Economic Integration. 2014. № 29 (2). P. 267—297.

21. *Bullón D., Mena T., Meng B. et al.* Using the Input-Output Approach to Measure Participation in GVCs: The Case of Costa Rica // Working paper prepared for the IARIW 33rd General Conference Rotterdam. The Netherlands. 2014. August. P. 24—30. URL: <http://unstats.un.org/unsd/trade/events/2014/mexico/documents/session3/Session%204C%20-%20Bullon%20Paper.pdf> (дата обращения: 29.09.2016).
22. *Fedorov G.M., Korneevets V.S., Tarasov I.N., Chasovskiy V.I.* Document Russia among the countries of the Baltic region // Journal of Economics and Financial. 2016. Iss. 6 (4). P. 1502—1506.
23. *Frederick S.* Combining the Global Value Chain and Global I-O Approaches // Discussion Paper prepared for the UN Statistics Division International Conference on the Measurement of International Trade and Economic Globalization. 2014. URL: http://unstats.un.org/unsd/trade/events/2014/mexico/documents/session3/2014-09-29_Frederick,%20Stacey_Combining%20GVC%20and%20global%20I-O%20approaches.pdf (дата обращения: 29.10.2016).
24. *Global value chains in a changing world* / ed. by D.K. Elms, P. Low. Geneva, 2013. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/aid4tradeglobalvalue13_e.pdf (дата обращения: 13.10.2016).
25. *Global Value Chains in a Postcrisis World: A Development Perspective.* World Bank. Washington, D.C. World Bank, 2014. URL: http://www.cggc.duke.edu/pdfs/Gereffi_GVCs_in_the_Postcrisis_World_Book.pdf (дата обращения: 13.10.2016).
26. *Haidar J.I.* The impact of business regulatory reforms on economic growth // Journal of the Japanese and International Economies. 2012. Vol. 26, Iss. 3. P. 285—307.
27. *Ju J., Yu X.* Productivity, profitability, production and export structures along the value chain in China // Journal of Comparative Economics. 2015. Vol. 43, Iss. 1. P. 33—54.
28. *Kaplinsky R., Morris M.* Handbook for Value Chain Research. IDS, 2003.
29. *Kaplinsky R., Terheggen A., Tijaja J.* China as a Final Market: The Gabon Timber and Thai Cassava Value Chains // World Development. 2011. № 39 (7). P. 1177—1190.
30. *Karlik A.E., Maksimtsev I.A., Iakovleva E.A.* Modern architecture of global value chains and value chain management of Russia // Proceedings of the 19th International Conference on Soft Computing and Measurements. SCM, 2016. P. 518—520.
31. *Klemeshev A.P., Fedorov G.M., Manakov A.G.* Baltic subjects of the Russian Federation among border regions of Russia // International Journal of Economics and Financial Issues. 2015. № 5 (Spec. Issue). P. 41—48.
32. *Kuzmin A., Tsygankov D.* The emerging field of evaluation and the growth of the evaluation profession: The russian experience // Canadian Journal of Program Evaluation. 2013. № 28 (3). P. 87—102.
33. *Kwon T., Ryou J-W.* Global Value Chains of East Asia: Trade in Value Added and Vertical Specialization // Asian Economic Journal. 2015. Vol. 29, № 2. P. 121—143.
34. *Lenzen M., Moran D., Kanemoto K.* Building Eora: a Global Multi-Region Input-Output Database At High Country and Sector Resolution // Economic Systems Research. 2013. № 12(1). P. 37—41.
35. *Los B., Timmer M.P., de Vries G.J.* How global are global value chains? A new approach to measure international fragmentation // Journal of Regional Science. 2015. № 55(1). P. 66—92.
36. *Mayer F.W., Phillips N., Posthuma A.C.* The political economy of governance in a 'global value chain world' // New Political Economy. 2017. № 22(2). P. 129—133.

37. *OECD. Recommendation of the Council on Regulatory Policy and Governance*. 2012. URL: <http://www.oecd.org/governance/regulatory-policy/49990817.pdf> (дата обращения: 12.01.2017).

38. *Suder G., Liesch P.W., Inomata S. et al. The evolving geography of production hubs and regional value chains across East Asia: Trade in value-added* // *Journal of World Business*. 2015. Vol. 50. P. 404—416.

39. *Timmer M.P., Los B., Stehrer R., Vries G.J. Fragmentation, Incomes and Jobs: An Analysis of European Competitiveness* // *Economic Policy*. 2013. № 28. P. 613—661.

Об авторах

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор Центра моделирования социально-экономического развития региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Алексей Константинович Пономарев, кандидат технических наук, вице-президент по стратегии и связям с индустрией, Сколковский институт науки и технологий, Россия.

E-mail: ponomarev@skoltech.ru

Для цитирования:

Волошенко К.Ю., Пономарев А.К. Внедрение в практику регионального управления секторальных моделей: оценка влияния управляющих воздействий на экономику // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, №4. С. 93—113. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-5.

INTRODUCING SECTORAL MODELS INTO REGIONAL MANAGEMENT: AN ASSESSMENT OF REGULATORY IMPACTS ON THE ECONOMY

K. Yu. Voloshenko¹

A. K. Ponomarev²

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University.*

14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

² *Skolkovo Institute of Science and Technology*

100, Novaya str., Moscow Region, Skolkovo, 143025, Russia

Submitted on June 18, 2017

Regardless of the geography of regions, management at the regional level, both in Russia and the Baltic Sea countries, faces many challenges. Hence, it is necessary to search for new effective economic management tools, since traditional approaches and modeling practices at the regional level are not suitable for either analysing various types of impact on regional economy (production, market (product), sector, region), or assessment of their consequences and identification of the necessary measures in any given economic conditions. The authors construct sectoral models

to assess regulatory impacts on regional economic performance. Assessments of regulatory impacts on product value chains, economic sectors, and regions as a whole show good repeatability, which makes it possible to provide a rationale for economic decision-making. The authors propose new sectoral models using the Kaliningrad region as an example. The models are used in a comprehensive analysis of conditions for a GRP growth resulting from an increase in sectoral contributions. To this end, the study uses the well-known approaches of simulation modelling, as well as qualitative and quantitative methods in combination with economic-mathematical optimisation models. The article presents a pilot model of regulatory impacts for selected sectors of the Kaliningrad economy. The developed and tested models suggest that a rationale for economic decision-making and consequent actions should be based on the assessment of the impact of different groups of external, internal, and independent factors on value chains, based on the criterion of optimal factor income. In conclusion, the authors offer recommendations for using the proposed models in business, public administration and regional economic modeling.

Key words: region, economic sectors, simulation models, regulatory impact, value chain

References

1. Andreeva, T. V. 2011, The projecting of product cost creation chains in food industry, *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University], Vol. 13, no. 132, p. 6–13. (In Russ.)
2. Atamanchuk, G. V. *Teoriya gosudarstvennogo upravleniya* [The theory of state administration], Moscow, 2014, 525 p. (In Russ.)
3. Belyaev, A. N., Derman, D. O., Tsygankov, D. B. 2011, *Methodological approaches to meta-evaluation of the quality of the regulatory impact assessments, Proektirovanie, monitoring i otsenka* [Engineering, monitoring and evaluation], no. 1, p. 23—51. (In Russ.)
4. Voloshenko, K. Yu., Kuznetsova, A. L. 2014, The Balance Model of Regional Development Management in Certain Territorial Conditions: Development and Application, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 3, p. 4–21. doi: 10.5922/2079-8555-2014-3-1.
5. Gareev, T. R., Voloshenko, K. Yu. 2015, Features of Balance Model Development of Exclave Region, *Ekonomika regiona* [Economy of Region], Vol. 2 (42), p. 113–134. (In Russ.). doi: 10.17059/2015-2-9.
6. Gorshenina, E. V. 2009, *Regional'nye ekonomicheskie issledovaniya: teoriya i praktika* [Regional economic research: theory and practice], Tver, 203 p. (In Russ.)
7. Kuznetsova, Yu. V. (eds.) 2014, *Gosudarstvennoe strategicheskoe upravlenie* [State strategic management], Saint Petersburg, 320 p. (In Russ.)
8. Kozbanenko, V. A. (eds.) 2002, *Gosudarstvennoe upravlenie: osnovy teorii i organizatsii* [State administration: foundations of theory and organization], Moscow. (In Russ.).
9. Granberg, A. G. 1988, *Modelirovanie sotsialisticheskoi ekonomiki* [Modeling of the Socialist Economy], Moscow, 487 p. (In Russ.)
10. Klimenko, A. V. 2014, The decade of administrative reform: results and new challenges, *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], no. 1, p. 8—51. (In Russ.)
11. Klimenko, A. V., Minchenko O. S. 2016, State regulation of the economy: theory and best practices, *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* [Public Administration Issues], no. 3, p. 7—30. (In Russ.)
12. Kostennikov, M. V., Kurakin, A. V. Pavlyuk, A. V. 2013, On the issue of definition and methods of state administration in administrative law, *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative Law and Administration Practice], no. 5, p. 430—439. (In Russ.)

13. Meshkova, T. A., Moiseichev, E. Ya. 2015, Global Value Chains: World Trends and the Russia's Involvement, *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial university], Vol. 1, no. 85, p. 83–96. (In Russ.)
14. On the development of regulatory impact assessment Institute in the regions of the Russian Federation and bodies of local self-government in 2015, 2015, available at: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/a8b992a6-f3b2-4c79-adb2-5601bb1c8d76/doklad+orv+2015.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=a8b992a6-f3b2-4c79-adb2-5601bb1c8d76> (accessed 23.09.2016).
15. Porter, M. 2005, *Konkurentnoe preimushchestvo: Kak dostich' vysokogo rezul'tata i obespechit' ego ustoichivost'* [Competitive advantage: How to obtain a high result and to provide its stability], Moscow, 454 p. (In Russ.)
16. Raizberg, B. A. 2010, Gosudarstvennoe upravlenie ekonomicheskimi i sotsial'nymi protsessami [State management of economic and social processes], Moscow, 384 p. (In Russ.)
17. Soldatova, S. E., Voloshenko, K. Yu. 2016, Identifying and modeling the participation of regional agro-industrial sector producers in value chains, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], no. 10, p. 83–92. (In Russ.)
18. Tsybatov, V. A. 2016, *Makroekonomicheskoe modelirovanie, prognozirovaniye i planirovanie regional'nogo razvitiya* [Macroeconomic modelling, forecasting and planning of regional development], Samara, 314 p. (In Russ.)
19. Amador, J., Cabral, S. 2016, Global value chains: A survey of drivers and measures, *Journal of Economic Surveys*, Vol. 30, no. 2, p. 278–301.
20. Banga, R. 2014, Linking into global value chains is not sufficient: Do you export domestic value added contents? *Journal of Economic Integration*, Vol. 29, no. 2, p. 267–297.
21. Bullón, D., Mena, T., Meng, B., Sánchez, N., Vargas, H. 2014, Using the Input-Output Approach to Measure Participation in GVCs: The Case of Costa Rica, *Working paper prepared for the IARIW 33rd General Conference Rotterdam*, The Netherlands, August 24–30, available at: <http://unstats.un.org/unsd/trade/events/2014/mexico/documents/session3/Session%204C%20-%20Bullon%20Paper.pdf> (accessed 29.09.2016).
22. Fedorov, G. M., Korneevets, V. S., Tarasov, I. N., Chasovskiy, V. I. 2015, Russia among the countries of the Baltic region, *International Journal of Economics and Financial Issues*, Vol. 6, no. 4, p. 1502–1506.
23. Frederick, S. 2014, Combining the Global Value Chain and Global I-O Approaches, *Discussion Paper prepared for the UN Statistics Division International Conference on the Measurement of International Trade and Economic Globalization*, available at: http://unstats.un.org/unsd/trade/events/2014/mexico/documents/session3/2014-09-29_Frederick,%20Stacey_Combining%20GVC%20and%20global%20I-O%20approaches.pdf (accessed 29.09.2016).
24. Elms, D. K., Low, P. (eds.) 2013, *Global value chains in a changing world*, Fung Global Institute (FGI), Nanyang Technological University (NTU), and World Trade Organization (WTO), Geneva, WTO Publications, available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/aid4tradeglobalvalue13_e.pdf (accessed 13.10.2016).
25. Global Value Chains in a Postcrisis World: A Development Perspective. World Bank. Washington, D. C. World Bank, 2014, available at: http://www.cggc.duke.edu/pdfs/Gereffi_GVCs_in_the_Postcrisis_World_Book.pdf (accessed 13.10.2016).
26. Haidar, J. I. 2012, The impact of business regulatory reforms on economic growth, *Journal of the Japanese and International Economies*, Vol. 26, no. 3, p. 285–307.
27. Ju, J., Yu, X. 2015, Productivity, profitability, production and export structures along the value chain in China, *Journal of Comparative Economics*, Vol. 43, no. 1, p. 33–54.
28. Kaplinsky R., Morris, M. 2003, *Handbook for Value Chain Research*, IDS.

29. Kaplinsky, R., Terheggen, A., Tijaja, J. 2011, China as a Final Market: The Gabon Timber and Thai Cassava Value Chains, *World Development*, Vol. 39, no. 7, p. 1177—1190.
30. Karlik, A. E., Maksimtsev, I. A., Iakovleva, E. A. 2016, Modern architecture of global value chains and value chain management of Russia, *Proceedings of the 19th International Conference on Soft Computing and Measurements*, SCM 2016, p. 518—520.
31. Klemeshev, A. P., Fedorov, G. M., Manakov, A. G. 2015, Baltic subjects of the Russian Federation among border regions of Russia, *International Journal of Economics and Financial Issues*, no. 5 (SPEC. ISSUE), p. 41—48.
32. Kuzmin, A., Tsygankov, D. 2013, The emerging field of evaluation and the growth of the evaluation profession: The Russian experience, *Canadian Journal of Program Evaluation*, Vol. 28 (3), p. 87—102.
33. Kwon, T., Ryou, J-W. 2015, Global Value Chains of East Asia: Trade in Value Added and Vertical Specialization, *Asian Economic Journal*, Vol. 29, no. 2, p. 121—143.
34. Lenzen, M., Moran, D., Kanemoto, K. 2013, Building Eora: a Global Multi-Region Input-Output Database At High Country and Sector Resolution, *Economic Systems Research*, no. 12(1), p. 37—41.
35. Los, B., Timmer, M. P., de Vries, G. J. 2015, How global are global value chains? A new approach to measure international fragmentation, *Journal of Regional Science*, Vol. 55, no. 1, p. 66—92.
36. Mayer, F. W., Phillips, N., Posthuma, A. C. 2017, The political economy of governance in a 'global value chain world', *New Political Economy*, Vol. 22, no. 2, p. 129—133.
37. OECD. Recommendation of the Council on Regulatory Policy and Governance, 2012, available at: <http://www.oecd.org/governance/regulatory-policy/49990817.pdf> (accessed 12.01.2017).
38. Suder, G., Liesch, P. W., Inomata, S., Mihailova, I., Meng, B. 2015, The evolving geography of production hubs and regional value chains across East Asia: Trade in value-added, *Journal of World Business*, Vol. 50, p. 404—416.
39. Timmer, M. P., Los, B., Stehrer, R., Vries, G. J. 2013, Fragmentation, Incomes and Jobs: An Analysis of European Competitiveness, *Economic Policy*, no. 28, p. 613—661.

The authors

Ksenia Yu. Voloshenko, Director, the Centre for Regional Socio-Economic Development Modelling, the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

Alexey K. Ponomarev, Vice President for Strategy and Industrial Cooperation, Skolkovo Institute of Science and Technology, Russia.

E-mail: ponomarev@skoltech.ru

To cite this article:

Voloshenko K. Yu., Ponomarev A. K. Introducing Sectoral Models into Regional Management: An Assessment of Regulatory Impacts on the Economy, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 93—113. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-5.

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ЯНТАРНОЙ ОТРАСЛИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ
ЯНТАРЯ
В БАЛТИЙСКОМ РЕГИОНЕ**

*Т. С. Волчецкая*¹

*Г. М. Малевски*²

*Н. А. Ренер*¹

Рассмотрены состояние и перспективы развития янтарной отрасли в Балтийском регионе. Авторы выделяют основные проблемы ее развития в России: неразвитость механизмов ценообразования на янтарное сырье, дисбаланс спроса и предложения, замедленные темпы технологического перевооружения, недостаточный уровень обновления технологий и методов производства. Отмечены пробелы в государственном регулировании янтарной отрасли, выделены вопросы правового регулирования и правоприменительной практики, связанные с защитой янтарной отрасли. Отмечено, что противодействие незаконному обороту янтаря является весьма актуальной проблемой для России (Калининградской области) и стран Балтийского региона. Цель настоящей работы состоит в том, чтобы исследовать теоретические аспекты законодательной политики, направленной на предотвращение незаконной добычи и незаконного оборота янтаря; проанализировать правоприменительную практику правовой защиты янтарной отрасли в России. Установлено, что нормы административной ответственности за самовольную добычу и сбыт янтаря не в полной мере эффективны; предложено введение мер уголовной ответственности при повторном совершении этих противоправных деяний. Показаны возможности геммологической экспертизы в исследовании янтаря и изделий из него, проанализированы особенности ее назначения.

Ключевые слова: янтарная отрасль, стратегия развития, незаконный оборот янтаря, административная ответственность, криминалистическое противодействие

Введение

С позиций промышленного освоения наиболее значимые залежи янтаря находятся на территории Калининградской области, а также Литвы,

---

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14

² Университет Миколаса Ромериса, LT-08303, Литва, Вильнюс, ул. Атейтес, 20.

Поступила в редакцию 14.08.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-6

© Волчецкая Т. С., Малевски Г. М., Ренер Н. А., 2017

Польши и Украины. Однако больше 98% янтарного сырья, встречающегося в границах указанных регионов, — это именно балтийский янтарь (сукцинит). Его наиболее крупные месторождения находятся на побережье Балтийского моря: в России (Калининградская область), Литве и Латвии.

Калининградская область уникальна в том плане, что здесь сосредоточены месторождения янтаря, возраст которых составляет около 50 млн лет. Добыча этого минерала органического происхождения на Калининградском янтарном комбинате в 2016 году составила 316,2 тонны (рост на 0,7% к 2015 году) [1].

В это же время на нелегальную добычу янтаря приходится от 25 до 50% общего объема добычи российского янтаря-сырца. Значительные объемы его незаконной добычи и незаконного оборота, рост теневого оборота янтарного сырья препятствуют нормальному развитию янтарной отрасли, снижают ее инвестиционную привлекательность.

Несмотря на то что в пос. Янтарный сосредоточено 90% мировых запасов янтаря, на рынке ювелирных изделий из него доля Калининградской области составляет всего 5% (см. рис.).

Рис. Структура мирового рынка ювелирных изделий с янтарем

Постановка проблемы

Основными проблемами развития янтарной отрасли в РФ на сегодняшний день являются такие, как неразвитость механизмов ценообразования на янтарное сырье, дисбаланс спроса и предложения янтаря-сырца, замедленные темпы технологического перевооружения, недостаточный уровень обновления технологий и методов производства. К ним также можно отнести и следующие проблемы: низкая конкурен-

тоспособность калининградских производителей продуктов переработки янтаря на международном рынке; отставание российских производителей янтарной продукции в области маркетинга, недостаточное использование здесь туристических возможностей Калининградской области; наличие пробелов в государственном регулировании янтарной отрасли; значительные объемы незаконной добычи и контрабанды янтаря.

Такое большое количество нерешенных вопросов заставляет задуматься о разработке комплекса мер по совершенствованию янтарной отрасли, часть из которых уже намечена в Стратегии развития янтарной отрасли РФ [2], разработанной в соответствии с поручением Президента Российской Федерации. Вместе с тем нельзя не отметить то, что явно недостаточно внимания уделяется возможностям правоохранительной системы по противодействию теневому обороту янтаря.

Актуальность

В Стратегии развития янтарной отрасли РФ на период до 2025 года запланировано довести добычу янтаря-сырца до 500 тонн в год, нарастить объем производства продуктов переработки янтаря до 5,6 млрд рублей, увеличить занятость в янтарной отрасли до 6 тыс. человек, снизить экспорт янтарного сырья до 15% [2].

Полагаем, что достижение таких результатов станет возможным только при одновременном принятии комплекса правоохранительных мер по противодействию незаконному обороту янтаря, разработка которых стала крайне необходимой.

Несомненно, противодействие незаконному обороту янтаря — весьма актуальная проблема, и не только для отдельно взятой Калининградской области и России в целом, но также для стран Балтийского региона. Ведь янтарь является стратегически важным сырьевым ресурсом [3]. Известно, что в настоящий период сырьевые рынки выступают мощным инструментом геополитики, и с течением времени их влияние будет только усиливаться, поскольку минеральные ресурсы невосполнимы.

Субъекты Российской Федерации, где найдены запасы янтаря, приведены в таблице 1.

Таблица 1

Субъекты РФ, имеющие запасы янтаря

Субъект РФ	Количество объектов с проявлениями янтаря
Калининградская область	2 месторождения, 8 участков
Ненецкий автономный округ	1 участок
Красноярский край	6 участков
Томская область	1 участок
Сахалинская область	8 участков
Камчатский край	5 участков
Чукотский автономный округ	2 участка
<i>Итого</i>	<i>33 объекта</i>

Статистические данные

За незаконный промысел янтаря в 2016 году полицейские задержали в России около 2,5 тыс. человек, изъяли 270 мотопомп и другой техники, а также 27 килограммов добытого янтаря. Лица, незаконно добывающие янтарь, заплатили административных штрафов на 8 млн 700 тыс. рублей, что можно считать незначительной суммой по сравнению с доходами нелегальных старателей. Наиболее опытные добытчики янтаря — нелегалы («кроты») за несколько часов работы в карьере могут выручить до 300 долларов. Объем незаконной добычи янтаря в Калининградской области ежегодно оценивается в 70—100 тонн.

Степень разработанности проблемы

Проблема незаконного оборота сырьевых ресурсов в различных регионах России рассматривается в отдельных диссертационных исследованиях, среди которых нужно отметить работы О.С. Кучина, В.Н. Шутовой, С.Н. Мальтова, А.Г. Иванова [4—7]. Но большинство исследований посвящено противодействию незаконному обороту драгоценных металлов и драгоценных камней, тогда как по вопросам, связанным с нелегальным оборотом янтаря, есть лишь единичные научные публикации [8—10]. Очевидно, что наиболее важные аспекты правовой и правоприменительной защиты янтарной отрасли остались малоизученными и требуют пристального внимания со стороны международного и регионального научного сообщества.

Практика применения норм об административной ответственности за незаконный оборот янтаря

В соответствии со ст. 7.5 КоАП РФ за административные правонарушения на граждан налагается административный штраф в размере от 3 до 5 тыс. рублей с конфискацией орудия совершения административного правонарушения [11].

Объектом данного правонарушения применительно к рассматриваемой теме следует считать государственную собственность на недра в границах территории России, предметом правонарушения — янтарь. При этом составом данного правонарушения охватывается сбыт и добыча янтаря, не отнесенного законом к драгоценным камням. В то же время необходимо отметить, что соответствующим постановлением Правительства утвержден специальный порядок отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням [12]. В этом документе установлены основные критерии отнесения уникальных образований к драгоценным камням, из чего можно заключить, что на них в полной мере распространяются требования федерального закона «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [13], за нарушения которых

предусмотрена уже уголовная ответственность. В частности, по ст. 191 УК РФ «Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга», а также по ст. 192 УК РФ «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней».

Задержание нелегальных добытчиков янтаря в ходе профилактических рейдов по пресечению незаконной добычи янтаря происходит 2—3 раза в неделю.

Так, 23 мая 2017 года в лесном массиве у реки Нейма, в районе пос. Черепаново под г. Светлый в ходе ночной спецоперации сотрудники Управления экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД РФ по Калининградской области совместно с коллегами из ОМВД РФ по Светловскому городскому округу провели профилактический рейд по пресечению незаконной добычи янтаря-сырца. Полицейские задержали 16 жителей Зеленоградского района в возрасте от 18 до 47 лет в составе двух групп: одна бригада пыталась вымыть солнечный камень с помощью вмонтированной в грузовик ГАЗ-66 самодельной помпы, которая была замаскирована камуфлирующей сеткой. Вторая группа правонарушителей передвигалась по побережью на трех легковых автомобилях, используя три мотопомпы [14].

Конечно, далеко не все правонарушители бывают задержаны, поскольку многие из них достаточно быстро покидают место происшествия. Группы таких «копателей» хорошо подготовлены и мобильны, у них хорошо проработана схема оповещения о времени и месте проведения очередного рейда. Кроме того, есть еще аквалангисты, которые ловят янтарь в море.

Как показал анализ судебной практики по ст. 7.5 КоАП РФ за 2016—2017 годы, штраф налагается, как правило, в размере 4 тыс. рублей с конфискацией лопат, мотопомп, шлангов, сачков, металлических штанг, труб и других подручных средств, необходимых для проведения работ по незаконной добыче янтаря [15].

Но эти санкции не останавливают нарушителей от совершения повторного однородного правонарушения. Большинство нелегальных добытчиков — неработающие жители пос. Янтарный, у них отсутствует постоянный источник дохода, поэтому многие из них штрафы не оплачивают. Происходит сопутствующее правонарушение в виде уклонения от уплаты административного штрафа [16]. В таких ситуациях мировым судьей на основании ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ назначается административное наказание в виде обязательных работ, как правило, на срок от 20 до 30 часов [17].

Учитывая сказанное выше, мы считаем, что существующие предложения по увеличению штрафов до 50 тыс. рублей не станут эффективной мерой по противодействию незаконному обороту янтаря. Пожалуй, одной из экономических мер улучшения ситуации в янтарной отрасли могло бы стать предоставление недр в пользование индивидуальным предпринимателям путем выдачи лицензии, которая давала бы право на разработку месторождений полезных ископаемых, что спо-

собствовало бы повышению занятости населения и собираемости налогов. По состоянию на 1 января 2017 года в России действует всего семь лицензий на пользование недрами с проявлениями янтаря.

Похожая ситуация с нелегальным янтарным промыслом в соседней Польше: штраф в размере 500 злотых не останавливает «янтарщиков» от совершения правонарушений, так как доход за одну ночь может составить до 10 тыс. злотых. Польские пограничники, лесная охрана, полиция, таможенная служба и муниципальная охрана несколько раз в неделю проводят рейды по задержанию подозреваемых в незаконной добыче янтаря от Крыницы Морской до Устки.

Приведем типичный пример неэффективности применения административных норм.

Так, 6 мая 2017 года в прибрежной зоне Балтийского моря полицейские задержали три бригады копателей, которые были привлечены к административной ответственности за самовольную добычу янтаря: 16 мужчин добывали при помощи лопат ценную ископаемую смолу. Земляные работы велись с риском для жизни — на дне глубоких котлованов, вырытых в нарушение закона. Двое из задержанных своевременно не уплатили три штрафа на сумму 11 тыс. рублей за аналогичные правонарушения, совершенные ранее [18].

Очевидно, что повторное правонарушение, связанное с самовольной добычей янтаря, совершенное, как правило, группой лиц, должно влечь не административную, а уголовную ответственность с целью более эффективного противодействия данной незаконной деятельности.

В результате нелегальной добычи янтаря происходит и негативное воздействие на окружающую среду, вымывается плодородный слой почвы сельскохозяйственного назначения. Так, в Зеленоградском районе в лесном массиве между поселками Надеждино и Вольное можно наблюдать «лунный пейзаж» с обилием «кратеров». В результате длительной незаконной добычи янтаря в этом районе уничтожено три гектара почвы, а для рекультивации таких участков требуются весьма значительные средства.

Представители всероссийской общественной организации «Зеленый патруль» оценивают экологический ущерб сельскохозяйственным землям Калининградской области от нелегального янтарного промысла в сумму от 250 до 400 млн рублей.

За снятие и перемещение плодородного слоя почвы ответственность наступает по ст. 8.6 КоАП РФ «Порча земель», которая предусматривает штраф от 1 до 3 тыс. рублей. Данная статья применяется редко, так как вину собственника или арендатора земельного участка довольно сложно доказать, ведь они, как правило, лично не участвуют в незаконной добыче янтаря.

Например, 18 июля 2016 года государственным инспектором Управления Россельхознадзора по Калининградской области совместно с собственником был произведен осмотр земельного участка и зафиксировано, что на нем имеются карьерные выемки общей площадью 1905 м². Гражданка Т. пояснила, что приобрела участок в таком состоянии, и это под-

тверждено фотоматериалами мониторинга района местонахождения земельного участка. Лица, которые нанесли ущерб почве, не были установлены [19].

Следует отметить, что нелегальные раскопки ведутся в основном на территориях государственных природных заказников регионального значения [20], за что также предусмотрена административная ответственность в ст. 8.39 КоАП РФ «Нарушение правил охраны и использования природных ресурсов на особо охраняемых природных территориях». Но данная норма не имеет превентивного воздействия на правонарушителей, так как размер административного штрафа для граждан весьма незначительный и составляет 3—4 тыс. рублей.

К сожалению, рынок изделий из янтаря переполнен подделками, некоторые искусственные смолы весьма правдоподобно имитируют цвет и текстуру природного камня. При покупке украшений из ископаемого янтаря покупатель рискует оказаться обманутым. Поэтому в таких ситуациях могла бы активнее применяться ч. 2 ст. 14.7 КоАП РФ «Введение потребителей в заблуждение относительно потребительских свойств или качества товара в целях сбыта либо при реализации», которая влечет наложение штрафа в размере от 3 до 5 тыс. рублей.

Отличить подделку от оригинала можно по следующим признакам (табл. 2).

Таблица 2

Основные свойства янтаря

Свойство	Показатель
Цвет	Бесцветный, желтый, коричневый, красный или черный, редко зеленый и синий
Твердость	От 1 до 3 по шкале Мооса
Излом	Конхоидальный (раковистый)
Относительная плотность	От 1,05 до 1,10 (янтарь плавает на поверхности насыщенного соляного раствора)
Показатель преломления	1,54
Прозрачность (светопропускаемость)	От прозрачного до непрозрачного (в зависимости от размера, количества и распределения пузырьков газа)
Люминесценция	Наиболее распространенная — слабая голубовато-белая флуоресценция под воздействием длинно- и коротковолнового ультрафиолетового излучения
Теплофизические свойства	Янтарь термопластичен (размягчается при температуре 150—200°С)
Электрические свойства	Янтарь — диэлектрик (электризуется от трения)
Характерные включения	Пузырьки (иногда двойные), спиралевидные следы, растительные остатки, насекомые, мелкие животные (очень редко), частицы кварцевого песка и другие минералы (редкие красивые включения повышают ценность янтаря)

По внешнему виду пластик имеет более яркий оттенок и равномерное распределение интенсивности цвета. Натуральный камень выглядит богаче поддельного, он обладает неповторимым узором с хаотичными переходами оттенков один в другой. На вес природный янтарь и изделия из него намного легче, чем подделки из пластмассы и стекла. Натуральный янтарь всплывает в соленой воде, подделки в таком растворе тонут. Энергичное трение янтаря о ткань или ладонь до существенного повышения температуры камня помогает ощутить слабый смолистый аромат, напоминающий запах сосны, а любая подделка выдаст себя резким неприятным запахом. Янтарь стоек к воздействию спирта и растворителей, в то время как пластмассы подвергаются разрушению при контакте с ацетоном или средством для снятия лака, которые могут повредить пластиковые имитации, изменив их цвет или создав шероховатую поверхность в месте контакта. При наличии детектора поддельных купюр у продавца можно проверить янтарь на предмет люминесценции. Конечно, лучше обратиться к специалисту, который быстро распознает подделку.

В плане выявления подделок янтаря необходимо взаимодействие следователей со специалистами и экспертами [21], в частности назначение геммологической экспертизы, которая относится к роду почвоведческих и занимается исследованием различных минералов, в том числе и янтаря. Данная экспертиза позволяет установить месторождение, из которого происходят необработанные камни, диагностировать их подлинность, выявить подделку, определить стоимость камня, условия обработки и др. К сожалению, во многих государствах имеется ряд сложностей в производстве такого вида экспертиз, поскольку в региональных государственных экспертных учреждениях они проводятся далеко не всегда [22].

Здесь также нужно упомянуть ст. 8 закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 03.07.2016) «О защите прав потребителей», в которой закреплено право потребителя на необходимую и достоверную информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о реализуемых им товарах. Причем в защиту прав потребителя могут выступать общественные объединения потребителей, их ассоциации и союзы. Однако в янтарной отрасли этого пока не происходит.

Следует отметить, что наиболее эффективной нормой КоАП РФ, связанной с незаконным оборотом янтаря, является ч. 2 ст. 16.1 «Скрытие товаров от таможенного контроля путем использования тайников или иных способов, затрудняющих обнаружение товаров, либо путем придания одним товарам вида других при перемещении их через таможенную границу», которая предусматривает наложение штрафа в размере от одной второй до трех размеров стоимости товаров с их конфискацией или без таковой.

Незаконный вывоз янтаря и изделий из него чаще всего происходит путем использования тайников.

Так, 18 августа 2016 года при таможенном досмотре туристического автобуса, выезжавшего из России в Польшу, таможенники международного пункта пропуска «МАПП Багратионовск» обнаружили 33 килограмма янтаря-сырца различных фракций, не заявленного в таможенной декларации и вывозимого тайно [23].

По итогам 2016 года контрабандного янтаря таможенниками было изъято на сумму 50 млн рублей.

Еще один типичный пример незаконного перемещения янтаря через таможенную границу.

Двадцать третьего марта 2016 года в пункте пропуска Нижнеленинское Амурзетского таможенного поста Биробиджанской таможи гражданка Российской Федерации попыталась незаконно вывезти в Китай янтарь и изделия из него. В результате личного досмотра у женщины на теле под брюками были обнаружены 27 пакетов общим весом более 1,5 кг. Она пояснила, что данные предметы были переданы ей незнакомым гражданином Китайской Народной Республики в г. Хабаровске для перемещения в Китай [24].

Пожалуй, наиболее востребованной нормой в правоприменительной практике в сфере незаконного оборота янтаря является ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ «Нарушение пропускного режима охраняемого объекта», которая предусматривает наложение штрафа в размере от 3 до 5 тыс. с конфискацией орудия совершения административного правонарушения. Начиная с 2013 года было задержано более 2 тыс. человек, незаконно проникших на территорию режимных зон предприятия.

Например, 27 мая 2017 года в 21.35 нигде не работающий Р. самовольно проник на территорию Калининградского янтарного комбината с целью незаконной добычи янтаря, где и был задержан охранниками. Он объяснил, что гулял по лесу и нечаянно зашел на ручей. Запрещающих знаков не видел и забора тоже.

Интересен исторический факт, свидетельствующий о том, что в конце 30-х годов прошлого века охранники Кёнигсбергской янтарной мануфактуры без предупреждения открывали огонь на поражение по тем, кто приближался ближе 100 метров к месту добычи янтаря [25, с. 9].

Заключение

Подводя итог, можно отметить, что административные нормы в сфере незаконного оборота янтаря сегодня реализуются не в полном объеме и не могут эффективно противодействовать нелегальной разработке природных месторождений янтаря, его незаконному вывозу за границу и рынку янтарных подделок. Очевидно, что административное наказание за эти правонарушения не является адекватным. Полагаем, необходимо активизировать применение уголовно-правовых мер воздействия на правонарушителей. Безусловно, привлечение к уголовной ответственности за хищение янтаря, незаконную предпринимательскую

деятельность, контрабанду янтаря и другие противоправные деяния в этой сфере будет способствовать достижению результатов, запланированных в Стратегии развития янтарной отрасли РФ на период до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 15 сентября 2017 года № 1966-р.

Полагаем, что для эффективности противодействия незаконному перемещению янтаря через границу необходима также активизация международного сотрудничества в сфере международно-правовой борьбы с трансграничной преступностью [26]. Интересный вариант такого сотрудничества — создание и деятельность совместных международных следственных и иных групп для расследования транснациональных преступлений и правонарушений. В этом ключе весьма перспективна идея литовских ученых-криминалистов о необходимости создания единого европейского криминалистического пространства [27; 28].

Список литературы

1. *Годовой социальный отчет 2016 г.* // Официальный сайт АО «Калининградский янтарный комбинат». URL: http://www.ambercombine.ru/press_center/godovoy-sotsialnyy-otchet/godovoy-sotsialnyy-otchet-2016-god.php (дата обращения: 10.10.2017).
2. *Об утверждении Стратегии развития янтарной отрасли Российской Федерации на период до 2025 года*: распоряжение Правительства РФ от 15.09.2017 № 1966-р. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. *Перечень стратегически важных товаров и ресурсов для целей статьи 226.1 Уголовного кодекса РФ*: постановление Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. *Кучин О. С.* Методика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом драгоценных металлов и драгоценных камней: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Владивосток, 2003.
5. *Шутова В. Н.* Криминологическая характеристика посягательств на сырьевые ресурсы Восточной Сибири и их предупреждение: дис. ... канд. юр. наук. Иркутск, 2007.
6. *Мальтов С. Н.* Уголовная ответственность за нарушения законодательства о драгоценных металлах и драгоценных камнях: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Красноярск, 2006.
7. *Иванов А. Г.* Преступления в сфере оборота драгоценных металлов и драгоценных камней: дис. ... канд. юр. наук. Хабаровск, 2010.
8. *Миненок М. Г., Миненок М. М., Подгорный Н. А.* Янтарное производство в России: криминологические и уголовно-правовые аспекты // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4. С. 56—67.
9. *Подгорный Н. А., Ренер Н. А.* Уголовно-правовая ответственность за незаконный оборот янтаря в Калининградской области: монография. Калининград, 2010.
10. *Ренер Н. А.* Криминологическая характеристика незаконного оборота янтаря // Российский следователь. 2016. № 12. С. 5—7.
11. *Статья 7.5 «Самовольная добыча янтаря»* // Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. *Об утверждении* Порядка отнесения уникальных янтарных образований к драгоценным камням : постановление Правительства РФ от 05.01.1999 № 8 (ред. от 16.12.2014). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. *О драгоценных металлах и драгоценных камнях* : федеральный закон от 26.03.1998 № 41-ФЗ (ред. от 18.07.2017). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. *Пресс-служба* УМВД России по Калининградской области. URL: <https://39.mvd.ru/news/item/10333569/> (дата обращения: 10.10.2017).

15. *Дело № 5-346/2016* об административном правонарушении, предусмотренном ст. 7.5 КоАП РФ // Архив Балтийского районного суда Калининградской области. 2016 г.

16. *Дело № 5-342/2016* об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ // Архив Балтийского районного суда Калининградской области. 2016 г.

17. *Дело № 5-87-1М/2017* об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ // Архив Балтийского районного суда Калининградской области. 2017 г.

18. *Пресс-служба* УМВД России по Калининградской области. URL: <https://39.mvd.ru/digest/item/10263900/> (дата обращения: 10.10.2017).

19. *Административное дело № 12-118/16, 12-129/16* // Архив Зеленоградского районного суда Калининградской области. 2016 г.

20. *Об утверждении* перечня особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения в Калининградской области : приказ Министерства природных ресурсов и экологии Калининградской области от 10.02.2017 № 82. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. *Malewski H., Kurapka V., Matulienė S. Navickienė Ž.* Współpraca funkcjonariuszy organów ścigania ze specjalistami pionu kryminalistycznego. Diagnoza i możliwości usprawnienia (doświadczenia litewskie) // Archiwum Medycyny Sądowej I Kryminologii/Archives of Forensic Medicine and Criminology. 2016. № 66 (3). P. 182—210.

22. *Малевски Г., Курапка В., Матулене С.* Судебная экспертиза в Литве — есть ли стратегия государственной криминалистической политики в этой области? // Наукові праці Національного Університету «Одеська Юридична Академія». Одеса, 2017. Т. 19. С. 326—335.

23. *Янтарь* не пустили в Польшу // Сайт администрация Багратионовского городского округа. URL: <http://bagrationovsk.gov39.ru/about/info/news/10304/> (дата обращения: 10.10.2017).

24. *EAOMedia*. URL: <http://eaomedia.ru/news/496174/> (дата обращения: 10.10.2017).

25. *Erichson U., Tomczyk L.* Die Staatliche Berstein-Manufactur Konigsberg. 1926—1945. Ribniz-Damgarten, 1998.

26. *Кушиниренко С., Пристансков В.* Совместные расследования: актуальность, возможности, перспективы // XIII Kriminalistika ir teismo ekspertologija: mokslas, studijos, praktika. I dalis. Vilnius, 2017. S. 372—382.

27. *Volchetskaya T.S.* Criminal-procedural and criminalistic aspects of countering trafficking in beings // Combating organized crime: criminal-procedural and criminalistics aspects of combating trafficking in human beings, illegal drugs and arms trafficking, environmental crimes Materials of the International Conference : materials of the International Conference dedicated to the 10th anniversary of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics / ed. T. Volchetskaya. Kaliningrad, 2009. P. 10—17.

28. Kurapka V., Malewski H., Matulienė S., Bilevičiūtė E. Kriminalistikos vizija 2020 ir naujos įžvalgos dėl jos ateities // XIII Kriminalistika ir teismo ekspertologija: mokslas, studijos, praktika. I dalis. Vilnius, 2017. P. 31—45.

Об авторах

Татьяна Станиславовна Волчекская, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: larty777@gmail.com

Гендрик Мариянович Малевски, доктор права, профессор Института уголовного права и процесса юридического факультета, Университет им. Миколаса Ромериса, Литва.

E-mail: henryk.malewski@gmail.com

Наталья Алексеевна Ренер, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: kurkovna@list.ru

Для цитирования:

Волчекская Т. С., Малевски Г. М., Ренер Н. А. Противодействие незаконному обороту янтаря в Калининградской области // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 114—128. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-6.

THE AMBER INDUSTRY: DEVELOPMENT CHALLENGES AND COMBATING AMBER TRAFFICKING IN THE BALTIC REGION

T. S. Volchetskaya¹

H. M. Malewski²

N. A. Rener¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski Str., Kaliningrad, 236041, Russia

² Mykolas Romeris University
20 Ateities g., Vilnius, 08303, Lithuania

This article considers the current state and prospective development of the amber industry in the Baltic Sea region. The authors identify the main obstacles to the industry's development in Russia — poor pricing mechanisms for raw amber, an imbalance between supply and demand, a slow pace of technological modernisation, and a delayed introduction of new technologies and processing techniques. The authors

identify gaps in the regulatory framework and highlight problems of legal regulation and law enforcement as regards the amber industry. Combating illegal amber extraction and trafficking is a pressing problem in the Kaliningrad region (Russia) and other Baltic region states. The article explores theoretical aspects of the legislative policy on combating illegal amber extraction and trafficking. The authors focus on the relevant law enforcement practices and hold that administrative sanctions for unauthorised amber extraction and trade are not fully effective in Russia. The authors stress the need for introducing criminal liability for a repeated offence and outline opportunities for using forensic gemological examination of amber and amber products.

Key words: amber industry, development strategy, amber trafficking, administrative responsibility, criminalist counteraction

References

1. Annual Social Report 2016, Official Website of JSC "Kaliningrad Amber Plant", available at: http://www.ambercombine.ru/press_center/godovoy-sotsialnyy-otchet/godovoy-sotsialnyy-otchet-2016-god.php (accessed 10.10.2017). (in Russ.)
2. On the approval of the Strategy for the development of the amber industry of the Russian Federation for the period until 2025, the order of the Government of the Russian Federation of September 15, 2017 No. 1966-r. (in Russ.)
3. The list of strategically important goods and resources for the purposes of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, Decree of the Government of the Russian Federation of September 13, 2012 No. 923 (in Russ.)
4. Kuchin, O. S. 2003, *Metodika rassledovaniya prestuplenii, svyazannykh s nezakonnym oborotom dragotsennykh metallov i dragotsennykh kamnei* [Methodology for investigating crimes related to illicit trafficking in precious metals and precious stones], PhD thesis, Vladivostok, 27 p. (in Russ.)
5. Shutova, V. N. 2007, *Kriminologicheskaya kharakteristika posyagatel'stv na syr'evye resursy Vostochnoi Sibiri i ikh preduprezhdenie* [Criminological characteristics of encroachments on raw materials of Eastern Siberia and their prevention], PhD thesis, Irkutsk, 152 p. (in Russ.)
6. Maltov, S. N. 2006, *Ugolovnaya otvetstvennost' za narusheniya zakonodatel'stva o dragotsennykh metallakh i dragotsennykh kamnyakh* [Criminal liability for violations of the law on precious metals and precious stones], PhD thesis, Krasnoyarsk, 24 p. (in Russ.)
7. Ivanov, A. G. 2010, *Prestupleniya v sfere oborota dragotsennykh metallov i dragotsennykh kamnei* [Crimes in the sphere of turnover of precious metals and precious stones], Khabarovsk, 215 p. (in Russ.)
8. Minenok, M. G., Minenok, M. M., Podgorny, N. A. 2013, Amber manufacture in Russia: criminological and criminally-legal aspects, *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: yesterday, today, tomorrow], no. 4, p. 56—67. (in Russ.)
9. Podgorny, N. A., Renner, N. A. 2010, *Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' za nezakonnny oborot yantarya v Kaliningradskoi oblasti* [Criminally-legal responsibility for illegal turnover of amber in the Kaliningrad region], Kaliningrad, 139 p. (in Russ.)
10. Renner, N. A. 2016, Criminalistic characteristics of illicit trafficking in amber, *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], no. 12, p. 5—7. (in Russ.)

11. Art. 7.5 "Unauthorized extraction of amber". Code of the Russian Federation on Administrative Offenses No. 195-FZ of December 30, 2001 (as amended on July 29, 2012) (as amended and supplemented, effective from 06.08.2017). (in Russ.)

12. About the statement of the Order of reference of unique amber formations to precious stones: The governmental order of the Russian Federation from 05.01.1999 N 8 (the editors from 16.12.2014). (in Russ.)

13. On precious metals and precious stones, the federal law of 26.03.1998 N 41-FZ (as amended on 18.07.2017). (in Russ.)

14. Kaliningrad policemen seized the camouflaged GAZ-66 from the black diggers of amber with a built-in pump, 2017, *Press service of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaliningrad region*, available at: <https://39.mvd.ru/news/item/10333569/> (accessed 10.10.2017). (in Russ.)

15. Case No. 5-346 / 2016 on an administrative offense under Art. 7.5. Administrative Code of the Russian Federation, Archive of the Baltic District Court of the Kaliningrad Region, 2016. (in Russ.)

16. Case No. 5—342 / 2016 on the administrative offense provided for in Part 1 of Article 20.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Archive of the Baltic District Court of the Kaliningrad Region, 2016. (in Russ.)

17. Case No. 5—87—1M / 2017 on an administrative offense provided for by Part 1 of Article 20.25 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Archive of the Baltic District Court of the Kaliningrad Region, 2017. (in Russ.)

18. Press service of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kaliningrad region, 2017, available at: <https://39.mvd.ru/digest/item/10263900/> (accessed 10.10.2017). (in Russ.)

19. Administrative case No. 12-118 / 16, 12-129 / 16. Archive of the Zelenogradsky District Court of the Kaliningrad Region, 2016. (in Russ.)

20. On the approval of the list of specially protected natural areas of regional and local significance in the Kaliningrad Region [Electronic resource]: Order of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Kaliningrad Region of 10.02.2017 N 82. (in Russ.)

21. Malewski, H., Kurapka, V., Matulienė, S. Navickienė, Ž. 2016, Współpraca funkcjonariuszy organów ścigania ze specjalistami pionu kryminalistycznego. Diagnoza i możliwości usprawnienia (doświadczenia litewskie) *Archiwum Medycyny Sądowej i Kryminologii, Archives of Forensic Medicine and Criminology*, Vol. 66, no. 3, p. 182—210.

22. Malevski, G., Kurapka, V., Matulene, S. 2017, Judicial examination in Lithuania — is there a strategy of state criminalistic policy in this area? In: *Naukovi pratsi Natsionanogo Universitetu* [Naukovi praci Natsionalnogo University], T. XIX, Odessa, p. 326—335. (in Ukr.)

23. Amber was not allowed to go to Poland, 2016, the Administration of the Bagrationovsky urban district, available at: <http://bagrationovsk.gov39.ru/about/info/news/10304/> (accessed 10.10.2017). (in Russ.)

24. *EAOMedia Information Agency*, 2016, available at: <http://eaomedia.ru/news/496174/> (accessed 10.10.2017). (in Russ.)

25. Erichson, U., Tomczyk, L. 1998, *Die Staatliche Berstein-Manufactur Koenigsberg. 1926—1945*, Ribniz-Damgarten, p. 9.

26. Kushnirenko, S., Pristankov, V. 2017, Joint investigations: relevance, opportunities, prospects, *XIII Kriminolistika ir teismo ekspertologija: mokslas, studijos, praktika. I dalis*, Vilnius, p. 372—382. (in Russ.)

27. Volchetskaya, T.S. 2009, Criminal-procedural and criminalistic aspects of counteracting trafficking in beings. In: *Combating organized crime: criminal-procedural and criminalistics aspects of combating trafficking in human beings, illegal*

drugs and arms trafficking, environmental crimes Materials of the International Conference. Materials of the International Conference dedicated to the 10th anniversary of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Legal Informatics, Kaliningrad, p. 10—17. (in Russ.)

28. Kurapka, V., Malewski, H., Matulienė, S., Bilevičiūtė, E. 2017, Kriminalistikos vizija 2020 ir naujos išvalgos dėl jos ateities, *XIII Kriminalistika ir teisimo ekspertologija: mokslas, studijos, praktika. I dalis*, Vilnius, p. 31—45.

The authors

Prof Tatiana S. Volchetskaya, the Institute of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

E-mail: larty777@gmail.com

Dr Hendryk M. Malevski, the Institute of Criminal Law and Procedure, Mykolas Romeris University, Lithuania

E-mail: henryk.malewski@gmail.com

Dr Natalia A. Renner, the Institute of Law, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia

E-mail: kurkovna@list.ru

To cite this article:

Volchetskaya T. S., Malevski H. M., Renner N. A. The Amber Industry: Development Challenges and Combating Amber Trafficking in the Baltic Region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 114—128. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-6.

ТУРИЗМ

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТУРИСТСКИЕ МАРШРУТЫ: ВОЗМОЖНОСТИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

С. В. Степанова¹

Отмечается, что проектирование и развитие трансграничных туристских маршрутов становится перспективным направлением развития сотрудничества приграничных регионов России и сопредельных государств. Изложен подход к рассмотрению данных маршрутов в качестве инструмента сохранения, воспроизводства и популяризации природного и культурно-исторического потенциала приграничных регионов, активизации предпринимательской деятельности.

Рассмотрены теоретические и практические аспекты проектирования и развития трансграничных туристских маршрутов на территории приграничных регионов Северо-Запада России; обобщен международный опыт. Представлена успешная практика создания и функционирования данных маршрутов при реализации Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства. Особое внимание уделено маршрутам на территории Республики Карелия (Голубая дорога, Белая дорога, Дорога горных промыслов).

Цель работы — обоснование значимости развития трансграничных туристских маршрутов на территории приграничных регионов Северо-Запада России. В рамках исследования анализировались теоретические и практические разработки по теме.

Проектирование и развитие трансграничных туристских маршрутов рассматривается в качестве одного из шагов на пути к формированию трансграничного туристского пространства. Предложены рекомендации по созданию благоприятных условий для активизации развития трансграничных туристских маршрутов и трансграничного туризма в целом.

---

¹ Институт экономики Карельского научного центра РАН, 185030, Россия, Республика Карелия, Петрозаводск, просп. А. Невского, 50.

Поступила в редакцию 10.04.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-7

© Степанова С. В., 2017

Ключевые слова: трансграничный туристский маршрут, приграничные регионы, Северо-Запад России, Программа приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства, международный проект, Республика Карелия

Развитие трансграничного и приграничного взаимодействия в сфере туристско-рекреационной деятельности представляется одним из значимых направлений международного сотрудничества Российской Федерации. В последние годы наблюдается интенсификация процессов сближения и интеграции приграничных регионов Северо-Запада России и сопредельных государств. Проектирование и развитие трансграничных туристских маршрутов — одно из направлений диверсификации туристского продукта, этап на пути к формированию трансграничных туристских территорий. Развитие таких маршрутов способствует активизации социально-экономической деятельности в условиях разреженного пространства приграничных периферийных регионов, являясь одним из инструментов сохранения, воспроизводства и популяризации природного и культурно-исторического потенциала территорий.

Трансграничные туристские маршруты: теоретические аспекты

Приграничные регионы сопредельных государств, предоставляющие на национальные и международные рынки туристских услуг турпродукты, во многом конкурируют друг с другом. Часто сопоставимость предлагаемых туристских продуктов детерминирована схожестью природных условий, связанностью исторических и культурных событий. Организация трансграничных туристских маршрутов, совместное использование объектов природного и культурного наследия приграничных регионов сопредельных государств представляется одним из механизмов повышения привлекательности, усиления конкурентных преимуществ территорий по обе стороны границы (в сравнении с другими сходными, но не участвующими в кооперации), способствуя более полному раскрытию их туристско-рекреационного потенциала.

В реалиях высокой информированности и самостоятельности организации отдыха современных туристов [36] все большее значение приобретает развитие туристских маршрутов, в том числе трансграничных, позволяющих формировать направленность туристских потоков, усиливая экономическую активность на территории приграничных регионов сопредельных государств вдоль маршрута.

Развитие трансграничных туристских проектов способствует их встраиванию в цепочки добавленной стоимости (основной принцип современной логистики), росту иностранных инвестиций в туристскую инфраструктуру, активизирует процессы диффузии инноваций, стимулирует увеличение туристских потоков [12], тем самым усиливая социально-экономические эффекты на территории приграничных регионов.

Проектирование и развитие трансграничных туристских маршрутов представляется инновационным инструментом технологии выявления потенциала территории и его вовлечения в экономическую сферу деятельности [3; 6; 22; 23; 42].

Обобщая имеющийся российский и зарубежный опыт, под *трансграничным туристским маршрутом* будем понимать разработанный туристскими компаниями или иными организациями маршрут (с описанием объектов показа природного и антропогенного генезиса), соединяющий территории сопредельных государств (как правило, тематического содержания) и возможный для самостоятельного посещения и/или в составе туристских групп.

В отличие от разрабатываемых туристских маршрутов в приграничных регионах, замкнутых в пределах субъекта, проектирование и развитие трансграничных туристских маршрутов возможно лишь в условиях добрососедских отношений сопредельных государств, выраженного сторонами интереса к сотрудничеству, а также заинтересованности в формировании трансграничного туристского пространства. Особое значение приобретают исторические связи между государствами, опыт сотрудничества в исторической ретроспективе [37]. Кроме того, трансграничные туристские маршруты способствуют усилению взаимопонимания между соседствующими народами, сохранению, воспроизводству и популяризации активов территории, включая природное и культурное наследие, человеческий капитал [6]. При этом одновременно с возможными положительными эффектами для социально-экономического развития территории могут проявиться новые противоречия, связанные в первую очередь с обострением конкуренции на туристском рынке [12].

Возможность использовать имеющийся потенциал приграничья, вовлечь его в экономическую сферу деятельности посредством организации трансграничных туристских маршрутов определяется рядом географических, геополитических, экономических и институциональных факторов. Прежде всего, необходимо обозначить наличие и возможность посещения уникальных объектов туристского показа как природного, так и антропогенного происхождения по разные стороны границы, а также возможность их соединения в единый маршрут. Обустройство, реконструкция существующих и создание новых объектов показа по пути следования трансграничного туристского маршрута представляется важным инструментом вовлечения потенциала территорий в экономическую сферу деятельности приграничных регионов.

Первостепенную роль в развитии трансграничных туристских маршрутов приобретает качество и совершенствование транспортной инфраструктуры (водной и наземной, включая обустройство придорожной инфраструктуры), обеспечивающей доступ к объектам туристского показа. Отличительная особенность таких маршрутов — их трансграничный характер, подразумевающий пересечение государственных границ. В этой связи определяющее значение имеют развитие погранично-таможенной инфраструктуры, включая строительство новых и обустройство уже существующих пограничных пунктов пропуска, а также возможность и легкость процедуры пересечения туристами государственной границы.

При проектировании трансграничных туристских маршрутов исследователи подчеркивают значимость не только существующих инфраструктурных возможностей территории, но и перспективных проектов ее развития [12; 22], особенно международных.

Международный опыт развития трансграничных туристских маршрутов

К настоящему времени в мировом сообществе накоплен значительный опыт проектирования, развития и совершенствования трансграничных туристских маршрутов различной тематической направленности и транспортных возможностей (пешеходные, велосипедные, автомобильные, водные и пр.). Развитие сети трансграничных туристских маршрутов демонстрирует огромную работу европейских государств по сохранению, популяризации и воспроизводству природного и культурно-исторического потенциала территорий. Сегодня в Европейском союзе достаточное внимание уделяется проектированию, развитию туристских трансграничных маршрутов, совершенствованию их инфраструктуры [8], вовлечению большего числа заинтересованных сторон, маркетинговому продвижению маршрутов. При этом актуальность их развития не снижается, разрабатываются новые маршруты, улучшается инфраструктура, существующие объекты показа дополняются новыми.

В качестве примера глубокой проработанности и кооперации следует привести велосипедную сеть (*Euro Velo*), включающую 14 маршрутов протяженностью около 70 тыс. км, большая часть которых уже существует (45 тыс. км). Управление сетью осуществляется Европейской федерацией велосипедистов (*European Cyclists' Federation*), гарантирующей высокие стандарты качества передвижения и навигации на маршрутах [9]. Особый интерес представляет развитие трансъвропейского туристского велосипедного маршрута вдоль бывшего «железного занавеса» (*Iron Curtain Trail*) протяженностью более 10,4 тыс. км, проходящего через 20 государств от Баренцева моря (Россия — Норвегия) до Черного моря; реализация этого маршрута осуществляется при поддержке Европейской комиссии [11].

В Центральной и Восточной Европе широкое развитие получили *зеленые маршруты (greenways)*, представляющие собой многофункциональные маршруты, пролегающие вдоль природных коридоров, исторических торговых путей, рек и железных дорог, передвижение по которым возможно лишь на немоторизированных транспортных средствах. Представляя собой базис для реализации местных инициатив социального характера и проектов, связанных с охраной природы и ландшафтов, сохранением культурного наследия, а также с экологическим туризмом и транспортом (без ущерба окружающей среде), зеленые маршруты координируются местным сообществом. Сформированная сеть зеленых маршрутов в Центральной и Восточной Европе включает в себя несколько трансграничных маршрутов, из которых можно

выделить: *Янтарный путь из Будапешта в Краков (Amber Trail from Budapest to Krakow: Польша, Словакия, Венгрия), Краков — Моравия — Вена (Krakow — Moravia — Vienna Greenway: Польша, Чехия, Австрия), Зеленый велосипед — Восточные Карпаты (Green Bicycle — East Carpathian Greenway: Польша, Словакия, Украина), Тропа мира (Peace Trail — Via Pacis Pannoniae: Сербия, Хорватия)* [10].

Особое место отводится трансграничным тематическим туристским маршрутам. Так, примером трансграничного туристского маршрута, соединяющего города со средневековой архитектурой Дании, Германии и Польши, является *Европейский маршрут кирпичной готики (The European Route of Brick Gothic, 1,5 тыс. км)* [5]. Интересным представляется трансграничный туристский маршрут по *штетлам (Shtetl route)*, раскрывающий возможности знакомства с культурным наследием евреев в восточных воеводствах Польши и западных областях Беларуси и Украины, реализованный при финансовой поддержке Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства Польша — Беларусь — Украина на 2007—2013 годы [7].

В настоящее время самым протяженным проектируемым трансграничным туристским маршрутом в мире, по сути мега-проектом, стал *Великий шелковый путь (The Silk Road)*, соединяющий Тихий, Индийский и Атлантический океаны, охватывающий территории Европы, Азии и Африки. К настоящему времени сформирована онлайн-платформа этого маршрута (интерактивная карта), на которой обозначены объекты Всемирного культурного и природного наследия, нематериального культурного наследия, центры ремесел, места проведения фестивалей [12]. Россия на этой карте представлена четырьмя объектами: Золотые горы Алтая, Убсунурская котловина (совместно с Монголией), природный парк «Волго-Ахтубинская пойма» (Волгоградская область) и коллекция карт Российской империи XVIII века (Москва) [43]. Следует указать, что в настоящее время в России на федеральном и региональном уровнях реализации данного проекта уделяется особое внимание. Так, в План деятельности Министерства культуры Российской Федерации на 2013—2018 годы включено формирование межрегиональных историко-культурных туристских маршрутов «за счет вовлечения в туристский оборот памятников истории, культуры, археологии — «Великий шелковый путь» [33].

Одновременно осуществляется реализация и развитие трансграничного туристского маршрута «*Великий Чайный путь*» (*The Great Tea road*), по сути, повторяющего караванный путь между Азией и Европой в XVIII—XIX веках. В настоящее время маршрут соединяет территории Китая, Монголии и России. Значимость разработки и реализации проекта предусматривается Планом мероприятий по реализации Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года. Экскурсионное наполнение маршрута обеспечивается туроператорами приграничных регионов: Забайкальского края, Республики Бурятия и Иркутской области [25].

Нужно отметить, что в отечественной научной и методической литературе представлен значительный теоретический и практический опыт проектирования и развития туристских маршрутов как ключевых компонентов формирования туристского продукта. Вместе с тем исследования проблематики проектирования и развития именно трансграничных туристских маршрутов стали появляться только в последние десятилетия, раскрывая практические аспекты их реализации [21—23], специфику процесса их проектирования [12; 24], выявляя региональный характер имеющихся наработок. Однако можно привести и отдельные примеры существования трансграничных туристских маршрутов в советский период истории нашего государства. Так, в начале XX века общественной туристской организацией «Российское общество туристов» г. Благовещенска проектировались и организовывались маршруты, часть которых проходила по территории Маньчжурии (китайская сторона) до усиления барьерной функции государственной границы. Изменение внешней политики СССР в конце 1980-х годов способствовало появлению трансграничного экскурсионного маршрута между городами противоположных берегов р. Амур (г. Благовещенск — г. Хэйхэ), трансформировавшегося впоследствии в двусторонние шоп-туры [41].

В последние годы в приграничных регионах России наблюдается активизация процессов интеграции туристско-рекреационной сферы деятельности с территориями сопредельных государств, что реализуется в увеличении числа разрабатываемых и действующих трансграничных туристских маршрутов. В качестве примера следует привести маршрут для любителей экстремального туризма «Алтай — Золотые горы» (автомобильный, около 5 тыс. км), объединяющий Россию (Республика Алтай, Алтайский край), Монголию, Китай и Казахстан (в 2007 и 2012 годах маршрут прошли две международные экспедиции) [24].

Вместе с тем в настоящее время в недостаточной мере используются возможности потенциала приграничных регионов России в аспекте создания и совершенствования существующих трансграничных туристских маршрутов, способных оказать положительное влияние на активизацию социально-экономического развития периферийных регионов государства, на сохранение, воспроизводство и популяризацию имеющегося природного и культурно-исторического потенциала территорий. Одновременно бизнес сопредельных государств демонстрирует стремление к усилению использования возможностей, которые дает приграничное положение с Россией. В качестве примера можно привести разработанный в КНР (г. Фуюань, 2013 год) трансграничный регулярный водный маршрут вокруг о. Большой Уссурийский «Остров двух рек», часть которого пролегает во внутренних российских водах [38]. В сентябре 2016 года в Министерстве экономического развития, инвестиционной политики и внешних связей Красноярского края по инициативе финских компаний обсуждались вопросы реализации трансграничного водного туристского маршрута по внутренним водам России из г. Крас-

ноярска в Финляндию (р. Енисей — Карское море — Белое море — Балтийское море), реализация которого была запланирована на лето 2017 года [40].

Следует обратить внимание на то, что проектирование и функционирование трансграничных туристских маршрутов на приграничных территориях России и сопредельных государств регламентировано и определено существующими требованиями процедуры пересечения государственной границы. Кроме того, конфигурация туристских маршрутов определяется трансграничным транспортно-логистическим каркасом (термин В. А. Андреева, С. Ю. Остропольцева [13]) территории, расположением международных пунктов пропуска на государственной границе [22], выступающими своеобразными «скрепами», связующими элементами трансграничных туристских маршрутов.

Развитие трансграничных туристских маршрутов: практика Северо-Запада России

Последние десятилетия в регионе Балтийского моря наблюдается активизация процессов восстановления исторического взаимодействия между Россией и сопредельными государствами, выстраивание нового экономического и культурного диалога. Взаимодействие и интеграция приграничных регионов находит отражение и в туристско-рекреационной сфере деятельности [37]. Одним из механизмов сотрудничества приграничных регионов Северо-Запада России и сопредельных государств в сфере туризма является реализация совместных международных проектов, направленных на усиление связности этих территорий, в том числе за счет проектирования и развития трансграничных туристских маршрутов и трансграничных туристских сетей.

Среди инструментов реализации совместных проектов Российской Федерации и приграничных государств Европейского союза — Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства (*The European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) Cross-Border Cooperation Programmes 2007—2013*), приоритетным направлением которых является именно интенсификации приграничного сотрудничества регионов сопредельных государств. Приграничные регионы Северо-Запада России имеют возможность участвовать в следующих программах приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства: «Коларктик» (Швеция, Финляндия, Норвегия, Россия), «Карелия» (Финляндия, Россия), «Юго-Восточная Финляндия — Россия» (Финляндия, Россия), «Эстония — Латвия — Россия» и «Литва — Польша — Россия» (программа для Калининградской области). В рамках программ по всей территории их действия за 2007—2013 годы реализовано более 200 совместных проектов, направленных на стимулирование малого и среднего предпринимательства, поддержку местных культур и обычаев, повышение уровня жизни населения приграничных регионов,

включая более 50 крупномасштабных инфраструктурных проектов в области экологии, развития транспортной инфраструктуры и обустройства государственной границы [34].

Следует указать, что приграничные регионы Северо-Запада России демонстрируют высокую активность в реализации международных проектов, в том числе в сфере туристско-рекреационной деятельности; ряд таких проектов направлен на разработку и развитие трансграничных туристских маршрутов.

Например, в рамках реализации Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства «Литва — Польша — Россия» на 2007—2013 годы из 14 проектов туристской направленности 4 были нацелены на разработку и продвижение новых туристских маршрутов [22].

Обращаясь к проблематике проектирования трансграничных туристских маршрутов, нужно сказать, что часть их воссоздает ранее существовавшие торговые и иные исторические пути. В качестве примера можно привести *трансграничный водный экологический маршрут «Торговый путь купца Навинского»* (Псковская область, Россия — Беларусь, около 45 км), разработанный в рамках проекта «Сохранение трансграничных водно-болотных угодий Полесья в Беларуси, России и Украине» по программе Международного бюро по сохранению водно-болотных угодий. Маршрут воссоздан на основе древнего торгового пути «из варяг в греки», связывавшего в IX—XI веках Скандинавию и княжества Древней Руси со странами Средиземноморья [16]. Еще один пример использования потенциала исторических путей в туризме — *трансграничный туристский маршрут «Королевская дорога» (King Road)*, объединяющий территории Швеции, Финляндии и России (Ленинградская область). В XIII—XVI веках шведская Королевская дорога связывала средневековые города и замки Швеции с ее восточными городами-крепостями: Або (Турку), Тавастехус (Хямеэнлинна), Олфсборг (Савонлинна) и Выборг [20].

В Ленинградской области успешным примером проектирования и реализации трансграничного туристского маршрута стала *Via Hanseatica* (580 км), реализованная в рамках Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства «Эстония — Латвия — Россия» на 2007—2013 годы (общий бюджет 1,8 млн евро). Маршрут Санкт-Петербург — Рига соединил приграничные территории России, Эстонии и Латвии, включив в себя достопримечательности старинного Ганзейского пути. На территории Ленинградской области маршрут объединяет следующие достопримечательности: Ивангородская крепость, станция Кипень, Петровицкий реликтовый камень, крепость Копорье, усадьба Рериха «Извара», древнерусские курганы в деревне Калитино и другие объекты [39]. Следует подчеркнуть, что *Via Hanseatica* был признан одним из лучших проектов Программы в сфере туризма.

Вместе с тем все большее значение приобретает проектирование новых, ранее не существовавших туристских маршрутов, пересекающих территории нескольких сопредельных государств. Так, в рамках реали-

зации международного проекта *Baltic Culture and Tourism Route Fortresses* (INTERREG-III-B, 2005—2007 гг.) был разработан трансграничный туристский маршрут, объединяющий фортификационные сооружения четырех государств — Германии, Польши, Литвы и России (Калининградская область) [2]. Интересным примером объединения культурных, исторических, этнических, ремесленных и промышленных достопримечательностей приграничных регионов Ленинградской и Псковской областей России, Эстонии и Латвии стали «Маршруты культурного зеленого наследия», разработанные в рамках проекта «Восстановление парков как неотъемлемой части культурного наследия» № ELRII-404 Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства «Эстония — Латвия — Россия». Инициатива проектирования и создания этих маршрутов принадлежит Ассоциации туризма Видземе (культурно-исторический регион Латвии) в партнерстве с Музейным агентством Ленинградской области, самоуправлением г. Ряпина (Эстония) и Краевой думой г. Гулбене (Латвия). Маршруты представляют собой как бы «конструктор» для самостоятельного проектирования, при этом возможна организация туров и туристскими компаниями [35].

Важное значение приобретает обустройство, реконструкция существующих и воссоздание объектов показа природного и антропогенного генезиса, имеющих на трансграничном туристском маршруте. Примером может служить обоснование строительства деревни эпохи викингов в рамках международного проекта 2007/140-475 «Территория заливов: культурные и исторические перекрестки народов Юго-Восточной Балтики» (2007—2009) с последующей реконструкцией деревни времен эпохи викингов «Древняя Самбия» уже в рамках следующего международного проекта — «Заливы как перекрестки туризма и взаимодействия народов Юго-Восточной Балтики: от истории к современности — ПЕРЕКРЕСТКИ 2.0» (Калининградская область) [31]. Обустройство, открытие и продвижение рудного парка «Тулмозерье» воссоздано на основе Тулмозерского железоделательного завода (VIII век) — пример реализации проекта по обустройству ранее не вовлеченных в туристский оборот ресурсов территории Республики Карелия [29; 42]. Трансграничные туристские маршруты, пересекающие территорию Карелии, будут более подробно представлены в следующем разделе статьи.

Рассматривая развитие трансграничных туристских маршрутов, следует обратить внимание на достаточно широкий спектр предлагаемых туристскими компаниями приграничных регионов Северо-Запада России выездных туров на территорию сопредельных государств. Большая часть таких туров — автобусные экскурсионные туры различной продолжительности, предоставляющие возможность посетить культурно-исторические и природные объекты зарубежных государств. Однако подобные туры нельзя считать трансграничными туристскими маршрутами, так как при этом не задействован туристско-рекреационный потенциал приграничных регионов Северо-Запада России. Особого внимания в этой связи заслуживают трансграничные круизные маршруты, соединяющие приморские города государств Балтийского моря.

Актуальность развития трансграничных туристских маршрутов для приграничных регионов Северо-Запада России подтверждается успешным опытом их проектирования в рамках реализации международных проектов, а также рядом планируемых и разрабатываемых в настоящее время новых трансграничных маршрутов. Так, польскими и калининградскими туроператорами разрабатываются маршруты, в числе которых следует выделить веломаршрут по территории приграничных районов Калининградской области и трансграничной Польши, ориентированный на российских и скандинавских туристов. Финансирование для реализации планируется получить в рамках международных проектов по Программе приграничного сотрудничества «Россия — Польша» до 2020 года (61,3 млн евро, из которых 41,3 млн евро выделяет ЕС, а 20 млн евро обеспечивает РФ) [17]. В середине 2016 года достигнуто соглашение о проектировании российско-белорусского экологического туристского маршрута «По заповедным местам Поозерья» (около 500 км), который пройдет по территории Псковской и Смоленской областей Российской Федерации и Витебской и Минской областей Республики Беларусь, соединяя несколько национальных парков (Смоленское Поозерье, Себежский, Браславские озера, Нарочанский национальный парк и Березинский биосферный заповедник) [15]. В развитии трансграничного сотрудничества Мурманской области перспективным представляется проектирование трансграничного туристского маршрута по природоохраным территориям приграничных регионов Финляндии, Норвегии и России (Мурманская область, заповедник «Пасвик»).

Также следует упомянуть примеры общих бизнес-интересов сопредельных государств. Так, в июне 2016 года эстонские специалисты представили туристским структурам Санкт-Петербурга новый трансграничный маршрут «Дуга Струве», объединяющий 34 сохранившихся пункта дуги Струве на территории Норвегии, Швеции, Финляндии, России, Эстонии, Латвии, Литвы, Беларуси и Украины (создана российским астрономом В. Струве в 1816—1855 годах, в 2005-м признана памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО). Кроме того, в сентябре 2016 года был объявлен конкурс логотипа маршрута «Дуга Струве», в настоящее время готовится сувенирная продукция, туристские карты и навигация маршрута [32]. Использование потенциала приграничного положения рассматривается в качестве ближайшей перспективы развития норвежской круизной компании *Hurtigruten*, планирующей организацию однодневных туров по маршруту г. Киркенес — г. Мурманск; при этом предполагается безвизовый въезд круизных туристов на территорию России на срок до 72 часов [27].

Практика проектирования и реализации трансграничных туристских маршрутов в Республике Карелия

В настоящее время в Республике Карелия в рамках реализации международных проектов разработано и функционирует несколько трансграничных туристских маршрутов, раскрывающих возможности вовлечения туристско-рекреационного потенциала территории в сферу экономической деятельности.

Одним из примеров является *международный туристский маршрут «Голубая дорога»* (*Blue road*, более 2 тыс. км), соединяющий Норвегию, Швецию, Финляндию и Россию. Маршрут проходит вдоль исторических водных путей сообщения от норвежского г. Несна через Республику Карелия (г. Петрозаводск — г. Медвежьегорск — г. Пудож) до Архангельской области (рис. 1).

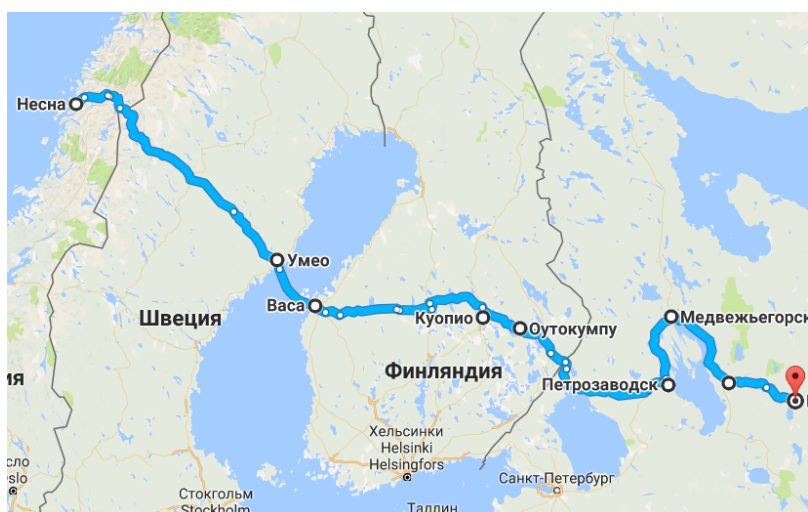

Рис. 1. Международный туристский маршрут «Голубая дорога»

Составлено автором с помощью источника [19].

Особую роль в развитии и продвижении маршрута, вовлечении историко-культурного и природного наследия вдоль «Голубой дороги» играет созданная в 1962 году одноименная международная организация (в Республике Карелия — Карельская региональная общественная организация, 1990 год). Развитие этого маршрута в Карелии началось в 1992 году, на его основе осуществляется реализация других международных проектов, в том числе создание новых трансграничных туристских маршрутов.

Так, благодаря международному проекту «Историко-культурные и природные достопримечательности на международном маршруте "Голубая дорога" в Республике Карелия» (1999—2001), реализованному в рамках зонтичного проекта «КАСПНЕТ: Карельско-атлантическая сеть пространственного развития» (*Интеррег II C*), объединяющего более 40 проектов пространственного планирования международного туристского маршрута «Голубая дорога», были разработаны предложения по развитию туризма [18]. В рамках проекта обследованы и определены 38 перспективных объектов природного и культурного наследия на маршруте «Голубая дорога» (включая горный парк «Рускеала»), издан каталог основных туристских достопримечательностей вдоль маршрута

[14]. В 2007 году в рамках реализации международного проекта музеев губернии Вестерботтен (Швеция) и Республики Карелия (Россия) был подготовлен путеводитель «Музеи и культурные достопримечательности на международном маршруте "Голубая дорога" в Карелии» на русском и английском языках [26]. В 2012—2014 годах в рамках международного проекта «Экоэффективный туризм» (программа «ЕИСП Карелия», общий бюджет 590 тыс. евро), направленного на повышение туристской привлекательности еврорегиона «Карелия» за счет постепенного выравнивания качества обслуживания туристов по обе стороны границы, оборудовано несколько мест отдыха вдоль маршрута «Голубая дорога», издан путеводитель «Экоэффективные технологии вдоль "Голубой дороги"» [45].

Трансграничный туристский маршрут «Дорога горных промыслов» (*Mining Road*, около 400 км), разработанный в рамках международного проекта КА334 «Дорога горных промыслов» Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства «Карелия» (2012—2014 годы, общий бюджет 800 тыс. евро), объединил геологическое и горно-индустриальное наследие на международном маршруте «Голубая дорога». Трансграничный туристский маршрут соединил исторические горные разработки и геологические памятники природы на юге Республики Карелия со старыми шахтами, металлургическими заводами и действующими рудниками Восточной Финляндии (г. Петрозаводск — г. Оутокумпу). Маршрут включает в себя рудный парк «Тулмозерье», Кительское месторождение гранатов (единственное в РФ месторождение ювелирных гранатов), горный парк «Рускеала» на российской стороне и Центр камня в Юка, Музей горного дела в Оутокумпу на финской стороне (всего около 20 объектов туристского показа, связанных с промышленной геологической и горнорудной историей территории) [29; 42].

Открытием «Дороги горных промыслов» можно считать пилотный тур туристской компании «Карелика» в августе 2014 года. Реализация проекта предполагала реконструкцию и благоустройство ряда объектов вдоль маршрута. Одним из главных практических результатов проекта на территории Республики Карелия стало создание новой туристской достопримечательности — рудного парка «Тулмозерье» площадью 3 га (открыт 3 августа 2014 года) с прилегающей зоной (8 га), где созданы экскурсионные и рекреационные объекты с использованием сохранившихся элементов строений середины XVIII века — Тулмозерского железоделательного завода. В настоящее время посещение рудного парка «Тулмозерье» возможно в составе организованных туристских групп или самостоятельно. Так, в 2013 году здесь побывали 1030 человек, в 2014-м — 1580, в 2015-м — 2300, в 2016-м — 2380 туристов [28]. Сейчас «Тулмозерье» рассматривается как перспективный объект туристского показа, ежегодное число посетителей которого, как предполагается, будет составлять 20—30 тыс. человек.

В рамках проекта была разработана серия GPS-экскурсий (с использованием аудиогидов), позволяющих самостоятельно познакомиться с

достопримечательностями маршрута, включая путешествие Петрозаводск — Колатсельга, экскурсии по рудному парку «Тулмозерье» и горному парку «Рускеала» (Республика Карелия), по бывшему железоделательному заводу в Мёхкё, Музею горного дела в г. Оутокумпу и прогулку по окрестностям горы Пуйо г. Куопио (Финляндия). Также были разработаны виртуальные 3D-экскурсии по Музею геологии докембрия Института геологии КарНЦ РАН и Национальному музею Республики Карелия, по дер. Колатсельге, паркам «Тулмозерье» и «Рускеала», по музею в Мёхкё и музею-руднику в Оутокумпу [29]. Разработаны пособия для экскурсоводов на русском и английском языках, осуществлена подготовка гидов для работы на объекте рудный парк «Тулмозерье» [42].

Расширение спектра круглогодично предоставляемых услуг, создание современной инфраструктуры, а также включение в трансграничный туристский маршрут «Дорога горных промыслов» определили стремительный рост числа посетителей (в 40 раз) уникального горного парка «Рускеала» за период 2006—2016 годов (рис. 2) [28].

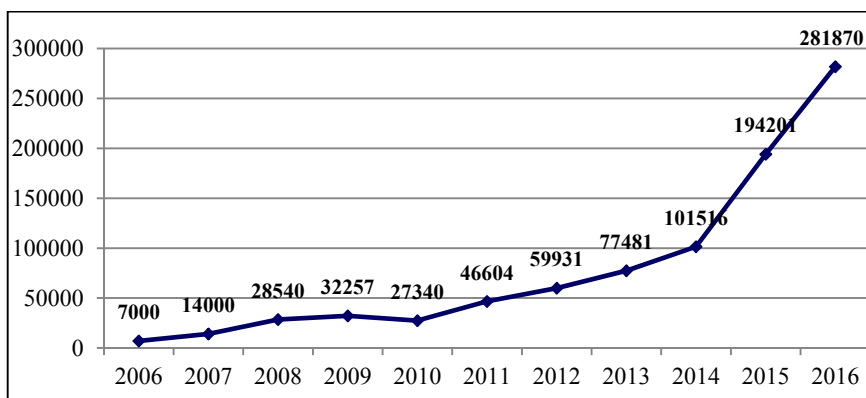

Рис. 2. Динамика посещений горного парка «Рускеала» в 2006—2016 годах, чел.

Необходимо указать, что в условиях возможностей современных информационных технологий в Республике Карелия происходит объективный процесс переориентации туристских потоков с традиционных туристских направлений на уникальные высококачественные туристские продукты, примером которого и является Горный парк «Рускеала».

Следует подчеркнуть, что проект КА334 «Mining Road» Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства «Карелия» (Karelia ENPI CBC) признан одним из лучших проектов Программы в сфере туризма [29].

Еще одним примером является *трансграничный туристский маршрут «Белая дорога» (White road)*, соединяющий Северную Финляндию и северные районы Республики Карелия и проходящий по древнему торговому пути из Беломорья в Балтику. Проектирование маршрута

рута осуществлено в рамках международного проекта КА 325 «Белая дорога — развитие трансграничного туризма в Северной Финляндии и Республике Карелия» (Программы приграничного сотрудничества в рамках Европейского инструмента соседства и партнерства «Карелия», 2012—2014 годы, 734 тыс. евро). Реализация проекта была направлена на развитие туризма в северных районах Карелии, информационную и методическую поддержку предпринимателей в сфере туризма, обмен опытом между представителями туристского бизнеса, инвесторами, преподавателями двух государств. Открытие шести информационных туристских центров в разных районах Карелии представляется важным результатом реализации данного проекта [30].

В качестве еще одного маршрута, проходящего через территорию Республики Карелия, следует указать разработанный в 1997 году *трансграничный водный туристский маршрут «Северное сияние»* с целью продвижения культурного наследия Норвегии и Северо-Запада России. Созданный вокруг Скандинавии по инициативе Норвегии маршрут в том же году Совет Европы своим специальным решением признал имеющим важнейшее значение для пропаганды общеевропейского культурного идентитета. В рамках проекта разработан сайт «Северного сияния» (на английском языке), изданы брошюры о культурно-исторических местах (по Республике Карелия — Кижь, Валаам) на английском и норвежском языках. Проведение в Республике Карелия в 2000 году международного фестиваля парусных судов «Голубое Онего — 2000» стало пилотным проектом использования данного маршрута [44]. В настоящее время информация по развитию «Северного сияния» отсутствует.

Обобщая практическую значимость создания трансграничных туристских маршрутов для Республики Карелия, следует подчеркнуть их роль в развитии существующих (горный парк «Рускеала») и в формировании новых (рудный парк «Тулмозерье») объектов туристского показа в регионе, в открытии новых туристско-информационных центров (6), производстве новых туристских продуктов (в том числе для самостоятельных туристов), активизации обустройства и строительства инфраструктуры туризма вдоль маршрутов в ближайшей перспективе. Разработанные в рамках международных проектов и в настоящее время совершенствуемые трансграничные туристские маршруты: «Голубая дорога», «Белая дорога» и «Дорога горных промыслов» — представляют собой своеобразные экономические и культурные мосты, соединяющие Северную Европу с глубинными территориями России и способствующие активизации социально-экономической деятельности, сохранению, популяризации и воспроизводству природного и культурно-исторического потенциала территории Республики Карелия. Кроме того, проектирование и развитие подобных маршрутов способствуют интенсификации процессов сближения и интеграции приграничных регионов сопредельных стран, создают предпосылки для реализации новых международных проектов в сфере туризма.

Одним из ключевых результатов реализации трансграничных туристских маршрутов является их устойчивость, которая может быть оценена ростом количества посещений объектов по пути следования маршрута, числом реализованных туров по данному маршруту, продвижением маршрута на национальных и международных рынках туристских услуг, включением в другие маршруты и др. С учетом возможности свободного ознакомления с маршрутом на всем его протяжении как российскими, так и иностранными туристами (при условии успешного прохождения пограничных и таможенных формальностей), современных тенденций развития туризма (рост числа самостоятельных туристов) при высокой информационной насыщенности, а также международной практики посещения части маршрута, достаточно трудным представляется точно количественно оценить численность туристов, воспользовавшихся тем или иным маршрутом. Одним из инструментов оценки, кроме данных туристских организаций, может быть динамика числа посетителей объектов туристского показа и объектов туристской инфраструктуры вдоль маршрутов по разные стороны границы, а также число посещений интернет-страниц для ознакомления с возможностями маршрутов. Более детальные расчеты требуют проведения дополнительного исследования, применения социологических методов.

В целом же развитие трансграничного туристского маршрута «Голубая дорога» представляется успешным примером реализации принципа устойчивости международного проекта.

Выводы

Возможности организации трансграничных туристских маршрутов раскрывают уникальный потенциал приграничных регионов Северо-Запада России, проявляя их конкурентные преимущества перед другими (глубинными) территориями государства.

Реализация спроектированных в рамках международных проектов трансграничных туристских маршрутов на территории приграничных регионов Северо-Запада России привнесла положительные изменения в их инфраструктурное развитие, способствовала активизации предпринимательской деятельности вдоль маршрутов, сохранению и воспроизводству природного и культурно-исторического потенциала, повышению туристской привлекательности территорий, увеличению въездного потока для ознакомления с уникальными объектами показа и пр.

Вместе с тем при имеющемся положительном значении трансграничных туристских маршрутов в развитии приграничных регионов, в формировании трансграничного туристского пространства следует акцентировать внимание на определенных трудностях их проектирования и дальнейшего развития. Исследование теоретических и практических аспектов разработки и реализации трансграничных туристских маршрутов позволяет выявить ряд сдерживающих факторов, характерных

для приграничных регионов Северо-Запада России: уровень развития инфраструктуры территорий по разные стороны государственной границы; детерминированность конфигурации маршрутов пунктами пропуска; необходимость прохождения таможенных и пограничных процедур и пр. В этой связи приоритетными для развития трансграничного туризма в целом и трансграничных туристских маршрутов в частности представляются следующие мероприятия:

— *совершенствование транспортной инфраструктуры*, включая транспортную доступность к объектам природного и культурно-исторического наследия регионов;

— *совершенствование придорожной инфраструктуры и обустроенность территории маршрута*, включая обустройство мест отдыха и защиты от неблагоприятных погодных условий, наличие АЗС, кафе, магазинов, туристских офисов, общественных туалетов и пр.;

— *обустройство прибрежных территорий*, в том числе катерно-яхтенных стоянок, мест отдыха и защиты от неблагоприятных погодных условий и пр.;

— *совершенствование пограничной и таможенной инфраструктуры*, включая открытие новых пунктов перехода, упрощение визового режима;

— *обеспечение комплексного туристско-рекреационного освоения территории*, включая обустройство объектов показа;

— *обеспечение одинаковой доступности маршрута для всех категорий граждан*, в том числе для лиц с ограниченными возможностями;

— *обеспечение легкой навигации на маршруте*, включая указатели, таблички и другие средства;

— *обеспечение информативности маршрута*, в том числе с помощью информационных указателей, аудиогидов и пр.;

— *реализация научно-исследовательских и международных проектов*, направленных на выявление и вовлечение в туристскую сферу деятельности потенциала приграничных регионов сопредельных государств, на выстраивание трансграничного взаимодействия между заинтересованными сторонами соседних стран;

— *маркетинговое продвижение*, включая создание и развитие веб-сайтов, информационных материалов на нескольких языках и пр.

Кроме того, важным направлением развития трансграничных туристских маршрутов представляется формирование институциональных условий и возможности обслуживания путешествующих туристскими организациями на всем протяжении маршрута, включая аккредитацию компаний, гидов и др. [22]. Подводя итог, следует подчеркнуть, что формирование конкурентоспособной транспортно-логистической и туристской инфраструктуры определяет возможности реализации туристско-рекреационного потенциала территорий, формирования и функционирования здесь трансграничных туристских маршрутов.

Список литературы

1. *Ambrose I., Balmas S., Barragán I. A.* Accessible Routes in Historical Cities: Best Practice Guide / European Foundation Centre. Brussels, 2013.
2. *Baltic Culture and Tourism Route Fortresses.* Results of trans-national cooperation in INTERREG-III-B project 2005—2007. Berlin, 2007.
3. *Bâtea (Bota) C.-M.* Cross-border projects — means for sustainable tourism development along the Romanian-Hungarian border // *Analele Universității din Oradea, Seria Geografie.* 2014. № 2. P. 134—142.
4. *Cultural Routes of the Council of Europe.* URL: http://culture-routes.net/sites/default/files/files/CR%20Brochure%20eng%20web_compressed.pdf (дата обращения: 18.11.2016).
5. *European Route of Brick Gothic.* URL: <http://www.eurob.org/index.php/Номеpage;1/4> (дата обращения: 18.11.2016).
6. *Kovács I., Nagy G.* Tourism in peripheric regions — the possibilities of thematic routes // *Analele Universității din Oradea. Seria Geografie.* 2013. № 2. P. 220—228.
7. *Project «Shtetl Routes. Vestiges of Jewish cultural heritage in cross-border tourism».* URL: http://teatrn.pl/kalendarium/node/1833/project_shtetl_routes_vestiges_of_jewish_cultural_heritage_in_cross_border_tourism (дата обращения: 24.01.2017).
8. *Räikkönen Ju., Honkanen A.* The Helsinki-Tallinn tunnel — possibilities for Finnish and Estonian tourism // *Baltic Rim Economies.* 2015. № 4. P. 33.
9. *The European cycle route network EuroVelo / Uropean Parliament's Committee on Transport and Tourism, European Union.* Brussels, 2012.
10. *The official Central and Eastern European Greenways website.* URL: <http://www.greenways.by/index.php?content&id=32&lang=ru> (дата обращения: 24.01.2017).
11. *The official Iron Curtain Trail website.* URL: <http://www.ironcurtaintrail.eu/en/index.html> (дата обращения: 24.01.2017).
12. *Александрова А. Ю.* Великий шелковый путь: геополитические, географические и экономические аспекты проектирования трансграничного туристского маршрута // *Науки о Земле. Наука. Инновации. Технологии.* 2015. № 2. С. 68—77.
13. *Андреев В. А., Остропольцев С. Ю.* Международные транспортные маршруты как фактор формирования трансграничных кластеров // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.* 2016. № 2. С. 14—22.
14. *Балыкова Е.* «Голубая дорога» — наш любимый проект. URL: <http://monuments.karelia.ru/o-centre/25-letie-centra/jubilejnaja-gazeta/golubaja-doroga-nash-ljubimyj-proekt/> (дата обращения: 27.01.2017).
15. *Беларусь и Россия планируют создать 500-километровый туристический маршрут «По заповедным местам Поозерья» // Официальный сайт посольства Республики Беларусь в Российской Федерации.* URL: <http://embassybel.ru/news/7c7dbd1dd8a0.html> (дата обращения: 24.01.2017).
16. *Водный маршрут «Торговый путь купца Навинского».* URL: http://seb-park.ru/blogs/?page_id=124 (дата обращения: 18.11.2016).
17. *Для Калининградской области и Польши разработают общие туристические маршруты.* URL: <http://kgd.ru/news/polsha/item/59360-dlya-kaliningradskoj-oblasti-i-polshi-razrabotayut-obshhie-turisticheskie-marshruty> (дата обращения: 24.01.2017).

18. *Информация* о ходе реализации международных проектов в области туризма на территории Республики Карелия // Официальный интернет-портал Республики Карелия URL: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Development/Tourism/tourproj.html#04> (дата обращения: 14.02.2017).
19. *Картографический* сервис Google maps. URL: <https://www.google.ru/maps?source=tl&hl=ru> (дата обращения: 07.08.2017).
20. *Королевская дорога* // Выборгский информационно-туристический портал. URL: http://www.vbgr.ru/articles/korolevskaia_doroga/ (дата обращения: 18.11.2016).
21. *Кропинова Е. Г.* Проект «Перекрестки 2.0» в формировании трансграничного туристского региона Юго-Восточной Балтики // Псковский региональный журнал. 2014. №17. С. 53—59.
22. *Кропинова Е. Г., Анохин А. Ю.* Разработка новых трансграничных водных маршрутов в Юго-Восточной Балтике: методика и практика // Балтийский регион. 2014. №3 (21). С. 145—162.
23. *Кропинова Е. Г.* Сотрудничество между Россией и ЕС в сфере инновационного развития туризма на примере Программы приграничного сотрудничества «Литва — Польша — Россия» // Балтийский регион. 2013. №4 (18). С. 67—80.
24. *Международный туристический маршрут на трансграничной территории «Золотое кольцо Алтая»* : монография / под общ. ред. С. Б. Поморова, М. Ю. Шишина. Барнаул, 2011.
25. *Международный туристский маршрут «Великий чайный путь: Маньчжурия — Сибирь»* пройдет через Читу, Улан-Удэ и Иркутск. URL: <http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/v-chite-budet-dan-start-turistskomu-transgranichnomu-zheleznodorozhnomu-marshrut> (дата обращения: 18.11.2016).
26. *Музеи и культурные достопримечательности на международном маршруте «Голубая дорога»* в Карелии. URL: <http://kgkm.karelia.ru/site/section/287> (дата обращения: 18.11.2016).
27. *Норвежские морские линии Hurtigruten* планируют запустить паром до Мурманска. URL: http://www.ratanews.ru/news/news_19022014_3.stm (дата обращения: 14.02.2017).
28. *Отчет о научно-исследовательской работе по оказанию услуг по проведению исследования по мониторингу развития туризма в Республике Карелия и разработке среднесрочного плана научных и маркетинговых исследований в сфере туризма в Республике Карелия* / Институт экономики КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2016.
29. *Официальный сайт* проекта «Mining Road». URL: <https://miningroads.ru/> (дата обращения: 18.11.2016).
30. *Официальный сайт* проекта «White road». URL: <http://old.nko-karelia.info/%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F-%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B0.html> (дата обращения: 18.11.2016).
31. *Перекрестки*. Водные маршруты по трансграничной территории Польши, Литвы и России, прилегающей к Куршскому и Вислинскому (Калининградскому) заливам : каталог / под ред. М. Е. Мегема, А. Ю. Анохина, Е. Г. Кропиновой [и др.]. Калининград, 2015.
32. *Петербуржцам* представили новый международный туристический маршрут. URL: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/kultura/64413-peterburzhtsam-predstavili-novuj-mezhdunarodnyj-turisticheskij-marshrut.html> (дата обращения: 14.02.2017).
33. *Программы приграничного сотрудничества ЕС — Россия*. URL: <http://rus-eu-culture.ru/ru/enpi-cbc/> (дата обращения: 14.02.2017).

34. *Программы* приграничного сотрудничества Россия — ЕС. Министерство экономического развития России. URL: <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/mps/programs/> (дата обращения: 14.02.2017).

35. *Румянцев П.* Маршруты дружбы: Латвия — Эстония — Россия. URL: <http://www.rstnw.ru/marshrutyi-druzhbyi-latviya-estoniya-rossiya-chast-i.html> (дата обращения: 18.11.2016).

36. *Степанова С. В.* Общие тенденции и особенности развития инфраструктуры туризма российских регионов // Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика. 2016. № 3. С. 68—84.

37. *Степанова С. В.* Приграничный туризм на Северо-Западе Российской Федерации: общие тенденции и особенности развития // Балтийский регион. 2014. № 3 (21). С. 132—144.

38. *Туристический маршрут «Остров двух рек».* URL: <http://fuyuan.ru/3204/> (дата обращения: 02.02.2017).

39. *Увлекательное путешествие по Via Hanseatica.* URL: <https://euro-pulse.ru/euroexpress/uvlekatelnoe-puteshestvie-po-via-hanseatica> (дата обращения: 14.02.2017).

40. *Финны намерены открыть туристический водный маршрут из Красноярска в Финляндию.* URL: <https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=543200> (дата обращения: 14.02.2017).

41. *Чуб М. А.* Приамурье — Хэйлунцзян: проекты и перспективы международного туризма // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2012. № 12. С. 69—74.

42. *Шеков В. А.* Геологическое и горно-индустриальное наследие Карелии и Финляндии : проект Программы приграничного сотрудничества ENPI СБС «Karelia» КА 334 «Mining road» // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 7. С. 205—210.

43. *Шелковый путь: путь диалога, многообразия и развития.* URL: <http://ru.unesco.org/silkroad/interactive-map-of-the-silk-road> (дата обращения: 14.02.2017).

44. *Шорохов Е. А., Громов В. В., Червяков О. В., Шлямин В. А.* Международный опыт развития туризма в российской части Баренцева Евро-Арктического региона. Петрозаводск, 2001.

45. *Экоэффективные технологии вдоль «Голубой дороги».* URL: <http://northcentre.ru/file.php/id/f5520-file-original.pdf> (дата обращения: 14.02.2017).

Об авторе

Светлана Викторовна Степанова, кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Россия.

E-mail: svkorka@mail.ru

Для цитирования:

Степанова С. В. Трансграничные туристские маршруты: возможности Северо-Запада России // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 129—151. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-7.

CROSS-BORDER TOURIST ROUTES: THE POTENTIAL OF RUSSIA'S NORTH-WEST

S. V. Stepanova¹

¹*Institute of Economics, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
50 A. Nevskogo pr., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185030 Russia*

Submitted on April 10, 2017

Developing cross-border tourist routes is an effective way of developing cooperation between border regions of Russia and the neighbouring countries. The author presents an approach that interprets cross-border tourist routes as an instrument for the conservation, reproduction, and promotion of natural, cultural, and historical potential and as a means to boost business activities in border regions.

This article summarises international practices and presents the theoretical and practical aspects of designing and developing transboundary tourist routes in the border regions of Russia's North-West. The author describes successful tourist routes within the European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) cross-border cooperation programmes. Particular attention is paid to the routes in the Republic of Karelia — the Blue Road, the White Road, and the Mining Road. The article stresses the importance of developing transboundary tourist routes in the border regions of Russia's North-West. Designing and developing transboundary tourist routes is a step towards a transboundary tourist space. The author outlines avenues towards the development of transboundary tourist routes and transboundary tourism in the border regions of Russia's North-West.

Key words: cross-border tourist route, border regions, North-West Russia, European Neighbourhood and Partnership Instrument (ENPI) cross-border cooperation programmes, international project, Republic of Karelia

References

1. Ambrose, I., Balmas, S., Barragán Iturriaga, A. 2013, *Accessible Routes in Historical Cities: Best Practice Guide*, European Foundation Centre, Brussels, Belgium. p. 38.
2. *Baltic Culture and Tourism Route Fortresses*, 2007, Results of trans-national cooperation in INTERREG-III-B project 2005—2007, Berlin, p. 146.
3. Bătea (Bota), C.-M. 2014, Cross-border projects — means for sustainable tourism development along the Romanian-Hungarian border, *Analele Universității din Oradea, Seria Geografie*, no. 2, December, p. 134—142.
4. Cultural Routes of the Council of Europe, available at: http://culture-routes.net/sites/default/files/files/CR%20Brochure%20eng%20web_compressed.pdf (accessed 18.11.2016).
5. European Route of Brick Gothic, available at: <http://www.eurob.org/index.php/Homepage;1/4> (accessed 18.11.2016).
6. Kovács, I., Nagy, G. 2013, Tourism in peripheric regions — the possibilities of thematic routes, *Analele Universității din Oradea. Seria Geografie*, no. 2, p. 220—228.

7. Project «Shtetl Routes. Vestiges of Jewish cultural heritage in cross-border tourism», available at: http://teatrnn.pl/kalendarium/node/1833/project_shtetl_routes_vestiges_of_jewish_cultural_heritage_in_cross_border_tourism (accessed 24.01.2017).
8. Rääkkönen, Ju., Honkanen, A. 2015, The Helsinki-Tallinn tunnel — possibilities for Finnish and Estonian tourism, *Baltic Rim Economies*, no. 4, p. 33.
9. The European cycle route network EuroVelo, 2012, European Parliament's Committee on Transport and Tourism, European Union, Brussels, p. 190.
10. The official Central and Eastern European Greenways website, available at: <http://www.greenways.by/index.php?content&id=32&lang=ru> (accessed 24.01.2017).
11. The official Iron Curtain Trail website, available at: <http://www.ironcurtaintrail.eu/en/index.html> (accessed 24.01.2017).
12. Alexandrova, A. Yu. 2015, The Silk Road; the geopolitical, geographic and economic aspects of designing cross-border tourism route, *Nauki o Zemle. Nauka. Innovacii. Tehnologii* [Earth sciences. Science. Innovation. Technologies], no 2, p. 68—77. (in Russ.)
13. Andreev, V. A., Ostropol'tsev, S. Yu. 2016, International transportation routes as a factor of the trans-border clusters emergence. The Territory Of New Opportunities, *The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, no. 2, p. 14—22. (in Russ.)
14. Balykova, E. The “Blue road” — our favourite project, available at: <http://monuments.karelia.ru/o-centre/25-letie-centra/jubilejnaja-gazeta/golubaja-doroga-nash-ljubimyj-proekt/> (accessed 27.01.2017). (in Russ.)
15. Belarus and Russia plan to create a 500-kilometer-long tourist route "to the reserved places Lakeland." The official website of the Embassy of the Republic of Belarus in the Russian Federation, available at: <http://embassybel.ru/news/7c7dbd1dd8a0.html> (accessed 24.01.2017). (in Russ.)
16. The water route "Trade route Navinskogo merchant", available at: http://seb-park.ru/blogs/?page_id=124 (accessed 18.11.2016). (in Russ.)
17. Kaliningrad Region and Poland will develop a common tourist routes, available at: <http://kgd.ru/news/polsha/item/59360-dlya-kaliningradskoj-oblasti-i-polshi-razrabotayut-obshhie-turisticheskie-marshruty> (accessed 24.01.2017). (in Russ.)
18. Information on the implementation of international projects in the field of tourism in the Republic of Karelia. The official internet-portal of the Republic of Karelia Karelia, available at: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Ministry/Development/Tourism/tourproj.html#04> (accessed 14.02.2017). (in Russ.)
19. Web mapping — Google maps, available at: <https://www.google.ru/maps?source=tldsi&hl=ru> (accessed 07.08.2017).
20. Royal Road. Vyborg Information and Travel Portal, available at: http://www.vbrg.ru/articles/korolevskaja_doroga/ (accessed 18.11.2016). (in Russ.)
21. Kropinova, E. G. 2014. Project “Crossroads 2.0” in the creation of the cross-border tourism region in the South-Eastern Baltic area, *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal* [Pskov regionologicheskij journal], no. 17, p. 53—59.
22. Kropinova, E., Anokhin, A. 2014, The Development of New Trans-border Water Routes in the South-East Baltic: Methodology and Practice, *Balt. Reg.*, Vol. 6, no. 3, p. 121—136. doi: 10.5922/2079-8555-2014-3-11.
23. Kropinova, E. 2013, More documents from Kropinova, Elena More documents from Baltic Region Export to your Reference Manger Please Copy & Paste Bibtex-Export Endnote-Export Display Statistics Weiterempfehlen Bookmark and Share Cooperation between Russia and the EU in the field of innovative development of tourism: the case of the Lithuania — Poland — Russia cross-border cooperation programme, *Balt. Reg.*, Vol. 5, no. 4, p. 48—57. doi: 10.5922/2079-8555-2013-4-5.

24. Pomorova, S. B., Shishina, M. Yu. (eds.) 2011, *Mezhdunarodnyj turistichekij marshrut na transgranichnoj territorii «Zolotoe kol'co Altaya»* [International tourist route on the cross-border area "Golden Ring of Altai"], Barnaul, p. 95. (in Russ.)
25. International tourist route "The Great Tea Road: Manchuria — Siberia" will pass through Chita, Ulan-Ude and Irkutsk, available at: <http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/v-chite-budet-dan-start-turistskomu-transgranichnomu-zhelezno-dorozhnomu-marshrut> (accessed 18.11.2016). (in Russ.)
26. Museums and cultural attractions on the international route "Blue Road" in Karelia, available at: <http://kgkm.karelia.ru/site/section/287> (accessed 18.11.2016). (in Russ.)
27. Norwegian Hurtigruten shipping lines plan to launch a ferry to Murmansk, available at: http://www.ratanews.ru/news/news_19022014_3.stm (accessed 14.02.2017). (in Russ.)
28. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po okazaniyu uslug po provedeniyu issledovaniya po monitoringu razvitiya turizma v Respublike Kareliya i razrabotke srednesrochnogo plana nauchnykh i marketingovykh issledovaniy v sfere turizma v Respublike Kareliya [The report on research work to provide services for conducting research on the development of tourism in the monitoring of the Republic of Karelia and the development of the medium-term plan for scientific and marketing research in the sphere of tourism in the Republic of Karelia], 2016, Institute of Economics of Karelian Research Centre of RAS, Petrozavodsk, p. 112. (in Russ.)
29. The official website of the project «Mining Road», available at: <https://miningroads.ru/> (accessed 18.11.2016).
30. The official website of the project «White road», available at: <http://old.nko-karelia.info/%D0%B1%D0%B5%D0%BB%D0%B0%D1%8F-%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B0.html> (accessed 18.11.2016).
31. Megem, M. E., Anokhin, A. Y., Spiriyaevs, E. (eds.) 2015, *CROSSROADS. New water tourist routes within cross-border area of Poland, Lithuania and Russia, adjacent to the Curonian and Vistula lagoons*, catalogue, Kaliningrad, 312 p.
32. Petersburgers have presented a new international tourist route, available at: <https://ok-inform.ru/obshchestvo/kultura/64413-peterburzhtsam-predstavili-novyj-me-zhdunarodnyj-turisticheskij-marshrut.html> (accessed 14.02.2017). (in Russ.)
33. EU cross-border cooperation programs Russia, available at: <http://rus-eu-culture.ru/rf/enpi-cbc/> (accessed 14.02.2017). (in Russ.)
34. CBC Programme EU — Russia. Ministry of Economic Development of Russia, available at: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/mps/programs/> (accessed 14.02.2017). (in Russ.)
35. Rummyantsev, P. *Marshruty druzhby: Latviya — EHstoniya — Rossiya* [Routes of the friendship Latvia — Estonia — Russia], available at: <http://www.rstnw.ru/marshrutyi-druzhbyi-latviya-estoniya-rossiya-chast-i.html> (accessed 18.11.2016). (in Russ.)
36. Stepanova, S. V. 2016, General Trends and Features of Tourism Infrastructure Development in Russia's Regions, *Moscow University Economics Bulletin*, no. 3, p. 68—84.
37. Stepanova, S. V. 2014, Cross-border Tourism in the Russian Northwest: General Trends and Features of Development, *Balt, Reg.*, Vol. 6, no. 3, p. 109—120. doi: 10.5922/2079-8555-2014-3-10.
38. The tourist route "The Island of the two rivers", 2013, available at: <http://fuyuan.ru/3204/> (accessed 02.02.2017). (in Russ.)
39. A fascinating journey through the Via Hanseatica, available at: <https://euro-pulse.ru/euroexpress/uvlekatelnoe-puteshestvie-po-via-hanseatica> (accessed 14.02.2017). (in Russ.)

40. Finns intend to open the tourist water route from Krasnoyarsk to Finland, available at: <https://www.votpusk.ru/news.asp?msg=543200> (accessed 14.02.2017). (in Russ.)

41. Chub, M. A. 2012, Heilongjiang Amur region: projects and prospects of international tourism, *Evrazijskaya integraciya: ehkonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics], no. 12, p. 69—74. (in Russ.)

42. Shekov, V. A. 2015, Geological, mining and industrial heritage of Finnish Karelia. Cross-Border Cooperation Programme project ENPI CBC “Karelia” KA 334 “Mining road”, *Trudy Karel'skogo nauchnogo centra RAN* [Proceedings of Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences], no. 7, p. 205—210. (in Russ.)

43. The Cultural Heritage of the Silk Road on the Map, available at: <http://ru.unesco.org/silkroad/interactive-map-of-the-silk-road> (accessed 14.02.2017). (in Russ.)

44. Shorohov, E. A., Gromov, V. V., Chervyakov, O. V., Shlyamin, V. A. 2001, *Mezhdunarodnyj opyt razvitiya turizma v rossijskoj chasti Barenceva Evro-Arkticheskogo regiona* [International experience in the development of tourism in the Russian part of the Barents Euro-Arctic Region], Petrozavodsk, p. 23. (in Russ.)

45. Eco-efficient technologies along the "Blue Road", available at: <http://north-centre.ru/file.php/id/f5520-file-original.pdf> (accessed 14.02.2017). (in Russ.)

The author

Dr Svetlana V. Stepanova, Researcher, the Department of Regional Economic Policy, the Institute of Economics, Karelian Research Center, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: svkorka@mail.ru

To cite this article:

Stepanova S. V. Cross-Border Tourist Routes: The Potential of Russia's North-West, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 129—151. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-7.

ТУРИСТСКО-
РЕКРЕАЦИОННЫЙ
ПОТЕНЦИАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ ГОРОДОВ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ

*В. М. Ходачек*¹
*В. А. Шамахов*¹

Отмечается, что исследование вопросов развития исторических городов активизировалось в последние годы в связи, с одной стороны, с повышением роли туризма и рекреации, как фактора социально-экономического развития, с другой — из-за обострения проблем пространственной организации национальной экономики в условиях недостаточно активной и целенаправленной региональной политики государства. Обозначилось существенное противоречие между вектором размещения хозяйства и сложившейся системой расселения. Это особенно касается многих исторических городов, в которых произошло существенное сужение экономической базы. Цель настоящего исследования — обоснование направлений более эффективного использования туристско-рекреационного потенциала в социально-экономической активизации исторических городов России.

Раскрываются проблемы развития исторических городов России на примере Северо-Западного региона. Исследуются факторы формирования новой стратегии развития исторических городов; характеризуются необходимые условия эффективного использования их туристско-рекреационного потенциала. Предлагаются критерии типологизации исторических городов для целей регулирования их туристско-рекреационного потенциала. Выводы исследования предусматривают формирование стратегических направлений развития туристско-рекреационной сферы исторических городов в соответствии с их типами, учитывающими особенности условий и факторов развития.

---

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 199178, Россия, Санкт-Петербург, Средний просп. В.О., 57/43.

Поступила в редакцию 15.06.2017 г.

doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-8

© Ходачек В. М., Шамахов В. А., 2017

Ключевые слова: исторический город, Северо-Запад России, туристско-рекреационный потенциал, факторы развития, типологизация, стратегия

Введение

Россия с ее более чем тысячелетней историей создала уникальные социально-культурные и экономические основы народного бытия. Они нашли фокусированное отражение в развитии системы городов, которые в течение длительных исторических периодов являлись центрами государственного развития, экономической и культурной жизни общества.

Повышенный интерес к истории, прошлому часто свидетельствует о наличии проблем в настоящем, об определенной дисгармонии общественного развития, неудовлетворенности существующим положением вещей, отсутствии четко выраженной стратегии движения вперед. Обращение к истории в этом плане нередко представляет собой попытку найти новые решения, доказать правоту или неправоту тех или иных современных действий, идеологических установок.

Одним из проявлений этих процессов стало то внимание, которое в обществе уделяется так называемым *историческим городам*, определению их прежней и настоящей роли в экономике и культуре, особенностям жизненного уклада и потенциала развития. Это внимание отражает наличие серьезных проблем в социально-экономическом развитии городов России.

Цель настоящего исследования — обоснование направлений более эффективного использования туристско-рекреационного потенциала (ТРП) в социально-экономической активизации исторических городов России. В качестве объекта исследований избран Северо-Западный регион РФ — как представительный полигон, имеющий в своем составе исторические города самых разных типов и характеризующийся развитой туристско-рекреационной сферой. Предмет исследования — вопросы управления развитием ТРП исторических городов. Это определило основные задачи работы, связанные с выявлением теоретических вопросов исследования феномена исторических городов, анализом динамики их развития в Северо-Западном регионе России, оценкой проблем их экономической базы, определением критериев типологизации исторических городов, условий и факторов их стратегического развития. В методологическом плане исторический город рассматривается в исследовании как сложная социально-экономическая система с особо значимой культурно-исторической компонентой. Анализ проблем использования ТРП исторических городов ведется исходя из задачи совершенствования управления и регулирования их развития. Анализ условий и факторов развития ТРП основывается на использовании сравнительно-исторического и типологического подходов, с учетом динамики их изменения и оценки влияния на различные составляющие социально-экономического комплекса исторических городов. Применены методы статистического анализа, сопоставления и аналогий.

Теоретические аспекты проблемы

Исследованием феномена исторических городов занимались и занимаются специалисты самых разных областей знаний — историки, культурологи, архитекторы и градостроители, географы, экономисты и социологи [1; 2; 4; 5; 12; 13; 26; 28]. Здесь нужно отметить, что само понятие «исторический город» не имеет четкой определенности, может пониматься очень широко. Возможны его различные трактовки в зависимости от того, в каком контексте, сфере знаний рассматривается вопрос.

Так, Н. Б. Булдакова [3], раскрывая понятие исторического города, трактует слово «исторический» как характеристику очень важных для страны, общества событий, происходивших здесь в прошлом. То есть историческим является город, где имели место те или иные значительные исторические события. А если таковых не было, то старый город историческим уже может и не считаться.

Представители градостроительной науки и архитектуры [10] во главу угла при определении понятия «исторический город» ставят наличие особо ценного архитектурного наследия, сохранение исторически сложившейся планировки. Если говорить о географической науке, географии городов, то они связывают понятие исторического города с историческими процессами формирования систем расселения, образования торговых и промышленных центров, развитием территориального разделения труда, освоения территории страны [14; 25; 29; 33; 34]. Достаточно распространено понимание исторических городов как населенных пунктов, основанных в достаточно отдаленные исторические периоды. То есть главный признак — время упоминания, возникновения, официального признания.

Федеральный закон об объектах культурного наследия [16] под историческим поселением понимает городской или сельский населенный пункт, в котором имеются объекты культурного наследия, представляющие собой особую ценность, имеющие важное значение для развития национальной культуры и внесшие существенный вклад в мировую цивилизацию.

Попытаемся более четко определить признаки, по которым тот или иной город (либо сельский населенный пункт) можно отнести к историческим городам. К числу наиболее существенных признаков, характерных для исторических городов и имеющих важное значение для оценки их туристско-рекреационного потенциала, можно отнести, на наш взгляд, следующие.

- Наличие исторического ядра, сохранившихся памятников архитектуры, дворцово-парковых ансамблей.
- Наличие фактов важных исторических событий, связанных с данным городом.
- Значение для развития государства, национально-освободительной борьбы.

- Наличие памятных мест и событий, связанных с развитием отечественной и мировой культуры, художественных промыслов.
- Значение города для развития обороноспособности и вооруженных сил государства.
- Значение города для истории развития народного хозяйства страны.

Важно также более четко определить хронологические рамки отнесения городов к историческим. Как базовое значение можно принять 100 лет отсчета от текущего периода (года). То есть к историческим городам при наличии вышеуказанных признаков можно отнести те, что возникли в период до 1917 года. Но могут быть сделаны и различные исключения для городов, образованных после этого, которые имеют особое историко-культурное значение. Например, в связи с событиями, связанными с Великой Отечественной войной, индустриализацией страны, освоением космического пространства. В то же время некоторые города, образованные до 1917 года, но не имеющие достаточного культурно-исторического значения (в том числе утратившие его), не могут быть отнесены к историческим.

В итоге к историческим могут быть отнесены, во-первых, все старые крупные русские города, обладающие комплексом признаков, характерных для исторического города, являвшиеся важнейшими экономическими и культурными центрами национального и регионального значения.

Во-вторых, это малые и средние города, в том числе возникшие в Новейшее время, которые обладают существенным историко-культурным наследием.

В-третьих, это поселения, не относящиеся сегодня к городским, но имевшие ранее этот статус и бывшие в свое время важными экономическими и культурными центрами, которые в значительной мере сохранили, не утратили это значение.

Все это говорит о том, что подход к отнесению того или иного города к историческим должен быть индивидуализирован и не стать излишне формализованным.

Исторический экскурс

Впервые список исторических городов был опубликован в 1944 году в рамках постановления Правительства СССР о восстановлении наиболее пострадавших старых русских городов, прежде всего областных центров. На Северо-Западе к ним были отнесены Новгород, Псков и Великие Луки. Отдельно решался вопрос о восстановлении Ленинграда и пригородов. Новый список исторических городов, включавший 20 наименований, в том числе 10 на территории РСФСР, был утвержден приказом Комархитектуры СССР в 1949 году [3]. Впоследствии список исторических городов неоднократно пересматривался (1970,

1990, 2002, 2010 годы). Перечень 1990 года включал уже 536 исторических поселений, в том числе 56 сельских населенных пунктов [21]. В 2002 году этот перечень был уточнен в сторону уменьшения, и нем осталось 478 исторических городов, в том числе 70 на территории Северо-Запада [18]. Однако в 2010 году произошло резкое (более чем в 10 раз) уменьшение числа официально признанных исторических городов [17]. Их количество составило 41, в том числе 8 на территории Северо-Запада (Санкт-Петербург, Выборг, Великий Новгород, Великий Устюг, Белозерск, Сольвычегодск, Каргополь, Тотьма). Ни Псков, ни Вологда, ни Калининград в число исторических городов не вошли. Наиболее вероятной причиной резкого уменьшения числа исторических городов стал дефицит бюджетных средств для сохранения и реставрации их архитектурного наследия и коммунальной сферы. Естественно, такое положение не соответствует действительной значимости проблемы сохранения развития исторических городов в стране.

В развитии исторических городов особое внимание в последнее время уделяется более эффективному использованию их туристско-рекреационного потенциала [9; 11; 12]. Многие руководители регионов и городов делают на эту сферу главную ставку, что не всегда отвечает реальным возможностям туризма и рекреации в наполнении бюджетов и повышении занятости населения [23]. Найти настоящее место сферы туризма и рекреации в социально-экономическом развитии исторических городов — одна из актуальных задач региональной политики и местного самоуправления.

Проблемы повышения эффективности использования ТРП, его развития и совершенствования управления туристско-рекреационными ресурсами исторических городов рассмотрим на примере Северо-Запада России. На территории СЗФО расположено 11 субъектов федерации с населением около 15 млн человек. Регион в определенной мере — по совокупности социально-экономических показателей — представляет собой уменьшенную в 10 раз копию Российской Федерации и имеет с ней сходство по структуре основных систем общественного развития (политико-административной, демографической, экономической, экологической и др.).

По условиям формирования системы городов Северо-Запад изначально весьма сильно отличался от районов Центральной Руси. Особенности региона всегда были окраинное расположение на территории русских земель, наличие выходов к морю и густая речная сеть, суровые в целом природные условия. К этим общим особенностям прибавлялись и существенные различия между южной и северной частями региона. Юг имел широкие связи с соседними районами, в том числе и заграничными. Северная часть отличалась суровыми природными условиями, крайне слабой заселенностью при огромных размерах территории. С IX века юг интенсивно колонизируется славянскими племенами. К XII веку колонизационные процессы здесь в основном закон-

чились, по всей территории сложились устойчивые ареалы расселения, которые в дальнейшем мало изменялись, увеличивалась лишь плотность населения. На севере колонизация проходила в период XII—XVI веков и привела к возникновению лишь островов заселения (по берегам крупных рек, озер, моря), также оказавшихся достаточно устойчивыми. Таким образом, каркас сети расселения Северо-Запада сложился к XII веку на севере района и в дальнейшем в течение долгого времени существенно не изменялся. На этом каркасе в основном и формировалось городское расселение.

Первоначально возникли своеобразные прообразы городов — небольшие укрепленные поселения — гроды, а в дальнейшем погосты, служившие центрами групп деревень и располагавшиеся на важных торговых путях. Первый этап формирования собственно городов — это появление на базе отдельных гродов и погостов немногих, но весьма крупных для того времени центров. Они возникали как в ареалах славянского расселения (Новгород, Псков), так и среди финских племен (Старая Ладога, Белоозеро) и сконцентрировали в очень высокой степени княжескую власть и торгово-ремесленные функции [4; 8; 13].

К началу XII века Новгород стал независимым от Киева и образовал Новгородскую республику, охватывающую большую часть Северо-Запада. С этого времени начинается второй этап — формирование крупных региональных центров, подчиненных Новгороду (Великий Устюг, Великие Луки, Старая Русса, Холм и др.). Одновременно близ границ республики возникали так называемые пригороды — укрепленные пограничные пункты, впоследствии развившиеся в города. Большое влияние на развитие городов Северо-Запада, формирование их хозяйственных функций оказало в этот период налаживание их связей с Ганзейским союзом городов [25; 31; 38].

После присоединения Новгорода к Москве разворачивается третий этап: появляется много небольших городов — центров местных сельскохозяйственных рынков, а также ремесленных, транспортных, военных и прочих городских поселений, в том числе рядков, посадов, слобод. Присоединение к Москве довольно резко изменило характер формирования системы городов Северо-Запада. Новгород потерял роль главного центра тяготения, часть городов расширили связь с Москвой, многие же прекратили свое развитие.

Новый этап был связан с основанием Петербурга. Однако он выполнял роль метропольного центра уже не для Северо-Запада, а для всей России, и дальние связи новой столицы проходили транзитом через регион, оставляя многие города вне поля своего тяготения. В конце XVIII века в России была проведена административная реформа, образованы губернии и уезды. Уездные центры получили права городов. В пределах Северо-Запада появилось в 1770—1790 годах 36 новых городов в дополнение к 27 существовавшим ранее. Эта официальная система городов неизбежно просуществовала в течение почти полутора веков (до Октябрьской революции было образовано всего 5 городов).

После революции прежнюю систему упорядочили, часть старых городов (фактически уже ими не являвшихся) упразднили, в то же время ряд наиболее крупных «фабричных» и «кустарных» сел, железнодорожных станций отнесли к городским поселениям. Социалистическая индустриализация страны, планомерное развитие хозяйства бывших окраин, освоение природных ресурсов обусловили быстрый рост городских поселений. Всего в довоенные годы на Северо-Западе было образовано 124 городских поселения [19].

Великая Отечественная война, с одной стороны, способствовала возникновению ряда новых городов и рабочих поселков, преимущественно на севере региона; с другой — она подорвала развитие многих городов, значительно опустошила сельскую местность в Новгородской, Псковской, частично Ленинградской областях, на долгое время лишив города источников роста населения [7].

Анализ особенностей туристско-рекреационного потенциала исторических городов Северо-Запада

К настоящему времени в пределах СЗФО (включая Калининградскую область) авторами выделено на основе учета указанных выше признаков 106 исторических городов, образованных в различные исторические периоды. Распределение исторических городов региона по периодам образования и субъектам федерации представлено в таблице. При этом период образования исторического города определялся, прежде всего, по времени, когда поселение фактически приобретало городской характер, в том числе — в результате строительства замков, крепостей. Исторические города, не имеющие в настоящее время статуса города, выделены в таблице курсивом (таковых насчитывается 25, из них сельских населенных пунктов — 12). В итоге исторические города составляют примерно 1/3 от общего числа городских поселений Северо-Запада.

Исторические города Северо-Запада в своем развитии испытывают значительные трудности, что отражает общие тенденции изменения пространственной организации производства и расселения современной России. Относительно благоприятная ситуация складывается в исторических городах — административных центрах субъектов федерации и в таких крупных индустриальных центрах, как Череповец, Великие Луки. В подавляющем же большинстве исторических городов произошло резкое сужение экономической базы, которая оказалась не в состоянии формировать бюджет, обеспечивать занятость и поддерживать в приемлемом состоянии коммунальную сферу, дорожное хозяйство, памятники историко-культурного наследия. Многие исторические города имеют монопрофильный характер экономики, что препятствует привлечению капитала и диверсификации хозяйства. Исключения очень редки (Боровичи, Выборг, Грязовец, Кингисепп).

Распределение исторических городов Северо-Запада в России по периодам образования и субъектам федерации

Субъект федерации	Количество городов	Период образования (век)					XIX—XX
		до XIV	XIV—XV	XVI—XVII	XVIII	XIX—XX	
Архангельская область	13	Вельск, Шенкурск	Кадников, Каргополь, Онега, <i>Соловецкий, Холмогоры</i>	Архангельск, Мезень, <i>Яренск, Пинега</i>	Сольвычегодск, <i>Красноборск</i>	—	—
Вологодская область	12	Белозерск, Великий Устюг, Вологда, Готыма	Кириллов, Устюжна	Грязовец, <i>Верховажье</i>	Вытегра, Никольск, Череповец	Красавино	—
Калининградская область	14	Гурьевск, Зеленоградск, Калининград, Светлогорск, Советск	Багратионовск, Правдинск, Черняховск, <i>Знаменск</i>	Балтийск, Гусев, <i>Добровольск</i>	Гвардейск, Озёрск	—	—
Республика Карелия	10	—	Кемь, Пудож, <i>Валаамы</i>	Олонек, Сортавала, <i>Куркиёки</i>	Петрозаводск, <i>Повенец, Сумский Посад</i>	Медвежьегорск	—
Республика Коми	3	—	Сыктывкар	—	—	Воркута, Ухта	—
Ленинградская область	14	Выборг, Шлиссельбург, <i>Копорье, Старая Ладога</i>	Ивангород, Кингисепп, Приозерск	Тихвин	Гатчина, Лодейное Поле, Луга, Новая Ладога, <i>Рождествено</i>	Волхов	—
Мурманская область	3	—	—	—	—	Кировск, Мурманск, Полярный	—
Новгородская область	12	Великий Новгород, Стара Русса	Сольды	Боровичи, <i>Любытино</i>	Валдай, Холм, <i>Крестцы</i>	Чудово, <i>Кулотино, Олечинский Посад, Демянск</i>	—
Псковская область	14	Великие Луки, Псков, Порхов, <i>Изборск</i>	Гдов, Опочка, Остров, Печоры, <i>Красногородск</i>	Невель, Себеж, <i>Луи-кинские Горы</i>	Новоржев, <i>Остров-Залит</i>	Зеленогорск	—
Санкт-Петербург	11	—	—	—	Коприно, Красное Село, Кронштадт, Ломоносов, Павловск, Петергоф, Пушкин, Санкт-Петербург, Сестрорецк, <i>Стрельна</i>	—	—

¹ Включая Ненецкий автономный округ.
Составлено авторами на основе данных: [6; 18; 19].

Проблемы экономической базы вызывают исход населения, особенно образованных, креативных кадров, которые могли бы внести свой вклад в развитии экономики, в том числе — сферы туризма и рекреации. Формируется отчуждение молодежи от своей малой родины, создается негативный стереотип жизненных установок, состоящий в стремлении «уехать во что бы то ни стало». Привлечению инвестиций в определенной мере препятствуют и многочисленные формальные ограничения (не всегда обоснованные), касающиеся использования городских земель, исторических зданий и сооружений, развития инфраструктуры.

Серьезной проблемой является низкая эффективность и недостаточное качество реализации государственных программ, связанных с сохранением историко-культурного наследия, что вызвало обратный эффект — сокращение финансирования этих программ. Реальность такова, что во многих исторических городах просто отсутствуют необходимые производственные структуры и квалифицированные кадры для восстановления и содержания в нормативном состоянии памятников историко-культурного наследия. Негативное воздействие на развитие экономики многих исторических городов оказывают крупные сетевые структуры, не позволяющие развиваться малому бизнесу и сохранять самобытность и местную специфику в сфере обслуживания туристов и рекреантов [9; 23].

В активизации социально-экономического развития исторических городов (особенно малых) важная роль принадлежит их туристско-рекреационному потенциалу (ТРП), под которым авторы понимают уровень обеспеченности города (включая окрестности) туристско-рекреационными ресурсами, способность создавать условия для их развития и эффективного использования. На наш взгляд, главным ресурсом в исторических городах является их культурно-исторический имидж, который притягивает туристов и способствует более полному использованию ТРП. Имидж исторического города обеспечивает привлечение инвесторов, рост спроса на местных рынках за счет туристов, приезжающих из других регионов, желающих поближе познакомиться с историко-культурными ценностями, увидеть город, о котором так много говорят.

Помимо того, что туристско-рекреационная сфера содействует существенному увеличению занятости и пополнению местных бюджетов, ее развитие вызывает значительный опосредованный эффект. Эта сфера может выступать в качестве «мотора» социально-экономического развития территории и приводить к постепенной диверсификации местной экономики.

Типологический подход к управлению туристско-рекреационным потенциалом исторических городов

Управление развитием ТРП представляет собой, прежде всего, управление факторами, влияющими на него, и содействие созданию необходимых условий для его эффективного использования. Субъектами

управления ТРП выступают органы государственной и муниципальной власти, а также непосредственно организации туристско-рекреационной сферы.

В целях управления ТРП исторических городов может быть предложена следующая классификация условий и факторов его развития.

1. Экономические факторы и условия:

- уровень развития экономической базы;
- уровень развития местного хозяйства;
- уровень развития малого предпринимательства;
- уровень развития торговой инфраструктуры;
- наличие товаров местного специалитета;
- уровень цен на локальном рынке;
- уровень бюджетной обеспеченности.

2. Транспорт:

- транспортная доступность;
- качество автомобильных дорог;
- наличие водного транспорта;
- уровень развития общественного транспорта;
- наличие автомобильных стоянок;
- наличие служб такси и аренды автотранспорта.

3. Условия пребывания:

- уровень развития гостиничного хозяйства;
- уровень благоустройства и санитарного состояния территории;
- уровень экологической безопасности;
- комфортность климата;
- уровень безопасности продуктов питания;
- уровень личной безопасности;
- уровень развития медицинской инфраструктуры;
- уровень развития санитарно-гигиенической инфраструктуры.

4. Историко-культурные факторы:

- историческая значимость и историко-культурный имидж города;
- наличие и состояние памятников архитектуры;
- наличие и состояние объектов паломничества;
- наличие памятных мест, связанных с историческими событиями, жизнью известных людей;
- уровень экскурсионного сопровождения.

5. Условия проведения досуга:

- уровень развития инфраструктуры сферы развлечений;
- уровень развития физкультурно-оздоровительной инфраструктуры;
- наличие учреждений культуры (театров, музеев, выставок и пр.);
- наличие мест отдыха в городе и окрестностях;
- наличие интересных ландшафтов.

Управление каждым из перечисленных факторов и условий развития требует соответствующего организационного обеспечения, эффективного распределения функций между субъектами управления, ини-

цирования и реализации (в случае необходимости) соответствующих региональных и городских проектов и программ. Необходимым условием является разработка критериальных показателей и индикаторов по каждому из вышеназванных факторов, что позволит проводить типологизацию исторических городов как объектов управления туристско-рекреационным потенциалом.

В регулировании развития исторических городов и управлении их ТРП большое значение имеет типологический подход. Он позволяет принимать более обоснованные управленческие решения, учитывающие специфические особенности отдельных групп исторических поселений, сходных по своим типологическим признакам [23]. Типологический подход представляет собой как бы первый этап, общую основу выработки стратегии развития исторических городов и формирование направлений реализации ключевых мер. Далее на этой основе, когда определены принципы действий, с большим успехом может применяться индивидуализированный подход. Если нет первого этапа, то весьма вероятно принятие недостаточно обоснованных решений при формировании мер в отношении конкретных городов.

В целях анализа ситуации, складывающейся в исторических городах, выявления тенденций и проблем, типических особенностей могут быть применены следующие критерии типологизации.

1. Исторически сложившиеся функции. При этом важно исследовать характер их динамики, степень сохранения этих функций. По данному критерию можно выделить, в частности, такие типы исторических городов:

- торгово-промышленные центры;
- транспортно-торговые центры;
- местные организующие центры;
- центры народных и художественных промыслов;
- религиозно-паломнические центры;
- резиденции, дворцово-парковые центры;
- курорты и центры отдыха.

Специфический тип исторических городов представляют города-заводы [15]. На Северо-Западе к этому типу можно отнести Сестрорецк, Колпино, Красавино, Кулотино.

2. Современные функции исторических городов в сфере туризма и рекреации. Типы исторических городов по преобладающим туристско-рекреационным функциям весьма разнообразны и отражают весь набор современных услуг в сфере туризма и рекреации. Поэтому нет нужды их все перечислять. Здесь важно исследовать перспективы изменения указанных функций в будущем, произвести типологизацию поселений по степени полноты развития всего комплекса туристско-рекреационных услуг.

Анализ ситуации и прогноз возможного ее изменения — это первый этап в управлении ТРП исторических городов. Для целей конкретного управления и регулирования необходимо привязать типологию исторических городов к функциям субъектов управления туристско-рекреаци-

онной деятельностью. Они зафиксированы в положениях соответствующих органов государственного и муниципального управления (Минкультуры, Минтруда и социального развития, Федеральное агентство по туризму, комитеты по культуре и туризму на региональном и муниципальном уровне и др.). Как общая для органов управления разного уровня функция зафиксирована следующая: содействие развитию туризма и рекреации. Она подразумевает создание необходимых условий и целенаправленное формирование факторов развития ТРП и конкретизируется в установленных положениями задачах органов управления.

По совокупности условий и факторов развития туристско-рекреационного потенциала исторические города могут быть разделены на следующие типологические группы.

1. Исторические города, имеющие устойчивую экономическую базу, развитую городскую инфраструктуру, комплекс уникальных историко-культурных объектов, современный набор туристских и рекреационных услуг (например, Великий Новгород, Санкт-Петербург, Вологда).

2. Города, имеющие уникальные историко-культурные объекты и условия для рекреации, но отличающиеся слабой экономической базой, транспортной удаленностью, малым набором и недостаточным уровнем туристско-рекреационных услуг (Белозерск, Великий Устюг, Кириллов, Тихвин и др.).

3. Города, имеющие памятники истории и культуры, сохранившие местную экономику и систему обслуживающих учреждений, но не обладающие современными средствами коммуникаций и туристской инфраструктурой (Архангельск, Вытегра, Сортавала и др.).

4. Города, имеющие ценные, иногда уникальные объекты историко-культурного наследия, но отличающиеся суровыми природно-климатическими условиями, небольшой численностью населения, слабостью экономической базы, отсутствием современной городской инфраструктуры, транспортных связей с главными центрами страны (Каргополь, Сольвычегодск, Онега, Тотьма и др.).

Типологический подход позволит обеспечить более эффективную реализацию мероприятий по развитию туристско-рекреационного потенциала как фактора социально-экономической активизации исторических городов с учетом специфики Северо-Запада России. В числе наиболее важных мер отметим следующие.

Для совершенствования управления туристско-рекреационным потенциалом исторических городов необходимо решить проблему отсутствия должной координации [9] между различными органами государственного и муниципального управления, занимающимися отдельными вопросами развития туризма и рекреации. Это приводит к неэффективному использованию бюджетных средств, дублированию функций, неэффективной реализации государственных и муниципальных программ. В связи с этим нужно определить ответственные координирующие органы (без создания дополнительных структур), которые были бы наделены полномочиями по согласованию деятельности всех заинтересованных структур.

Другим важным направлением является формирование в Северо-Западном регионе туристических цепочек (по аналогии с Золотым кольцом России) с разделением функций субъектов федерации и городов, участвующих в реализации туристских маршрутов. В этой связи особое значение приобретает формирование новых механизмов межрегионального и межмуниципального взаимодействия, частно-государственного и частно-муниципального партнерства, совместного финансирования развития туристской инфраструктуры.

Учитывая сезонный характер занятости в туристско-рекреационной сфере, присущий многим регионам Северо-Запада России, целесообразно разработать программу укрепления экономической базы исторических городов, предусматривающую создание (либо восстановление) в каждом из них опорных объектов градообразующего значения, что положительно скажется на стабилизации местных бюджетов, развитии инфраструктуры, закреплении кадров в туристско-рекреационной сфере.

В суровых природно-климатических условиях многих городов Северо-Запада важное значение будет иметь формирование социально-культурных центров комплексного типа, ориентированных в том числе на обслуживание туристов и рекреантов (когда весь комплекс услуг можно получать в одном месте). Это приведет к существенной экономии бюджетных средств на обеспечение функционирования социально-культурных объектов. В решении этих задач большую роль может сыграть малый бизнес, для чего в исторических городах необходимо разработать льготные механизмы поддержки его деятельности в сфере оказания различных услуг туристам и рекреантам.

Заключение

Туристско-рекреационный потенциал представляет собой один из наиболее существенных факторов социально-экономической активизации исторических городов. Анализ проблем развития исторических городов Северо-Запада России показывает, что эффективное использование ТРП здесь требует четкого типологического подхода к управлению и регулированию их развитием. При этом типология исторических городов должна носить практико-ориентированный характер и быть связана с конкретными функциями органов государственного и муниципального управления, занимающихся вопросами развития туристско-рекреационной сферы и сопряженных отраслей, городской инфраструктуры, учреждений культуры и искусства, охраной окружающей среды. Первостепенное значение имеет укрепление экономической базы исторических городов туристско-рекреационной специализации, без чего невозможно будет эффективно осуществлять мероприятия по развитию исторических городов и укреплению их туристско-рекреационного потенциала, создавать необходимые условия для финансирования соответствующих проектов, стабилизации занятости. Важно также преодолеть ведомственный подход в управлении и финансировании объектов туристско-рекреационной сферы и социально-культурных объектов. Это может быть реализовано через создание под руководством го-

родских администраций на основе частно-муниципального партнерства и межмуниципального сотрудничества социально-культурных центров комплексного типа. Эффективное решение вопросов развития туристско-рекреационного потенциала, формирования условий и факторов развития туризма в исторических городах, повышения уровня взаимодействия органов управления требует разработки новой стратегии развития туристско-рекреационного комплекса Северо-Запада России.

Список литературы

1. *Алексеева Л.И.* Судьба малых исторических городов Европейского Севера России: к постановке проблемы // Изв. РГО. 1998. № 1. С. 28—33.
2. *Алферов Г.В.* Русские города XVI—XVII вв. М., 1989.
3. *Булдакова Н.Б.* Критерии выделения группы исторических городов // Вестник Шадринского гос. пед. ин-та. 2009. № 4. С. 19—31.
4. *Вагнер Г.К.* Старые русские города : справочник-путеводитель. М., 1988.
5. *Веденин Ю.А.* Проблемы возникновения и развития уникальных исторических территорий М., 1990.
6. *Города России : энциклопедия* / гл. ред. Г.М. Лаппо. М., 1994.
7. *Даринский А.В.* Ленинградская область. 2-е изд. Л., 1979.
8. *Историческая география России XVIII в. Ч. 1 : Города, промышленность, торговля.* М., 1981.
9. *Исторические города России: сохранение и развитие : аналит. доклад* / Совет Федерации Федерального Собрания РФ. М., 2011.
10. *Исторические города СССР. Новое и старое.* М., 1987.
11. *Катровский А.П. и др.* Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения // Балтийский регион. 2017. Т. 9, вып. 1. С. 113—127.
12. *Крогус В.Р.* Исторические города России как феномен ее культурного наследия. М., 2009.
13. *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989.
14. *Лаппо Г.М.* География городов. М., 1997.
15. *Лотарева Р.М.* Города-заводы России, XVIII — первая половина XIX в. Екатеринбург, 1993.
16. *Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации : федер. закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. *Об утверждении перечня исторических поселений : приказ Минкультуры РФ от 27.07.2010 № 418* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. *Перечень населенных пунктов, имеющих статус исторических городов. Федеральная целевая программа «Сохранение и развитие архитектуры исторических городов» : постановление Правительства РФ от 26.11.2001 № 815* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
19. *РСФСР.* Административно-территориальное деление (на 1 января 1986 года). М., 1986.
20. *Русский город. Историко-методологический сборник.* М., 1976.
21. *Список исторических населенных мест РСФСР : постановление Коллегии Минкультуры РСФСР от 19.02.1990 № 12* [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
22. *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956.

23. *Управление* социально-экономическим развитием и туристско-рекреационной деятельностью на федеральном, региональном и местном уровне: типологический подход / под ред. В. А. Шамахова, В. М. Ходачека, М. Ю. Елсукова. СПб., 2016.
24. *Федоров Г. М.* У карты Калининградской области. Калининград, 1986.
25. *Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю.* Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №2. С. 7—28.
26. *Carriere F., Pinchemel P.* Le fait urbaine en France. P., 1963.
27. *Eurostat / HRL.* URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 07.07.2017).
28. *George P.* Question de geographie de la population. P., 1960.
29. *Harris C. D.* Cities of the Soviet Union. Chicago, 1970.
30. *Joenniemi P., Sergunin A.* Sity-Twinning in Northern Europe: Challenger and Opportunities. Saarbrüchen, 2011.
31. *Brecker J.* (Hg). Die Hanse. Hamburg, 1989.
32. *Kasanko M., Barredo J.I., Lavallo C. et al.* Are Europeancities Becousing Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas // Landscape and Urban Planning. 2006. Vol. 77, № 1—2. P. 111—130.
33. *Kosinski L.* Geografia ludnosci. Warszawa, 1967.
34. *Kostrowicki J.* Typy miast i siec osadnicza. Warszawa, 1951.
35. *Liszewski S.* Region turystyczny // Turyzm. 2003. Vol. 13, № 1. P. 43—54.
36. *Moser C. A., Scott W.* British towns. L., 1961.
37. *Murphy R. E.* The American city: an urban geography. N. Y., 1966.
38. *Samsonowiz H.* Pozne sredniowirze miast nadlaltyckich. Warszawa, 1968.
39. *Town History.* URL: <http://www.hforcare.com/> (дата обращения: 07.07.2017).
40. *Union of the Baltic cities.* URL: <http://www.ubc.net/> (дата обращения: 07.07.2017).

Об авторах

Владислав Михайлович Ходачек, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

E-mail: gofin@list.ru

Владимир Александрович Шамахов, доктор экономических наук, директор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

E-mail: shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Для цитирования:

Ходачек В. М., Шамахов В. А. Туристско-рекреационный потенциал исторических городов Северо-Запада России // Балтийский регион. 2017. Т. 9, №4. С. 152—169. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-8.

THE TOURIST AND RECREATION POTENTIAL
OF HISTORICAL CITIES IN NORTH-WEST RUSSIA

V. M. Hodachek¹

V. A. Shamakhov¹

¹ *North-West Institute of Management,
57/43. Sredniy prospect, Saint-Petersburg, 199178, Russia,*

Submitted on June 15, 2017

In recent years, the development of historical cities has been high on research agenda. This is explained by the growing role of tourism and recreation in socio-economic development and the persisting problem of the national economy's spatial organisation amidst the absence of a clear-cut regional policy. The authors stress the discrepancy between the distribution of economic activities and the established system of settlement. This is particularly true for many historical cities, whose economic resources have been curtailed. This study provides a rationale for a more efficient use of the tourist and recreational potential to boost the socio-economic development of Russia's historical cities. The article describes problems of the cities' development using the country's North-West as an example. The authors explore factors behind the formation of a new development strategy for historical cities and analyse conditions necessary for the efficient exploitation of the historical cities' tourism and recreation potential. The findings obtained suggest that strategic areas of tourism and recreation development in Russia's historical cities should be identified depending on city type, development conditions and other relevant factors.

Key words: historical town, Russia's North-west, tourism and recreation potential, development factors, typology

References

1. Alekseeva, L. I. 1998, The fate of small historical towns in the European North of Russia: the formulation of the problem, *Izv. RGO*, no. 1. (in Russ.)
2. Alferov, G. V. 1989, *Russkie goroda XVI—XVII vekov* [Russian towns of the XVI—XVII centuries], Moscow. (in Russ.)
3. Buldakova, N. B. 2009, Criteria for the selection of a group of historic towns, *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Shadrinsky State Pedagogical University], no. 4, p. 228—232.
4. Wagner, G. K. 1988, *Old Russian towns*, Guide-Guide Publishing House of Art, Moscow.
5. Vedenin Yu. A. 1990, *Problemy vozniknoveniya i razvitiya unikal'nykh istoricheskikh territorii* [Problems of the origin and development of unique historical territories], Moscow. (in Russ.)
6. Lappo, G. M. (ed.) 1994, *Goroda Rossii* [Towns of Russia], encyclopedia, Moscow. (in Russ.)
7. Darinsky, A. V. 1979, *Leningradskaya oblast'* [Leningrad Region], 2nd ed., Leningrad. (in Russ.)

8. *Istoricheskaya geografiya Rossii XVIII veka* [Historical geography of Russia of the XVIII century], 1981, Part 1. *Goroda, promyshlennost', trgovlya* [Cities, industry, trade], Moscow. (in Russ.)
9. Historical towns of Russia: preservation and development, 2011, Anal. Report. Council of the Fed. Fed. SOBR. Russia. (in Russ.)
10. *Istoricheskie goroda SSSR* [Historical towns of the USSR. New and old], 1987, Moscow. (in Russ.)
11. Katrovsky, A. P. Kovalev, Yu. P., Mazhar, L. Yu., Shcherbakova, S. A. 2017, Tourism in Border Regions: Theoretical Aspects of a Geographical Study, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 81—90. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-7.
12. Krogus, V. R. 2009, *Istoricheskie goroda Rossii kak fenomen ee kul'turno-go naslediya* [Historical towns of Russia as a phenomenon of its cultural heritage], Moscow. (in Russ.)
13. Kuza, A. V. 1989, *Nebol'shie goroda drevnei Rusi* [Small towns of ancient Russia], Moscow. (in Russ.)
14. Lappo, G. M. 1997, *Geografiya gorodov* [Geography of towns], Moscow. (in Russ.)
15. Lothareva, R. M. 1993, *Goroda Rossii, XVIII — pervaya polovina XIX veka* [Towns-plants of Russia, XVIII — first half of the XIX century], Ekaterinburg. (in Russ.)
16. On objects of cultural heritage (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation, 2002, June 25, No. 73-FZ. (in Russ.)
17. On the approval of the list of historical settlements. Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation of July 27, 2010, No. 418. (in Russ.)
18. List of settlements with the status of historic towns. Fed. Target Program "Preservation and Development of the Architecture of Historic Cities". Fast. Etc. The Russian Federation from 26.11.2001, № 815. (in Russ.)
19. The RSFSR. Administrative-territorial division (on January 1, 1986), 1986, *Izvestia*. (in Russ.)
20. *Russkii gorod. Istoriko-metodologicheskii sbornik* [Russian city. Historical and methodological collection], 1976—1990, Moscow, p. 1—9. (in Russ.)
21. List of historical settlements of the RSFSR. Fast. Collegium of the Ministry of Culture of the RSFSR of February 19, 1990, No. 12. (in Russ.)
22. Tikhomirov, M. N. 1956, *Starorusские goroda* [Old Russian towns], Moscow. (in Russ.)
23. Shamakhov, V. A., Khodachek, V. M., Elsukov, M. Yu. 2016, *Upravlenie sotsial'no-ekonomicheskim razvitiem i turistsko-rekreatsionnoi deyatel'nost'yu na federal'nom, regional'nom i mestnom urovnyakh: tipologicheskii podkhod* [Management of social and economic development and tourist-recreational activities at the federal, regional and local levels: a typological approach], St. Petersburg. (in Russ.)
24. Fedorov, G. M. 1986, *Karta Kaliningradskoi oblasti* [The map of the Kaliningrad Region], Kaliningrad.
25. Fedorov, G. M., Mikhailov, A. S., Kuznetsova, T. Yu. 2017, The influence of the sea on the economic development and settlement structure in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 4—18. doi: 10.5922/2079-8555-2017-2-1.
26. Carriere, F., Pinchemel, P. 1963, *Le fait urbain en France*, Paris, p. 346.
27. Eurostat, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat> (accessed 07.07.2017).
28. George, P. 1960, *Question de geographie de la population*, Paris, p. 229.
29. Harris, C. D. 1970, *Cities of the Soviet Union*, Chicago, p. 484.
30. Joenniemi, P., Sergunin, A. 2011, *City-Twinning in Northern Europe: Challenge and Opportunities*, Saarbrücken, p. 108.
31. Brecker, J. (ed.) 1989, *Die Hanse*, Hamburg, p. 324.

32. Kasanko, M., Barredo, J. I., Lavalle, C. et al. 2006, Are Europeancities Becoming Dispersed? A Comparative Analysis of Fifteen European Urban Areas, *Landscape and Urban Planning*, Vol.77, no. 1—2, p. 111—130.
33. Kosinski, L. 1967, *Geografia ludnosc.*, Warszawa, p. 280.
34. Kostrowicki, J. 1951, *Typy miast i siec osadnicza*, Warszawa, p. 260.
35. Liszewski, S. 2003, Region turystyczny, *Turyzm*, Vol. 13, no. 1, p. 43—54.
36. Moser, C. A., Scott, W. 1961, *British towns*. London, p. 169.
37. Murphy, R. E. 1966, *The American city: an urban geography*, New York, p. 464.
38. Samsonowiz, H. 1968, *Pozne sredniowircze miast nadlaltyckich*, Warszawa, p. 218.
39. Town History, available at: <http://www.hforcare.com/> (accessed 07.07.2017).
40. Union of the Baltic cities, available at: <http://www.ubc.net/> (accessed 07.07.2017).

The authors

Prof Vladislav M. Hodachek, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.
E-mail: gosfin@list.ru

Prof Vladimir A. Shamakhov, Director, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia.
E-mail: shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

To cite this article:

Hodachek V. M., Shamakhov V. A. The Tourist and Recreation Potential of Historical Cities in North-West Russia *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 152—169. doi: 10.5922/2074-9848-2017-4-8.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят *внутреннее* и *внешнее рецензирование*, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках, оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;

- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

4) ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);

5) список литературы;

6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);

7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);

8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2017
Том 9
№ 4

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Корректор *Е. А. Алексеева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 01.12.2017 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 15,1
Тираж 1000 экз. (1-й завод 57 экз.). Заказ 313

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6